

ВОЛОСТИ ПЕРВАГО МОЕГО УЧАСТКА

ИЗЪ ОТРЫВОЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

С. Славутинскаго.

МОСКВА.
Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (М. Казовъ)
на Страстномъ бульварѣ.
1879.

Дозволено цензурой. Москва, 1879 года сентября 6 дня.

ВОЛОСТИ ПЕРВАГО МОЕГО УЧАСТКА

ИЗЪ ОТРЫВОЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

I.

....Итакъ, никакими, хоть сколько-нибудь существенными, указаніями по предстоящему труду не удалось мнѣ раздобыться въ Вильнѣ; но и въ Ковнѣ мало, слишкомъ мало, нашелъ я такихъ указаній, хотя въ этомъ городѣ именно для нихъ даже задержали меня на нѣсколько лишнихъ дней. Какъ ни старался я направлять даваемые мнѣ разъясненія и наставленія на тѣ вопросы которые я составилъ себѣ еще предъ отъѣздомъ въ сѣверо-западный край, всѣ эти разъясненія и наставленія совсѣмъ-таки миновали мои вопросы. Все ограничивалось указаніемъ что мировой дѣятель (такъ любили тогда называть служившихъ по мировымъ крестьянскимъ учрежденіямъ) долженъ, прежде и больше всего, служить вѣрой и правдой русскому дѣлу, отнюдь и ни въ чемъ не потакаая мѣстнымъ помѣщикамъ-Полякамъ и ксендзамъ. Это было прекрасно, но слишкомъ отзывалось общимъ мѣстомъ.

Въ Вилькомірѣ тѣ лица къ которому я обращался съ моими вопросами, говорили мнѣ въ такомъ родѣ: „Напрасно вы стараетесь подготовить себя всякими свѣдѣніями; хоть и соберете ихъ, они вамъ ровно ничего не помогутъ. У

вась теперь двѣ главныя заботы: собирать оброчныя и выкупныя платежи *, отнюдь не допуская недоимокъ, а если допустятся недоимки, то какъ бы худо не вышло по службѣ; да потомъ еще придется вамъ почти безпрерывно разѣзжаться съ повѣрочными комиссіями, ** и тутъ преимущественно вы будете разбирать права на всяческіе надѣлы; ну, конечно, будутъ и еще хлопоты, но почти всѣ уже мелочныя, напримѣръ: составленіе актовъ о топливѣ, разборъ дѣлъ о потравкахъ, порубкахъ, по спорамъ между нанимателями и сельскими рабочими, и, наконецъ, наблюденіе за волостнымъ управленіемъ. Относительно же вотъ хоть бы характера дѣлѣнныхъ крестьянъ, такъ какія вамъ нужны изслѣдованія

* До перевода крестьянъ на выкупныя платежи, что могло послѣдовать только по утвержденіи губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ земельного надѣла и выкупной за него суммы, какъ они опредѣлялись повѣрочными комиссіями въ выкупныхъ актахъ, крестьяне должны были вносить оброчныя, въ пользу помѣщиковъ, платежи, въ размѣрѣ назначенномъ по уставнымъ грамотамъ, составленнымъ помѣщиками и польскими мировыми посредниками. Оброчныя платежи эти почти вездѣ были чрезвычайно тяжелыя.

** Повѣрочныя комиссіи, назначенныя и обѣщанныя еще въ мѣстныхъ положеніяхъ о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, были окончательно образованы и начали дѣйствовать въ Северо-Западномъ краѣ еще съ 1863 года. При настойчивомъ наблюденіи тогдашней генераль-губернаторской власти въ краѣ, онѣ дѣйствовали быстро, хотя, конечно, и не вездѣ съ одинаковою быстротой, чему было много причинъ, особенно же топографическихъ, какъ напримѣръ, въ Минской губерніи, гдѣ такъ много болотъ даже непроходимыхъ. Чрезвычайною же быстротой отличались повѣрочныя комиссіи Гродненской губерніи, благодаря энергіи тогдашняго губернатора И. Н. Скворцова и одного изъ членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Н. А. Зубкова. Въ Гродненской губерніи, несмотря на то что въ значительной части оной находится Полѣсье, съ его знаменитыми болотами, повѣрочныя дѣйствія были окончены въ два года. Не скрою что такая быстрота нѣрѣдко была въ ущербъ правильности дѣйствій, и многіе выкупные акты, въ которыхъ опредѣлялись: права на надѣлы, размѣры надѣла, оцѣнка надѣляемыхъ земель по угодьямъ и размѣръ выкупныхъ платежей,—приходилось потомъ и исправлять и перодѣлывать; но, говоря по всей справедливости, нельзя не подивиться энергической дѣятельности членовъ повѣрочныхъ комиссій, и тѣмъ болѣе что сначала не только въ 1863 году, но и въ

характера ихъ? Въдъ это просто-на-просто *Жмогусы* *, съ которыми и не дотолкуешься ни до чего, по той причинѣ что они мало понимаютъ по-русски... Вамъ можно бы и не слѣзшій въ объѣздъ по волостямъ, подождали бы какъ отправится въ вашъ участокъ одна изъ повѣрочныхъ комиссій.

Я рѣшился однако объѣхать мои волости не дожидаясь выѣзда въ нихъ повѣрочныхъ комиссій, и именно потому что въ двухъ волостяхъ, Вижунской и Овантской, долженъ былъ предполагать что-то очень неладное. Изъ Вижунской волости являлся ко мнѣ крестьянинъ Нарбутисъ съ жалобой на волостнаго старшину Шалаку, а изъ Овантской являлись съ жалобами на старшину Гайдамовича и писаря Лакиду уже двое: крестьянинъ Милюкенисъ и бывший писарь Быковъ, Русскій по происхожденію, отставной унтеръ-офицеръ, прогнанный изъ писарей моимъ предмѣстникомъ. Всѣ эти жалобы, крайне безтолково изложенныя, не говоря уже о безграмотности ихъ, были прекляузнаго свойства, а главное—указывали на большую неурядицу въ общественномъ управленіи и на сильный раздоръ между крестьянами изъ-за выборовъ должностныхъ лицъ. Къ тому же и предмѣстникъ мой, и прочіе вилькомірскіе мировые дѣятели говорили мнѣ про вышеназванныя волости какъ про самыя безлокойныя, съ которыми „придется-таки повозиться“.

Впечатлѣнія вынесенныя мною изъ этого объѣзда волостей были разнообразны и сильны. О нихъ-то я и хочу теперь разказать, кстати дополнивъ разказъ и вѣзмъ что въ послѣдствіи успѣлъ я развѣдать объ условіяхъ жизни и труда крестьянина-Литвина.

1864 они дѣйствовали при постоянномъ страхѣ нападеній со стороны повстанскихъ шаекъ,—отъ чего и должны были повсюду разѣзжать при воинскомъ конвоѣ.

* *Жмогусъ*—человѣкъ по-литовски, или, лучше сказать, крестьянинъ, земець: *збемля*—по-литовски земля, откуда производное *збмогусъ* и даже *збмудъ*, какъ называется часть Ковенской губерніи, примыкающая къ Привислинскимъ губерніямъ (другая же часть, собственно Литва, примыкающая къ Виленской и Витебской губерніямъ, называется *Аускотисъ*). Такъ объясняли мнѣ мѣстные знатоки литовскаго языка.

II.

Я выѣхалъ изъ Вилькомира (5 мая 1865 года) очень рано утромъ; но несмотря на раннюю пору базарная площадь Вилькомирская тогда была уже полна народомъ, все почти Евреями да Еврейками. Посреди этого народа надо было проѣзжать осторожно, все шагомъ; я успѣлъ взглядѣться. Удивили меня расположеніе и занятія толпы. Евреи въ перелачканныхъ, нерѣдко оборванныхъ кафтанахъ своихъ, каждый съ крючкатою тросточкой на рукѣ, преважно стояли болтая на своемъ жаргонѣ. Еврейки, хоть и бѣдно одѣтыя, но далеко не въ такихъ лохмотьяхъ какъ ихъ мужья (притомъ всѣ въ кринолинахъ), непрерывно сновали изъ стороны въ сторону, таская корзинки переполненные хлѣбами, булками, картофелемъ, лукомъ, апельсинами, все предметами своей ежедневной жалкой торговли.

Утро было прекрасное, исто-весеннее. Да и дорога прудобная: вплоть до первой почтовой станціи (кажется Стаекунишки), я ѣхалъ все по шоссе, идущему отъ Динабурга на Ковно и тогда содержимому въ большомъ порядкѣ. Прекрасные виды попадались чуть не на каждомъ шагѣ. Слегка холмистая мѣстность по обѣ стороны шоссеинаго пути была изрѣзана вдоль и поперекъ, смотря по расположенію холмовъ, загонами (нивами) съ высоко уже поднявшеюся рожью и съ только-что зазеленѣвшимъ яровымъ посѣвомъ; за загонами, всегда не далеко и не широко раскинувшимися, отчето можетъ-быть еще пріятнѣе было смотрѣть на нихъ, любуясь на тщательную ихъ обработку, перемежались лѣса и рощи, а у опушки ихъ виднѣлись тѣ характерныя жилища мѣстныхъ коренныхъ крестьянъ, *односелья* и *застѣнки*, которыя и на первый взглядъ обличаютъ несообщительную угрюмую натуру Литвина. Для бѣльшаго оживленія этихъ видовъ, на половинѣ пути ярко засвѣтилась Свента, текущая прихотливыми излучинами въ берегахъ то отлогихъ, то лесчаныхъ, то примыкающихъ къ лѣсистымъ холмамъ. Свента поманила меня на остановку: я съ наслажденіемъ выкупался.

Перемѣнивъ лошадей, я скоро съѣхалъ въ сторону съ шоссеинай дороги. Тутъ уже тянулся мой участокъ, состоявшій

изъ десяти волостей. То были все волости образованныя изъ имѣній съ бывшими крѣпостными крестьянами. Кетати сказать: волости эти были немногочисленны, хотя въ составъ каждой изъ нихъ входило довольно много сельскихъ обществъ и деревень; всего населенія числилось въ нихъ только около пятнадцати тысячъ ревизскихъ душъ. Но за то онѣ были раскинуты на большомъ пространствѣ, такъ что самая дальняя изъ нихъ, Сольская, отстояла отъ Вилькомира почти на девяносто верстъ, а для объѣзда всѣхъ волостей приходилось проѣхать слишкомъ двѣсти верстъ.

Одна изъ самыхъ малыхъ моихъ волостей, имѣвшая въ себѣ, сколько помнится, душъ до восьмисотъ не болѣе, была Курклеевская, и въ нее-то, такъ какъ именно ею начинался мой участокъ, я и пробирался теперь.

Впрочемъ, никакихъ особенныхъ дѣлъ тамъ не предвидѣлось. Во все время покуда я проживалъ въ Вилькомирѣ, принимая отъ моего предмѣстника дѣла по участку, жалобъ и прошеній изъ Курклеевской волости не поступало, и никто изъ тамошнихъ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ ко мнѣ не заглядывалъ. Притомъ я зналъ что повѣрочныя дѣйствія по надѣлу крестьянъ тамъ уже совсѣмъ окончены; предмѣстникъ же мой и прочіе мировые дѣятели, которыхъ я все-таки не переставалъ разспрашивать съ участкѣ, единогласно завѣряли что въ Курклеевской волости все обстоитъ благополучно: крестьяне пресмирные, отнюдь не кляузные (не то что напримѣръ въ волостяхъ Вижунской, Овантской и Ониктинской), и мѣстное крестьянское начальство тоже отличается своимъ смиренствомъ.

Уладивъ кое-какъ дѣла съ моимъ предмѣстникомъ, я отправился въ мѣстечко Куркле гдѣ находилось волостное правленіе.

Селеніе Куркле, заключавшее въ себѣ врядъ ли больше пятидесяти дворовъ, уже потому не должно бы носить хвастливую кличку мѣстечка; да и расположено оно въ сторонѣ отъ большой дороги, и базаровъ тутъ не можетъ быть, такъ какъ всего въ десяти верстахъ находится значительное торговое мѣстечко Оникшты. Къ чему же мѣстный помѣщикъ хлопоталъ о переименованіи селенія Куркле въ мѣстечко? Дѣло въ томъ что всякій панъ сколько-нибудь важный добывался всячески, изъ-за панской своей *пыхи*, чтобъ именоваться обладателемъ хоть одного мѣстечка (то есть городка).

Курклеевское волостное правленіе, стоявшее на самомъ концѣ мѣстечка, было тѣсно даже для малаго схода и вообще плохо построено; но еще новое и чисто прибранное въ ожиданіи моего пріѣзда оно глядѣло довольно весело.

Меня встрѣтили у крыльца цѣлымъ сходомъ. Когда я поздоровался, мнѣ отвѣтили тихо, сдержанно, но казалось привѣтливо.

Наружность этихъ людей, особенно цѣлый видъ схода, показались мнѣ съ перваго взгляда какъ-то очень чуждыми, и по костюму, и по физіономіямъ. Костюмъ—довольно короткіе двубортные сюртуки изъ свѣтлосѣраго домашнего сукна и только у самыхъ бѣдныхъ или можетъ-быть у скулыхъ какіе-то балахоны изъ грубой холстины. Все это, нескладно сшитое, придающее каждому и всѣмъ неуклюжій видъ, все это какъ будто съ чужихъ плечъ, приноровленное только недавно (и точно, въ послѣдствіи я узналъ что костюмъ этотъ собственно не литовскій, а взятъ отъ простой шляхты и навязанъ крестьянамъ насильно). Щеки и подбородки бритые, изрѣдка коротко подстриженные щетинистые усы; волосы на головѣ довольно длинныя, на лобѣ низко нависшіе; глаза глядящіе изподлобья, пристально, но не бодро и отнюдь не весело; вообще продолговатыя тускло-блѣдныя лица, съ выраженіемъ пасмурнымъ, почти мрачнымъ; а притомъ, тѣлодвиженія медленныя и неуклюжія; рѣчь тоже медленная, путанная, неясная. Да, эти крестьяне нисколько не походили на истыхъ русскихъ крестьянъ, у которыхъ одежда хоть и не казиста, за то какъ-то ловко сидятъ на нихъ, у которыхъ тѣлодвиженія бойкія и размашисты, взглядъ открытъ и ясенъ, рѣчь громка и развязна, и вся наружность полна выраженіемъ бодрости и силы.

Курклеевскій волостной сходъ оказался столь немногочисленъ что я даже подивился. Впрочемъ, причина тому была самая простая: тутъ были налицо только волостныя и сельскія должностныя лица да выборные отъ хозяевъ полныхъ участковъ, а трехдесятичниковъ,* огород-

* Трехдесятичники—крестьяне, или сами *скасованные*, то-есть смѣщенные помѣщиками съ участковъ, въ періодъ времени отъ введенія инвентарей (въ 1845—1847 годахъ) и до 1857 года (когда помѣщики Северо-Западнаго края заявили предъ правительствомъ желаніе улучшить положеніе своихъ крѣпостныхъ, съ чего и

никовъ * и безземельныхъ батраковъ ** вовсе не было, потому что права ихъ на надѣлы были уже разобраны повѣрочною комиссіей въ волости.

Я поразспросилъ волостнаго старшину, Станислава Дудаса, на видъ очень простоватаго и предобродушнаго все улыбающагося на мои вопросы: сколько у него въ волости дворохозяевъ, надѣленныхъ полными участками, сколько трехдесятичниковъ, огородниковъ и батраковъ. Онъ ничего про это не зналъ. Но онъ не зналъ и того сколько въ волости деревень, односельй, застѣнковъ, сколько даже сельскихъ обществъ. Онъ объ одномъ лишь отвѣчалъ, и то съ нѣкоторою натугой: по скольку именно десятины получили въ Курклеевской волости хозяева полныхъ участковъ. Не удовлетворительныя отвѣчали и сельскіе старосты. Нечего и говорить что этимъ смиренными людямъ обязанности ихъ, указанныя въ положеніяхъ, были рѣшительно неизвѣстны. Я растолковалъ всѣмъ: какъ не хорошо имъ, волостнымъ и сельскимъ начальникамъ, не знать самыхъ простыхъ вещей даже о томъ сколько обществъ въ волости, сколько дворовъ въ каждомъ обществѣ. Я постарался тоже уяснить имъ, по возможности, какъ необходимо для нихъ твердо ознакомиться со всѣми своими обязанностями, для чего и приказалъ волостному писарю Черноцкому (довольно смышленому, какъ я замѣтилъ по приговорамъ и рѣшеніямъ волостнаго суда) какъ можно чаще читать должностнымъ лицамъ, всякій разъ какъ они бывають въ волостномъ правленіи, нужныя статьи Общаго Положенія.

Въ разговорахъ со старшиной, со старостами, съ волостными судьями и съ нѣкоторыми изъ выборныхъ я замѣтилъ

началось дѣло крестьянской эманципаціи), или же потомки такихъ скасованныхъ крестьянъ. Они получали, по повѣрочнымъ дѣйствіямъ, по три десятины на семейство; между тѣмъ какъ скасованные съ участковъ уже послѣ вышеуказаннаго заявленія помѣщиковъ получали полныя участки.

* Огородники—крестьяне имѣвшіе со времени инвентарей клочки усадебной земли пространствомъ въ двѣсти, четыреста, рѣдко въ шестьсотъ квадратныхъ сажень. Имъ предоставлялись эти огороды на выкупъ на томъ же основаніи какъ и трехдесятиникамъ.

** О батракахъ, классѣ народонаселенія особенно интересномъ по многимъ отношеніямъ, нельзя высказать всего нужнаго въ примѣчаніи; потому я разкажу о нихъ дальше, въ самомъ текствѣ.

что всё они хорошо понимают мою русскую рѣчь и отвѣчают по-русски довольно вразумительно, хотя и медленно, какъ бы на чужомъ языкѣ. Это удивило меня нѣсколько, именно потому что я вспомнилъ, какъ говорили мнѣ мои товарищи, будто бы со *Жмогусами* и не дотолкуешься ни до чего, по причинѣ незнанія ими русскаго языка. Въ послѣдствіи оказалось что не въ одной Курклеевской волости, но и въ другихъ нѣсколькихъ, а именно: въ Скимянской, Оникштинской, Судейской и Уцянской, хорошо понимаютъ русскую рѣчь и говорятъ по-русски большею частью очень недурно. Но я замѣтилъ тутъ слѣдующій фактъ: чѣмъ ближе волость къ шоссеиной дорогѣ тѣмъ больше тамъ крестьянъ знающихъ русскій языкъ, тѣмъ чище говорятъ тамъ по-русски. Такимъ образомъ оказывается что нѣкоторое обрусѣніе Литвиновъ, всегда относящихся къ людямъ иного съ ними племени, а между прочимъ и къ Полякамъ, своимъ единовѣрцамъ, какъ-то враждебно, что и выражается у нихъ въ общемъ названіи всѣхъ чужихъ людей ненавистнымъ словомъ *гудасъ*, * началось и можетъ-быть укоренилось именно съ шоссеиного пути. Оно и понятно почему. Когда проводилось шоссе по Вилькомирскому уѣзду, тамъ работали и довольно долго жили чисто-русскіе люди, землеколы, каменъщики, плотники изъ Смоленской, Калужской и Витебской губерній; они-то и порадовали русскому дѣлу, всюду развязно и обходительно обращаясь ко всѣмъ со своею русскою рѣчью. Но и по окончаніи постройки шоссе эти русскіе рабочіе являлись сюда постоянно, хотя, конечно, не въ прежнемъ числѣ, для всякихъ ремонтныхъ работъ на шоссе, собственно потому что коренные Литвины землекопною и каменъщицкою работами вовсе не занимаются. Во всѣхъ прочихъ волостяхъ моего участка: въ Вижунской, Свядосцькой, Добейской, Овантской и особенно въ Солльской, какъ наиболѣе отдаленной отъ шоссе, говорили по-русски немногіе, а напротивъ, были такіе крестьяне-хозяева которые вовсе не понимали русской рѣчи. Въ этихъ волостяхъ даже нѣсколько разчетливо отбивались отъ русской рѣчи: такъ я замѣтилъ что въ волостные судьи, въ сборщики податей и въ старосты какъ бы нарочно выби-

* *Гудасъ*—собственно значить *чужакъ*, но въ томъ смыслѣ какой имѣетъ у Евреевъ слово: *гой*; въ частности же Литвины называютъ Русскихъ: *Москôлисъ*, а Поляковъ—*Ленкасъ*.

раютъ людей не знающихъ по-русски; а въ одной волости, именно въ Вижунской, былъ выбранъ, несмотря на всѣ мои возражанія и разъясненія, и старшина ни слова по-русски не говорившій и не понимавшій.

Что касается дѣлопроизводства въ Курклеевскомъ волостномъ правленіи, то всѣ книги какъ денежныя, такъ и для приговоровъ сходовъ и волостнаго суда я нашелъ въ достаточномъ порядкѣ, хотя все это страдало по части грамотности и толковости изложенія. Приговоры волостнаго суда, къ которымъ я особенно присматривался, съ цѣлю найти въ нихъ что-нибудь наводящее на отвѣтъ по одному изъ сильно занимавшихъ меня вопросовъ, именно насчетъ крестьянскаго землевладѣнія на міру и въ семьѣ, не представили мнѣ ровно ничего разъясняющаго этотъ вопросъ. Немногіе приговоры эти были ужъ чересчуръ кратки, и къ тому жъ состоялись большею частію по дѣламъ о разныхъ мелкихъ про-ступкахъ.

Я уже думалъ что мнѣ нечего больше дѣлать въ Курклеевскомъ волостномъ правленіи. Но подъ самый конецъ явился-таки двѣ жалобы: одна на Еврея, уклоняющагося отъ уплаты какого-то долга крестьянину; другая на помѣщицу Б—ко, въ томъ что она не возвращаетъ крестьянину, получившему надѣлъ отъ повѣрочной комиссіи, постройки когда-то бывшія на его полномъ участкѣ, съ котораго онъ былъ скасованъ уже послѣ 1857 года. Первая жалоба, несомнѣнно, не подлежала моему разбору, такъ какъ въ дѣлѣ участвовало лицо (Еврей) мнѣ неподсудное; но Еврей явился вмѣстѣ съ жалобщикомъ, и прежде чѣмъ я успѣлъ вымолвить о неподсудности мнѣ дѣла, началъ уже преусердно объясняться. Замѣтивъ что онъ готовъ на соглашеніе съ жалобщикомъ, я посоветовалъ ему примириться. Онъ охотно согласился и дѣло уладилось, что, повидимому, доставило удовольствіе всему сходу. Но вторая жалоба, по правдѣ сказать, привела меня въ недоумѣніе: съ одной стороны, по совершенной для меня новости подобныхъ дѣлъ, я не зналъ должно ли было возвращать крестьянамъ, получившимъ надѣлы отъ повѣрочныхъ комиссій, постройки бывшія на участкахъ; съ другой же смущало и то соображеніе что повѣрочная комиссія уже закончила свои дѣйствія по Курклеевской волости, стало-быть разбирала, по всей вѣроятности, и претензію жалобщика. Я было задумался; но сообразилъ что не

хорошо отлагать разборъ и такимъ образомъ какъ бы сознаться, на первыхъ же порахъ, въ неподготовленности своей къ разбору всякихъ жалобъ. Къ тому же истецъ подкрѣплялъ свою претензію такими горькими словами о крайней своей нуждѣ, а со стороны схода слышались возгласы что бѣдняку-хозяину нечѣмъ взяться за обстройку усадьбы. Все это побудило меня принять жалобу, и я послалъ повѣстку помѣщичь о прибытіи къ моему разбирательству въ волостное правленіе.

На другой день госпожа Б. сразу согласилась удовлетворить жалобщика. Дѣло окончилось очень скоро. Въ послѣдствіи я узналъ что добрая помѣщица даже осталась довольна мною за то что я нисколько не затруднился принять объясненія ея на польскомъ языкѣ, которыя впрочемъ она начала увѣреніемъ, что какъ старая женщина, рѣшительно не знаетъ по-русски.

Этотъ случай повелъ меня къ знакомству съ семействомъ Б., гдѣ всегда съ искреннимъ радушіемъ принимали меня, и сама почтенная старушка хозяйка дома, и дочь ея ланна Франциска, дѣвушка не молодая уже, но умная, добродушно-привѣтливая и очень живая по временамъ. Но со мной, какъ я замѣтилъ, не дичились и мужчины семейства: два сына старушки и братъ ея. Право, иногда мнѣ казалось что въ этой семьѣ (одинъ членъ которой былъ между тѣмъ сильно замѣшалъ въ послѣднемъ мятежѣ, за что и сосланъ) есть что-то русское. Русскій характеръ семейства Б. выражался не въ одномъ гостепріимствѣ, но какъ-то во всемъ складѣ жизни, напоминавшей деревенскую жизнь русскаго помѣщика средней руки. Даже усадьба Б.,—даромъ что ланскій домъ, крытый гонтомъ и внутри расположенный своеобразно, на двѣ половины черезъ сѣни и черезъ кухню съ громаднымъ очагомъ, не походилъ на наши помѣщичьи дома,—все-таки имѣла русскій характеръ: она была замкнута, какъ говорится у насъ, кольцомъ; всѣ надворныя постройки не раскидывались безлордочно, подъ разными углами, какъ это бываетъ обыкновенно въ настоящихъ польскихъ усадьбахъ, а напротивъ того, стояли симметрично; наконецъ и самый дворъ былъ огороженъ. а какъ разъ насулпротивъ дома имѣлись створчатые ворота. И замѣчательно: почти всѣ помѣщичьи усадьбы въ Курляевской волости, но только въ ней одной, имѣли въ себѣ это нѣчто напоминавшее усадьбы великороссійскихъ помѣщиковъ.

Разговорившись о семействѣ Б., невольно припоминаю теперь маленькій, но характерный случай.

Какъ-то ночью, на пути изъ Оникштинской волости въ Вилькоміръ, застигла меня сильная гроза и я укрылся въ гостепріимной усадьбѣ Б., благо отъ нея было близехонько. Со мною же вмѣстѣ заѣхалъ туда мѣстный военный становой, капитанъ А., догнавшій меня верхомъ на казачьемъ конѣ. Когда гроза перестала, мы хотѣли было ѣхать въ Вилькоміръ, но насъ преусердно принялись всё уговаривать чтобы мы остались переночевать; конечно мы согласились съ удовольствіемъ: гостепріимная ланская усадьба обоимъ намъ была уже хорошо знакома.

Поутру насъ опять-таки не пустили безъ завтрака. И вотъ, въ ожиданіи завтрака, я и А. усадились на переднемъ крыльцѣ дома, имѣвшемъ видъ балкона. Съ нами сидѣлъ тоже братъ помѣщицы, частенько впрочемъ насъ покидавшій подъ предлогомъ раскуриванія трубки, а въ самомъ-то дѣлѣ должно-быть для того чтобы пропустить „килишекъ вудѣчки“, да по временамъ забѣгала минутки на двѣ ланна Франетта (такъ звала ее мать-старушка), все сама хлопотавшая о томъ чтобы завтракъ былъ приготовленъ удачно.

Въ это утро ланна Франетта была въ особенно живомъ расположеніи духа: говорила, смѣялась весело, была даже шаловлива, какъ молоденькая шестнадцатилѣтняя дѣвушка.

Вбѣжавъ къ намъ еще разъ,—на ту пору мы были опять безъ ея дяди,—она вдругъ увидѣла на скамейкѣ казачью нагайку А. и, указывая на нее, проговорила какъ бы весело хотя и нахмуривъ нѣсколько брови:

— А признайтесь, ланъ А., вы все больше вотъ этимъ орудіемъ усмиряли...

Отвѣтъ на задирающую фразу не замедлилъ. Капитанъ приподнявъ небрежно нагайку, положилъ ее опять на мѣсто, посмотрѣлъ на ланну Франетту съ улыбкой и промолвилъ медленно:

— Чтò жь, когда и этого было довольно...

Ланна Франетта видимо была поражена: она не могла сдержать своего волненія и тотчасъ же молча убѣжала отъ насъ.

Я полпрекнулъ было находчиваго капитана. Но онъ коротко отвѣтилъ:

— Эхъ! вы еще очень мало знаете ихъ...

За завтракомъ ланна Франетта мало говорила съ нами обоими и была смущена, какъ бы печальна. Послѣ того я замѣтилъ что съ капитаномъ А. она уже всегда была крайне осторожна и неразговорчива, но со мною скоро стала опять привѣтливою и общительною.

Я остался доволенъ первую мою волостью, хоть и не нашелъ въ ней ничего что хоть нѣсколько ознакомило бы меня съ бытомъ литовскаго крестьянина. Нельзя было и не остаться довольнымъ: крестьяне, несомнѣнно, пресмирные, положеніемъ своимъ довольные; на волостное и сельское начальство, на писаря тоже ни малѣйшихъ жалобъ, канцелярскіе порядки въ достаточной исправности, недоимокъ вовсе нѣтъ. И во все время моего пребыванія въ Вилькомирскомъ уѣздѣ Курклеевская волость отличалась предъ всѣми прочими спокойствіемъ своихъ крестьянъ, исправностью ихъ въ отбываніи повинностей, быстрымъ, безпрекословнымъ, удачнымъ исполненіемъ распоряженій, которыми или вводилось что нибудь новое или же исполнялось что-нибудь прежнее. Такъ, въ этой волости прежде всѣхъ заведена была сельская школа и съ перваго же раза пошла очень успѣшно: здѣшніе крестьяне съ охотою отдавали въ нее дѣтей своихъ. Тутъ же прежде чѣмъ гдѣ-либо составленъ и провѣренъ былъ на сходѣ посемейный списокъ, столь необходимый для правильного отбыванія рекрутской повинности. Мнѣ нечего было бы и разказывать о Курклеевской волости еслибы не одинъ случай въ которомъ она такъ-сказать *проштрафилась*; но и за этотъ случай я долженъ быть благодаренъ Курклеевской волости: онъ далъ мнѣ возможность раньше ознакомиться съ бытомъ литовскаго крестьянина.

Послѣ перваго объѣзда волостей, вникая во все мною замѣченное по общественному управленію, я обратилъ особенное вниманіе на то именно что не только выборные, но и волостные, и сельскіе начальники вовсе не знаютъ что подлежатъ и что не подлежитъ вѣдѣнію сельскаго и волостнаго сходовъ, отчего происходятъ многіе беспорядки, вообще большая путаница. Я хотѣлъ исправить это и личными разъясненіями, и предписаніями, но, право, не могу сказать опредѣлительно насколько успѣлъ въ моихъ стараніяхъ. Впрочемъ, многое тутъ и мѣшало. Дѣло однако не въ томъ: я отвлекся нѣсколько въ сторону.

Въ замѣткахъ моихъ о состояніи общественнаго управленія въ волостяхъ гдѣ я побывалъ, между прочимъ, было

запасано и про то что нигдѣ олеки надѣ подворными участками и имуществомъ умершихъ дворохозяевъ не существуетъ: вслѣдствіе этого я предписалъ волостнымъ правленіямъ разъяснить сельскимъ сходамъ что, на основаніи 4го пункта 51й статьи Общ. Положенія, вѣднѣю ихъ подлежитъ тоже: „назначеніе олекуновъ и попечителей и повѣрка ихъ дѣйствій“, вмѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ обязанность, тамъ гдѣ нужно, немедленно учредить олеки. * И вотъ, заѣхавъ какъ-то въ Курклеевскую волость и принявшись за просмотръ приговоровъ сходовъ, я увидѣлъ что одно изъ сельскихъ обществъ, назначая олекуна къ двумъ круглымъ сиротамъ, малолѣтнимъ дѣвочкамъ, приговорило, между прочимъ, что участокъ принадлежащій этимъ малолѣтнимъ, по возрастѣ и по выходѣ ихъ въ замужество, долженъ перейти затѣмъ въ полную собственность олекуна (случай не единственный. Добейское сельское общество, въ Добейской волости, точно также распорядилось относительно участка принадлежащаго пяти круглымъ сиротамъ, малолѣтнимъ дѣвочкамъ).

Я удивился, и нельзя было не подивиться: приговоромъ этимъ слѣшкомъ рѣзко нарушалась 81 статья Мѣстнаго (для

* Ознакомившись съ народными обычаями, я счелъ должнымъ представить Ковенскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію что „изложеннаго въ 4мъ пунктѣ 51 ст. Общ. Полож. опредѣленія обязанности сельскаго схода, конечно, достаточно для крестьянскихъ обществъ великороссійскихъ губерній, гдѣ общинное пользованіе землей отражается вполнѣ и на семейномъ быту, гдѣ уже общимъ складомъ народной жизни оберегаются права каждаго члена сельскаго общества, взрослого и незрелого, на общее совладѣніе землей принадлежащею всему обществу и имуществомъ принадлежащимъ родной семьѣ; но что въ сѣверо-западномъ краѣ назначеніе олекуновъ и попечителей и повѣрка ихъ дѣйствій должны бы опредѣляться по закону уже не въ общихъ чертахъ, а съ такими подробными указаніями которыя примѣнялись бы ко всѣмъ особенностямъ семейнаго быта, сложившагося подѣ вліаніемъ участковаго или подворнаго пользованія землей.“ Притомъ я указывалъ и на примѣры народныхъ обычаевъ, въ которыхъ проявляется самое странное смѣшеніе понятій относительно наследственности подворныхъ участковъ, несмотря на то что она очень ясно опредѣлена въ положеніяхъ о крестьянахъ. Представленіе мое объ этомъ предметѣ должно-быть оставлено было безъ вниманія: по крайней мѣрѣ такъ могу думать потому что на него никакого отвѣта я не получалъ.

губерній: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и части Витебской) Положенія, по которой „подворные участки крестьянскаго надѣла (усадебной и полевой земли) должны оставаться въ *потомственномъ* пользованіи крестьянскихъ семействъ“ *. Сначала невольно я подумалъ было что такое распорядженіе сельскаго схода, явно противозаконное и произвольное, состоялось по причинѣ пристрастія въ пользу опекуна; но по разбору ничего такого рѣшительно не оказалось: тутъ просто-на-просто дѣйствовалъ народный обычай.

Народные обычаи по крестьянскому землевладѣнію въ Сѣверно-Западномъ краѣ нисколько не охраняютъ правъ каждаго члена семьи на общее совладѣніе земель и имуществомъ, принадлежащими родной семьѣ. Всѣ порядки крестьянской жизни направлены къ тому чтобы значеніе въ домѣ и въ семьѣ одного человѣка, именно дворохозяина, возвышалось надъ всѣми прочими членами семейства * сколь возможно болѣе, до степени единственнаго, самоправнаго господина, ** распорядяющагося трудомъ всѣхъ своихъ семейныхъ произвольно, могущаго выгнать изъ дома всякаго своего родича, даже отца сдавшаго ему по старости и по слабости силъ участокъ, когда и какъ ему заблагоразсудится. ***

* Полный текстъ этой статьи приводится ниже.

** Не даромъ такой дворохозяинъ и называется здѣсь: *господарисъ*—господарь.

*** Есть сказочка литовская, коротенькая, но страшная по своей выразительности: *Старый волкъ* завываетъ: „кто почешетъ шерсть у меня, стараго?“ *Волчата, дѣти*, отвѣчаютъ: „собаки! собаки!“ Старый волкъ опять завываетъ: „кто жь меня, стараго, будетъ кормить?“ Дѣти на это: „издыхай, издыхай!“ Раздается послѣдній вой стараго волка: „А кто посажъ меня будетъ жеребятъ рѣзать?“—„Мы, мы!“ отвѣчаютъ дѣти-волчата. Кстаті: сдача участка и хозяйства отцомъ сыну (или старшему, какъ на Литвѣ, или младшему, какъ на Жмуди) во всеобщемъ употребленіи у крестьянъ литовскаго племени. И странно: она совершается не въ очень старые годы отца семейства, а по большей части тогда какъ ему только что пойдетъ за пятьдесятъ лѣтъ. Обыкновенно при сдачѣ участка отецъ садится на *кутъ*, то-есть помѣщается отдѣльно отъ сына дворохозяина, въ особую хаткѣ, передѣланной изъ стараго сарайчика или хлѣвушка; за пользованіе же огородамъ при *кутѣ* отбываетъ въ пользу дворохозяина трехдневную барщину. Конечно, все это по добровольному соглашенію; но у насъ на Руси ничего

Разумѣется, при такихъ народныхъ обычаяхъ 81 статья мѣстнаго положенія не можетъ имѣть никакого существеннаго вліянія на охраненіе имущественныхъ правъ каждаго члена семьи. И отдѣльныя личности изъ дворохозяевъ, и цѣлыя сельскія общества признають что можно всячески произвольно распоряжаться всѣмъ участковымъ хозяйствомъ: отдавать его любому изъ сыновей * на правахъ одиночнаго, въ ущербъ прочимъ членамъ семьи пользованія, переуступить его въ такой же ущербъ прямымъ наследникамъ, зятю или дальнему родственнику, передавать даже и совсѣмъ чужому человѣку,—и все это не взирая на то важное обстоятельство что надѣленные участки еще далеко не выкуплены.

Примѣровъ такого произвола чрезвычайно много. Привожу здѣсь три случая, не особенно рѣзкіе, но разнообразно-замѣчательные. Напередъ же, для большаго уясненія перваго примѣра, я долженъ указать на слѣдующій фактъ: по смерти дворохозяина, вдова его, хотя была бъ она и въ преклонныхъ лѣтахъ, но если у нея остаются малолѣтныя дѣти, непременно выходитъ замужъ за какого-нибудь батрака, который и становится въ домѣ настоящимъ хозяиномъ. И это дѣлается часто не по волѣ вдовы, а по настоянію родственниковъ, даже по настоянію, почти по принужденію со стороны сельскаго общества. Не говоря уже о томъ что такіе браки ложныхъ вдовъ мѣшаютъ развитію населенія, они, въ другомъ отношеніи, ведутъ еще къ большому вреду. Въ такихъ случаяхъ дѣти отъ перваго брака почти всегда дѣлаются въ родной семьѣ безправными батраками; а къ тому нередко вотчимы, если у нихъ нѣтъ дѣтей отъ брака со вдовой, распоряжаются родовымъ достояніемъ тѣхъ семей гдѣ они стали хозяевами такъ самопроизвольно и безповоротно что у прямыхъ наследниковъ не остается ни малѣйшей надежды получить и по смерти вотчима хоть что-нибудь изъ отцовскаго участка и имущества. Эти неестественныя измѣненія

подобнаго не бываетъ. Правда, существуетъ у насъ поговорка: „есть старикъ—убилъ бы его, нѣтъ старика—купилъ бы его“; но какъ ни тяжелъ ея смыслъ вначалѣ, онъ сильно смягчается въ концѣ и нисколько не подходитъ ко вполне циническому смыслу литовской сказочки.

* *Майоратъ* и *миноратъ*—не непрежннее условіе при передачѣ участка сыну.

въ наследственномъ правѣ у крестьянъ-Литвиновъ, конечно, не порождены ихъ народною жизнью, а провакли въ нее со стороны, припутались насильственно. Несомнѣнно, все это заимствовано отъ названной крестьянскою системою участковаго пользованія земель. При этой системѣ, сами помѣщики установившіе ее, еслибъ и хотѣли охранять насильственное право у крестьянъ своихъ по отношенію къ предоставленной имъ въ пользованіе землѣ, то уже не могли этого сдѣлать по естественной необходимости охранять собственные свои интересы: конечно, они должны были желать чтобы подворные участки не только не пустовали по смерти господарищевъ, особенно же когда въ опротивѣвшихъ семьяхъ не оказывалось взрослыхъ наследниковъ, но и чтобы было кому на такихъ участкахъ отбывать всѣ барщинныя повинности. Потому-то помѣщики и заставляли вдовъ умершихъ господарищевъ выходить замужъ за батраковъ способныхъ сдѣлаться состоятельными для панщины хозяевами; а изъ этихъ распоряженій, сдѣланныхъ можетъ-быть повсемѣстными и всегдашними со введенія въ Северо-Западномъ краѣ (въ 1845—47) *инвентарей* *, и сельскія общества въ инстинктивномъ стремленіи сохранять хотя за вдовами своихъ умершихъ односельчанъ господарищевъ инвентарные ихъ участки, тогда же, по всей вѣроятности, начали вмѣшиваться въ устройство вышеуказанныхъ браковъ, упрямивъ цѣлою *громодей*, то-есть „міромъ“, какъ мыъ разказывали объ этомъ, помѣщика-лана чтобы инвентарный участокъ, оставшійся по смерти какого-

* *Инвентари, инвентарныя положенія*, это нѣчто въ родѣ нашихъ уставныхъ грамотъ; они взяты должно-быть съ тѣхъ инвентарныхъ положеній которыми опредѣлялись крестьянскія повинности въ *королевщинныхъ*, коронныхъ имѣніяхъ, которыя Польскіе короли, по политическимъ видамъ своимъ, раздавали магнатамъ въ пожизненное пользованіе. Повѣрочныя коммиссіи постоянно пользовались при дѣйствіяхъ своихъ инвентарями, потому что изъ нихъ гораздо вѣрнѣе чѣмъ изъ уставныхъ грамотъ, составленныхъ помѣщиками и польскими посредниками, можно было видѣть размѣръ подворныхъ участковъ, а также положеніе и границы разныхъ угодій, дополнявшихъ участки и часто по свойствамъ почвы раскиданныхъ во многихъ мѣстахъ (объ этомъ будетъ еще объяснено далѣе); кромѣ того, при инвентаряхъ же имѣлись и списки хозяевъ, и эти списки весьма облегчали разборъ правъ крестьянъ въ разное время *скасованныхъ* съ участковъ помѣщиками.

нибудь хозяина былъ переданъ вдовѣ его съ ея малолѣтними сиротами, лишь бы она вышла замужъ за батрака выбраннаго самимъ помѣщикомъ; такимъ-то образомъ образовался, и очень укоренился, тотъ народный обычай, смѣшавшій и перелутавшій всѣ естественныя понятія народа о наслѣдственности въ крестьянскихъ семьяхъ родового достоинства, о которомъ я упоминалъ пока вообще и для уясненія котораго я привожу ниже примѣры. Впрочемъ, прежде приведенія примѣровъ, я долженъ еще оговориться что всѣ они произошли не въ Курклеевской, а въ другихъ волостяхъ, и если я говорю здѣсь обо всемъ этомъ, то потому именно что съ Курклеевской волости, по поводу распоряженія тамашняго сельскаго схода о передачѣ участка отъ прямыхъ наслѣдницъ опекуну, я и началъ знакомиться съ народными обычаями по владѣнью, пользованью и наслѣдству земель у крестьянъ-Литвиновъ.

Вотъ первый примѣръ:

Въ Солльской волости, въ деревнѣ Гравашкахъ, вдова дворохозяина Матеюнасы еще за время помѣщичье вышла замужъ за батрака Рудакасы; а этотъ Рудакасъ, вмѣстѣ со своею женой, въ декабрѣ 1861 года, то-есть уже по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, передалъ все хозяйство трехъ своихъ пасынковъ-Матеюнасовъ, прямыхъ наслѣдниковъ по отцѣ, бывшему господарю, крестьянину Ракишской волости (Ново-Александровскаго уѣзда) Накасу. * Правда, документъ объ этой передачѣ весьма сомнительнаго свойства и, по всей вѣроятности, Матеюнасы опровергающіе сдѣлку, которая такъ странно лишила ихъ наслѣдства, выиграютъ дѣло, если только сами не подчинятся народному обычаю; но, конечно, это удастся имъ послѣ долгихъ и трудныхъ хлопотъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ (по суммѣ на которую была заключена между Рудакасами и Накасомъ вышеозначенная сдѣлка дѣло не могло подлежать рѣшенію волостнаго суда, да и Накасъ не допустилъ моего разбирательства въ качествѣ третейскаго судьи).

Другой случай въ Овантской волости тоже весьма выразителенъ, хотя тутъ и другія нѣсколько обстоятельствъ:

* Имяніе Соллы и имяніе Ракишки принадлежать одному и тому же помѣщику, графу Тизенгаузу. Этимъ тоже отчасти объясняется легкость составленія сдѣлки между Рудакасами и Накасомъ.

Послѣ смерти господариса Бубина осталось двое сиротъ: дочь достигшая возраста способнаго къ замужеству и сынъ еще малолѣтній. Дочь вскорѣ вышла за батрака, который, приведя съ собою въ домъ Бубина двоихъ своихъ братьевъ, сдѣлался здѣсь полнымъ хозяиномъ. Но Бубинъ достигъ совершеннолѣтія; а къ этому времени зятю его и обоимъ его братьямъ перестулило за тридцать лѣтъ,—и вотъ въ наборъ объявленный въ 1865 году Бубинъ, единственный прямой наслѣдникъ отцовскаго достоянія, но состоявшій по числу рабочихъ душъ въ четвериковой семьѣ, долженъ былъ поступить на первую очередь къ сдачѣ въ рекруты. Сельскій сходъ руководимый чувствомъ справедливости согласился было избавить Бубина отъ рекрутства, и на мѣсто его назначилъ въ приговорѣ своею лицо изъ тройниковой семьи, что и я, при повѣркѣ рекрутскихъ назначеній сходами, рѣшился признать справедливымъ. Однако мировой съѣздъ, разбирая жалобу назначенной на очереди тройниковой семьи, отмѣнилъ это назначеніе схода, да и мало того, указалъ именно Бубина какъ подлежащаго неминуемо назначенію въ рекруты. И пожалуй, если смотрѣть на дѣло съ одной формальной стороны, мировой съѣздъ былъ и правъ.

Третій случай по моему мнѣнію самый замѣчательный не по сущности своей, а потому что при обсужденіи его въ одномъ изъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений рѣзко выразился взглядъ большинства мировыхъ дѣателей на вышеуказанный народный обычай, которымъ такъ спутаны и перепутаны у народа понятія о наслѣдственности подворныхъ участковъ,—взглядъ не оставшійся можетъ-быть безъ вліянія на народную жизнь. Случай этотъ произошелъ не въ моемъ участкѣ, даже не въ Ковенской губерніи, но все-таки я привожу его здѣсь, такъ какъ онъ чрезвычайно близко подходитъ къ тому предмету о которомъ я повелѣ рѣчь.

Въ 1866 году, въ Гродненскомъ съѣздѣ мировыхъ посредниковъ разсматривалось, по прошенію крестьянина Дзейкалы, слѣдующее дѣло (которое я и излагаю отчасти собственными выраженіями этого прошенія):

За пять лѣтъ до разбора дѣла въ мировомъ съѣздѣ, вдова Шипилова, имѣвшая двоихъ малолѣтнихъ сыновей и одну взрослую дочь и жившая съ ними на особомъ крестьянскомъ участкѣ (въ деревнѣ Баличахъ), упросила батрака Дзейкалу

жениться на ея дочери, обѣщая ему что до ея смерти онъ будетъ жить при ея семействѣ и постоянно *управлять* всѣмъ хозяйствомъ. Такъ это все и изъяснено въ упомянутомъ прошеніи; затѣмъ изъ словесныхъ въ мировомъ сѣздѣ объясненій со стороны прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ оказалось что Дзейкала до начатія тяжбы былъ въ семействѣ Шнилковыхъ настоящимъ хозяиномъ, а когда дѣйствовала въ деревнѣ Баличахъ повѣрочная коммиссія, онъ внесенъ былъ въ списокъ крестьянъ получившихъ надѣлы по повѣрочнымъ дѣйствіямъ какъ дворохозяинъ же, и это обстоятельство не осталось безъ послѣдствій, ибо очевидно оно-то и породило притязанія Дзейкалы на участокъ Шнилковыхъ или по крайней мѣрѣ много укрѣпило ихъ. Но въ 1865 году вернулся въ семью пасынокъ, оставшой солдатъ, и тутъ начались семейныя ссоры, которыя привели къ тому что Дзейкала не пожелалъ уже оставаться въ семьѣ, а сталъ домогаться у Лашанскаго волостного суда чтобы выдѣлена была ему третья часть изъ участка Шнилковыхъ, да сверхъ того еще нѣкоторая доля изъ движимаго имуществва. Права свои на это онъ основывалъ какъ на томъ что повѣрочная коммиссія признала его хозяиномъ, такъ и на томъ что во время своего завѣдыванія хозяйствомъ Шнилковыхъ онъ изстратилъ на это хозяйство и на уплату долговъ за семейство до семидесяти рублей. Волостной судъ рѣшилъ дѣло согласно домогательству истца, предоставивъ ему, кромѣ движимаго имуществва, и третью часть участка. Но Шнилковы пожаловались мировому сѣзду и сѣздъ отмѣнилъ это рѣшеніе собственно потому что въ немъ участвовалъ волостной старшина (вопреки 104 статьѣ Общ. Полож.). Затѣмъ дѣло опять поступило въ волостной судъ, который новымъ рѣшеніемъ постановилъ: „дать Дзейкалѣ только четвертую часть участка“, и на это принесть жалобу уже Дзейкала. Надо замѣтить что въ обоихъ рѣшеніяхъ волостной судъ ни малѣйшимъ образомъ не объяснилъ: почему находилъ онъ нужнымъ дать истцу сначала третью, а потомъ четвертую часть изъ участка Шнилковыхъ; онъ говорить просто-на-просто: *дать* и только.

Такова сущность этого дѣла, на первый взглядъ пожалуй и очень простая.

Большинство членовъ мирового сѣзда постановило: „признать второе рѣшеніе Лашанскаго волостнаго суда правиль-

нымъ“. Соображенія были слѣдующія: во первыхъ, въ „этомъ второмъ рѣшеніи волостнаго суда соблюдены всѣ формальности“ (подъ этимъ подразумѣвалось, вѣроятно, то что уже тутъ не было подписи волостнаго старшины); во вторыхъ, что цѣна иска Дзейкалы (впрочемъ, по завѣренію только его самого) не превышала ста рублей, и стало-быть волостной судъ, на основаніи 96й статьи Общ. Положенія, могъ принять къ своему разбирательству это дѣло, и третьихъ, наконецъ, что „слова втораго рѣшенія: дать четвертую часть изъ участка Шнилковыхъ значить не болѣе какъ то что Дзейкалѣ предоставляется эта часть только на правахъ *временнаго пользованія*, въ видѣ вознагражденія за его труды и затраты понесенные имъ при управленіи участкомъ Шнилковыхъ, а такое пользование нисколько не противорѣчитъ законоположеніямъ повелѣвающимъ охранять въ цѣлости подворные участки пріобрѣтенные отдѣльными домохозяевами.“

Я не согласился съ этимъ постановленіемъ мирового съѣзда и подалъ особое мнѣніе, которое нахожу необходимымъ изложить здѣсь въ нѣкоторой подробности. Кстати замѣчу что мнѣніе мое осталось безъ послѣдствій, а постановленіе съѣзда было приведено въ исполненіе.

Прежде всего я указывалъ въ моемъ мнѣніи что уже на основаніи 81й статьи Мѣстнаго Положенія (для губерній: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской *) участокъ на часть котораго имѣетъ притязаніе истецъ весь въ полномъ своемъ составѣ принадлежитъ семейству Шнилковыхъ, несмотря на то что повѣрочная коммиссія внесла этого истца въ списокъ крестьянъ получившихъ надѣлы по деревнѣ Баличамъ хозяиномъ участка, ибо это произошло очевидно отъ ошибки коммиссіи или же оттого что она не видала въ семействѣ Шнилковыхъ никого взрослого кромѣ Дзейкалы; и это тѣмъ несомнѣннѣе что

* Вотъ полный текстъ этой основной статьи: „Подворные участки крестьянскаго надѣла (уездной и полевой земли) остаются въ потомственномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ владѣющихъ ими за установленныя повинности, безо всякаго со стороны помещика или общества вмѣшательства въ распоряженіе сими участками, доколѣ причитающіяся съ нихъ повинности отбываются крестьянами исправно.“

Дзейкала *примажъ* * въ семьѣ, появившійся въ ней пять лѣтъ тому назадъ, уже послѣ изданія Положеній 19го февраля 1861 года, то-есть послѣ того времени какъ начала дѣйствовать во всей своей силѣ 81я статья мѣстнаго положенія. Затѣмъ я указывалъ еще что въ отношеніи разбираемаго дѣла нельзя не признать силу статьи 85й того же Мѣстнаго Положенія, постановляющей что „участки и при переказѣ, и при переходѣ ихъ по наслѣдству, могутъ быть раздѣляемы на части не иначе какъ съ тѣмъ чтобы каждая часть была не менѣе десяти десятинъ“, а такъ какъ статья эта (явно составленная въ охраненіе интересовъ помѣщичьихъ) не отмѣнена и не измѣнена еще въ законодательномъ порядкѣ, то и должна она имѣть все свое значеніе въ примѣненіи къ участку Шнипковыхъ, состоящему только изъ *двенадцати* десятинъ. ** И наконецъ я основывался тоже на статьѣ 167й

* *Примажъ* — приемышъ. Такъ называется у Бѣлоруссовъ и кой-гдѣ у Литвиновъ всякій посторонній, даже взрослый, принятый въ семью.

** Подворные участки крестьянскаго надѣла въ Гродненской губерніи меньше чѣмъ въ Виленской и гораздо меньше чѣмъ въ Ковенской. Такъ, въ Гродненской губерніи только въ лучшихъ по производительности почвы уѣздахъ: Бѣльскомъ, Кобринскомъ, Пружанскомъ и отчасти Слонимскомъ, участки доходятъ до 15—17 десятинъ, большею же частию они размѣромъ въ 12, 11, 9 и даже 7 десятинъ. Въ Виленской губерніи почти вездѣ участки заключаютъ въ себѣ отъ 14 и до 17 десятинъ. Но въ Ковенской губерніи, особенно въ наилучшихъ ея уѣздахъ: Поневѣжскомъ, Шавельскомъ, Россіенскомъ и отчасти Ковенскомъ, участки доходятъ размѣромъ до 30, 40, 60 и даже до 90 десятинъ (впрочемъ, до послѣдней цифры лишь въ одномъ Шавельскомъ уѣздѣ). Словомъ, изъ сѣверо-западнаго края это общее явленіе: чѣмъ лучше по почвѣ губернія или даже уѣздъ тѣмъ больше размѣромъ подворные участки крестьянскаго надѣла и, наоборотъ, чѣмъ скуднѣе почва въ губерніи и уѣздахъ тѣмъ участки тамъ менѣе по размѣру. На первый взглядъ это покажется страннымъ, необъяснимымъ: казалось бы помѣщики здѣшніе должны были надѣлять крестьянъ своихъ гораздо щедрѣе землей тощею чѣмъ хорошею, а въ дѣйствительности выходитъ совсѣмъ не такъ. Но при ближайшемъ знакомствѣ со здѣшними поземельными отношеніями и порядками все объясняется просто: тутъ дѣйствовалъ помѣщичій расчетъ. Крестьянскіе подворные участки сѣверо-западнаго края опредѣлялись въ сво-

Положенія о выкупѣ, въ которой прямо говорится что „до погашенія выкупной ссуды подворные участки приобретенные отдѣльными дворохозяевами не могутъ быть раздробляемы: при переходѣ по наследству, отчужденію, или другимъ какимъ

ихъ окончательныхъ размѣрахъ (почти нигдѣ и неизмѣненныхъ повѣрочными комиссіями) еще во время введенія *инвентарей*. Тутъ-то и выразилась помѣщичій разчетъ. Помѣщики хлѣбородной губерніи, какова Ковенская, какъ-то всѣ смекнули что имъ, во первыхъ, выгодно имѣть: меньше господарисовъ, то-есть крестьянъ владѣющихъ полными участками, и больше, какъ можно больше, огородниковъ и простыхъ батраковъ, которыми можно было всегда помыкать во всѣ стороны, употребляя ихъ на всякія фольварковыя работы, безъ малѣйшаго ограниченія этихъ работъ инвентарными положеніями; во вторыхъ, что еще выгоднѣе для нихъ предоставлять господарисамъ участки размѣра крупнаго, ибо такіе участки возбуждали между безземельными крестьянами имѣнія сильнѣйшую конкуренцію на получение тѣхъ участковъ которые дѣлались свободными по смерти господариса или по скасованіи его, вслѣдствіе помѣщичьяго распоряженія. Напротивъ того, помѣщикамъ хлѣбородныхъ губерній выгоднѣе было имѣть какъ можно болѣе крестьянъ надѣленныхъ землей, и притомъ надѣленныхъ участками малыхъ размѣровъ, потому выгоднѣй что такимъ образомъ тоція земли ихъ не пустовали, крестьянъ же хозяевъ, обложенныхъ за свои участки разными въ пользу помѣщичью повинностями и *данчинами*, было почти столько сколько состояло въ имѣніи взрослыхъ и хоть сколько-нибудь способныхъ работниковъ. Оттого въ Ковенской губерніи, со введенія *инвентарей*, ежегодно, вслѣдствіе скасованій, сокращалось число господарисовъ, а также сокращалось и количество инвентарныхъ участковъ, какъ по причинѣ присоединенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ фольварковымъ землямъ, такъ по причинѣ соединенія двухъ, даже трехъ участковъ въ одинъ; въ Гродненской губерніи образовалось довольно много *пустокъ*, и не столько отъ скасованій сколько оттого что крестьяне, не имѣя силы держать участки, бѣжали съ нихъ.

Вообще указываемый мною помѣщичій разчетъ чрезвычайно способствовалъ къ развитію въ Ковенской губерніи языи батрачества, столь сильно привившейся къ тамошнему крестьянину что и при всѣхъ усиліяхъ повѣрочныхъ комиссій надѣлать тамъ побольше крестьянъ хоть тремя десятинами, хоть огородами, надѣлено только до тридцати тысячъ семействъ (то-есть до ста двадцати тысячъ душъ); остальная же масса крестьянскаго населенія—бѣдомные и часто безсемейные батраки.

бы то ни было способом". Статья эта, пожалуй, еще сильнее первых двух статей выше мною приведенных подерживала мою мысль о невозможности раздробленія тѣхъ подворныхъ участковъ для которыхъ срочное время выкупа еще не окончилось. Затѣмъ я подкрѣпляя мое мнѣніе еще слѣдующими соображеніями: „предоставленіе, писалъ я, волостнымъ судамъ права рѣшать семейныя дѣла въ томъ же смыслѣ какъ рѣшено Лашанскимъ волостнымъ судомъ дѣло Шнилковыхъ съ Дзейкалой, можетъ привести къ такому произволу который отразится пагубно на всемъ крестьянскомъ посемейномъ быту. Стоить только сравнить оба рѣшенія Лашанскаго волостнаго суда чтобы видѣть что и тутъ уже дѣйствуетъ чистѣйшій произволъ. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи присуждена Дзейкалѣ сначала третья, а потомъ лишь четвертая часть участка? Положимъ что здѣсь ни съ чьей стороны не было допущено злоупотребленія, но произволъ все-таки ясенъ. А произволъ этотъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ мало ли до чего можетъ дойти?" Далѣе: „раздробленіе подворныхъ участковъ, на правахъ только временнаго пользованія раздробленными частями, на практикѣ поведетъ къ неудобствамъ которыя будутъ существенно вредны для всего здѣшняго крестьянскаго хозяйства. До окончанія срочнаго выкупа подворныхъ участковъ еще очень далеко, почти полныя 50 лѣтъ; а въ эти 50 лѣтъ во всякой семьѣ нынѣ подѣлившейся землей представится, можетъ быть, не два, а три еще раза охота подѣлиться каждою частью уже раздѣленнаго участка: до чего же дойдетъ это раздробленіе? И оно является тѣмъ болѣе невыносимымъ, если принять въ соображеніе самый характеръ расположенія подворныхъ участковъ длинными, не очень и нынѣ широкими полосами." Наконецъ, „нельзя не имѣть и того въ виду что понятія: „владѣніе“, „пользованіе“ землею никакъ не могутъ различаться у народа именно въ томъ смыслѣ какъ они различаются, на примѣръ, у законодателя, юриста, или даже просто образованнаго человѣка. А вслѣдствіе этого, если допустить на началахъ лишь временнаго пользованія отдѣльными членами семьи раздробленіе подворныхъ участковъ крестьянскаго надѣла, постулироваго уже вполне на выкупъ, а къ тому же допустить, что и неминуемо, что такое раздробленіе совершится далеко не въ одной семьѣ, и не одинъ даже разъ, то къ концу срока для выкупа этихъ участковъ,

какой же хаосъ многообразныхъ, запутанныхъ отношеній образуется во всякой такимъ образомъ раздробленной семьѣ, съ ея раздробленнымъ земельнымъ имуществомъ! Каково же будетъ жить въ этомъ хаосѣ? Да и какъ распутывать эту путаницу? Теперешняя администрація можетъ оставить весьма тяжелое наследство для администраціи которая будетъ дѣйствовать затѣмъ черезъ 50 лѣтъ отъ настоящаго времени.“

Въ значеніи соображеній которыми я тогда руководствовался я и теперь твердо убѣжденъ. Но я хочу уяснить ихъ еще болѣе, а кетати дополню и нѣсколькими свѣдѣніями.

Нельзя, напримѣръ, не видѣть что раздробленіе крестьянскихъ участковъ, которому такъ положительно противятся вышеприведенныя статьи положеній Мѣстнаго и о Выкупѣ, раздробленіе, пожалуй, считавшееся до времени повѣрки надѣловъ и до обязательнаго выкупа не должнымъ лишь въ тѣхъ видахъ чтобы не ослабѣвала возможность для крестьянъ исправнаго отбыванія въ пользу помѣщиковъ разныхъ повинностей, можетъ оказаться въ высшей степени неудобнымъ для взноса въ казну выкупныхъ за участки плательей. Правда, этого неудобства еще покуда нѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ вовсе въ Гродненской губерніи, но оно легко можетъ обнаружиться, ибо по мѣрѣ раздробленія участковъ должна будетъ неминуемо все болѣе и болѣе ослабѣвать платежная способность крестьянъ. А притомъ какая же путаница образуется современемъ въ счетахъ и разчетахъ относительно того что именно слѣдуетъ платить каждому крестьянину; тутъ конечно будетъ большая выгода для волостныхъ писарей, ведущихъ эти счета и разчеты, но и сколько же затрудненій, недоумѣній и невыгодъ возникнетъ для тѣхъ кого это все прямо касается.

Возможность для волостныхъ судовъ раздроблять по своему усмотрѣнію или, лучше сказать, по своему произволу подворные участки тоже поведетъ къ чрезвычайно вреднымъ послѣдствіямъ. Впрочемъ, я сказалъ: „поведетъ“ не совсѣмъ точно: въ дѣйствительности этотъ произволъ уже существуетъ во всей своей силѣ, со всеми своими послѣдствіями; и на бѣду онъ водворился и укрѣпился не то что лишь на глазахъ многихъ, слишкомъ многихъ мировыхъ „дѣятелей“, но даже при ихъ содѣйствіи, подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Дѣла у крестьянъ по семейнымъ ссорамъ изъ-за пользованія землей всегда начинаются тѣмъ что члены

семей желающіе выдѣла имъ части изъ участковъ подносят жалобы сначала мировому посреднику. Посредникъ же передаетъ эти жалобы въ волостной судъ, и хорошо еще если ограничивается простою надписью о такой передачѣ, и то пожалуй изъ-за участія къ жалующимся, въ видахъ прекращенія семейной неурядицы, онъ и направитъ дѣло именно въ смыслъ раздѣла участка. И вотъ волостной судъ обыкновенно не одинъ, а два, три раза, иногда и болѣе разбираетъ такую тяжбу, путается, произвольничаетъ въ своихъ рѣшеніяхъ, тянетъ нерѣдко цѣлые годы, тянетъ вслѣдствіе обжалованія то одной, то другой стороны; но наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, почти всегда, дѣло порѣшается тѣмъ, что участокъ все-таки раздробляется, и между подѣлившимися такимъ способомъ (иначе и дѣлежа здѣсь не бываетъ) членами семьи водворяется кое-какой миръ, — миръ, но не порядокъ. Порядка не можетъ быть по многимъ причинамъ, а скоро и миръ нарушается. Подѣлившіеся не могутъ забыть чего стоила имъ тяжба: проходы и проѣзды для жалобъ, на „судьбища“, трата времени при всемъ этомъ, расходы нерѣдко на волостныхъ судей и часто на писарей, все это они постоянно и крѣпко засчитываютъ въ прямые свои убытки. Да и еще бы такъ не разчитывать. Пусть примутся въ соображеніе хоть вотъ какіе убытки: тотъ хозяинъ изъ участка котораго выдѣлена какая-нибудь часть хорошо видитъ какой ущербъ потерпѣлъ онъ отъ одного этого выдѣла; а тотъ который послѣ долгихъ хлопотъ добился себѣ желанной земли также хорошо видитъ насколько трудно будетъ ему и обстроиться на этой землицѣ, и обзавестись всѣмъ нужнымъ для самостоятельнаго хозяйства. Изъ всего этого неминуемо возникаетъ вражда непримиримая, неустанная въ преслѣдованіи другъ друга, вражда наиболѣе изъ-за той же земли выдѣленной изъ участка, изъ-за размѣра и качества разныхъ угодій, изъ-за границъ ихъ. И вотъ, опять жалобы, тяжбы, судьбища и новые опять убытки, и такъ бесконечно.

III.

Я пробылъ въ мѣстечкѣ Куркле болѣе двухъ сутокъ. Это было слишкомъ долго для такой маленькой волости, гдѣ все было въ порядкѣ, гдѣ и къ разбору моему поступили только двѣ жалобы. Но то была первая волость съ которой я

начиналъ дѣйствовать какъ мировой посредникъ. Ко всему надо было присматриваться съ особою внимательностію, съ большою осторожностію; и такъ надо было по моей еще слабой опытности на практикѣ, не говоря уже о томъ что на первыхъ же порахъ предо мной явились совершенно чуждыя чѣмъ у насъ на Руси и нравы, и обычаи, и разные порядки, и даже говоръ народный.

Впрочемъ, меня задерживали здѣсь и слѣдшія распоряженія по другимъ волостямъ. Уже было извѣстно въ участкѣ что я выѣхалъ изъ Вилькомиря, и вотъ на дорогѣ посылались ко мнѣ донесенія изъ волостныхъ правленій то о разрѣшеніи выдачи хлѣбныхъ ссудъ крестьянамъ на посѣвъ и на продовольствіе, то еще какія-то, о содержаніи которыхъ уже не помню. Кстати, отсюда же я предписалъ чтобы волостныя правленія отнюдь не держали въ своихъ денежныхъ сундукахъ больше двухсотъ рублей и вносили бы какъ оброчныя деньги по сборѣ ихъ, такъ и другія суммы тотчасъ въ уѣздное казначейство: распоряженіе это я сдѣлалъ, узнавъ отъ писаря Черноцкиго что въ 1863 и даже въ 1864 годахъ повстанцы навѣщали волостныя правленія какъ разъ по сборѣ денегъ и захватывали такимъ образомъ довольно значительныя суммы, тысячъ по пяти и болѣе. *

Всѣхъ ближе къ Курклевской волости была волость Оникштинская. Туда я и отправился, по правдѣ сказать, не безъ тревоги: дорога мнѣ предстоявшая пролетала все по лѣсу почти вплоть до мѣстечка Оникштъ и на разстояніи верстъ десяти. Мнѣ говорили еще въ Вилькомирѣ что около самыхъ Оникштъ и особенно въ Оникштинскомъ лѣсу довольно часто въ 1863 и 1864 годахъ появлялись повстанцы, отчего въ Оникштахъ и находится еще военный становой (капитанъ А.) съ небольшою кавалерійскою командой. Кромѣ того, слышно было что неподалеку отъ Оникштъ бродитъ послѣдній повстанецъ Оланскій, съ шайкой человекъ до двѣнадцати, показываясь по временамъ то въ сосѣдней съ Оникштинскою Свядосцьской волости, то въ волостяхъ Добейской, Вижунской и Судейской, то еще гдѣ-то, но все въ моемъ участкѣ. Конечно, я отправился въ путь днемъ, далеко

* Въ моемъ участкѣ были ограблены такимъ образомъ волостныя правленія: Свядосцьское, Добейское, Солляское и, сколько помнится, Вижунское.

до сумерекъ. Но впрочемъ хоть пришлось ѣхать медленно, по причинѣ дороги очень песчаной, каменистой, изборозженной громадными корнями, тревога мол разсѣялась скоро и совершенно: лѣсъ Оникштинскій, даромъ что знаменитый лѣсъ, оказался вовсе нестрашнымъ уже потому что онъ, какъ весь хвойный, выросшій уже давно на почвѣ песчаной, былъ довольно рѣдокъ, промежъ старыхъ, огромныхъ сосенъ далеко и во всѣ стороны по лѣсу было видно. Да на меня дѣйствовала успокоительно и вся обстановка дороги. Иногда путь лежалъ по самому берегу прекрасной Свенты, крутому и обросшему разнообразными кустами, чрезъ которые, однако, кой-гдѣ ярко просвѣчивали голубыя полосы воды, иногда же являлись широкія прогалины, обставленныя могучими деревьями; вообще лѣсъ былъ свѣтелъ и весело оживленъ переливами дневнаго свѣта.

Мы проѣхали уже больше половины лѣса, какъ вдругъ, вправо отъ дороги, посреди прогалины, мелькнулъ мнѣ въ глаза гранитный камень чрезвычайной величины. Я велѣлъ пріостановиться чтобы разглядѣть его попристальнѣ.

— Вѣдь это же не скала, а камень, сказалъ я моему спутнику, писмоводителю У—му (котораго я взялъ къ себѣ отъ моего предмѣстника, потому больше что онъ хорошо зналъ литовскій языкъ).—Какъ это вода докатила сюда такой громадный валунъ?

— Объ этомъ камнѣ, отвѣчалъ У—скій,—достоверно говорится въ сочиненіи знаменитаго ученаго Баллиньскаго (онъ называлъ сочиненіе, но я теперь не помню заглавія). Онъ пишетъ что во времена языческія Литовцы приносили на камнѣ этомъ жертвы... То во времена поганьства, кажется, еще за Кейстута, такъ было... По преданію народному тотъ камень сверху упалъ, прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Если знаете, пожауста разкажите это преданіе.

— Разказываютъ что когда въ Куркле былъ построенъ костелъ Божій и стали люди ходить до костелу, для набоженства (молитвы), то чортъ сильно разгнѣвался и схватилъ тотъ камень, и понесъ надъ Оникштинскимъ лѣсомъ чтобы завалить двери Божьяго костела. Однако, дорогой, онъ скоро усталъ, силы у него не хватило, онъ и выронилъ тотъ камень здѣсь, въ лѣсу... То гаулство разказываютъ, внушительно прибавилъ мой спутникъ.

Оникштинскій лѣсъ, даромъ что теперь онъ сталъ очень рѣдокъ и даже не обширенъ по пространству имъ занимае-

мому, точно знаменить у народа Литовскаго. Можетъ-быть, народъ и вовсе не помнитъ что когда-то предки его принесли жертвы въ этомъ лѣсу своимъ главнымъ божествамъ, его память сбита тутъ на иной слѣдъ, но у него, благодаря Полякамъ, нынѣ, довольно странныя воспоминанія.

Одна Литвинка, должно-быть въ минуту особенной откровенности, сообщила мнѣ что Наполеонъ (такъ произносятъ это имя Поляки) еще придетъ сюда, на Литву, и непременно долженъ придти.

— Какъ же ему не придти? говорила она, съ большимъ жаромъ:—вѣдь онъ въ Оникштинскомъ лѣсу чалку (шапку) свою потерялъ...

Какъ это потерялъ Наполеонъ свою шапку, почему потерялъ онъ ее именно въ Оникштинскомъ лѣсу, я не добился разъясненія отъ упрямой Литвинки: она не хотѣла больше говорить, она видимо была недовольна собою что и такъ проговорила о чалкѣ.

Отъѣхавъ отъ камня еще версты четыре, я очутился какъ разъ предъ Оникштинскимъ волостнымъ правленіемъ, стоящимъ довольно далеко, на отлетѣ отъ мѣстечка Оникшть.

Малочисленный сходъ, еще малочисленнѣе Курклеевского, чему я уже не подивился, такъ-какъ зналъ что Оникштинская волость самая малая изъ всѣхъ прочихъ, встрѣтилъ меня тоже у крыльца волостнаго правленія, зданія маленькаго и весьма не казистаго. Но тутъ встрѣча была не то что въ Куркляхъ. Крестьяне поздоровались со мною угрюмо, неприѣтливо и вообще смотрѣли мрачно. Я и ожидалъ найти ихъ угрюмыми, даже безпокойными. Отзывы предмѣстника моего, хотя смутные и не указывавшіе на факты, предувѣдомляли меня что съ Оникштинцами мнѣ предстоитъ много хлопотъ. Къ тому же мнѣ было извѣстно что по волости этой сильно накопились оброчныя недоимки (въ ней еще не дѣйствовала повѣрочная коммиссія), что, наконецъ, крестьяне здѣшніе считались не совсемъ-то благонадежными въ политическомъ отношеніи, потому что, какъ ходили слухи, нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ Оникштинскими государственными крестьянами будто бы помогали митейникамъ бродившимъ около мѣстечка Оникшть. Конечно, все это должно было подготавливать меня къ тому что здѣсь и на первыхъ же порахъ встрѣтится много неладнаго.

Однако ровно ничего подобного не оказалось. Ни письменных жалобъ не было подано, никто и на словах не пожаловался. А между тѣмъ я ожидалъ что одна жалоба уже непременно будетъ, именно насчетъ волостнаго старшины Ширмениса, назначеннаго, какъ я слышалъ подъ секретомъ, не столько по выбору схода, сколько по прямому распоряженію моего предмѣстника; назначеніе же это не могло быть пріятно крестьянамъ особенно потому что излюбленный ими старшина Козловскій былъ смѣщенъ съ должности и даже посаженъ въ острогъ... Но Козловскій уже выпущенный на свободу и теперь находившійся на сходѣ, какъ и всѣ прочіе, угрюмо молчалъ.

По правдѣ сказать, я былъ недоволенъ этимъ молчаніемъ. Гораздо было бы лучше, думалось мнѣ, еслибъ эти мрачные Оникитинцы высказались сразу про все что имъ не по душѣ... Но, конечно, я и не думалъ вызывать чѣмъ-нибудь ихъ жалобы. Я самъ сдѣлался сдержанъ въ рѣчахъ и, обращаясь къ сходу, разговаривалъ только о непреминной необходимости исправнаго взноса оброковъ. Крестьяне же опять-таки выслушали это молча, отнюдь не жалуясь, чего тоже надо было бы ожидать, на слишкомъ высокое опредѣленіе размѣра оброковъ по уставнымъ грамотамъ.

Я оставилъ сходъ въ его упорномъ молчаніи, происходившемъ впрочемъ, кстати замѣчу, не отъ незнанія русскаго языка, а по всей вѣроятности отъ недовѣрія ко мнѣ, какъ новому посреднику, и обратился съ разспросами къ старшинѣ и старостамъ. Всѣ они оказались смыслеными, особенно же волостной старшина, отвѣчавшій мнѣ хорошою русскою рѣчью, коротко, ясно и неторопливо; по крайней мѣрѣ они знали довольно обстоятельно о положеніи со внѣшней стороны сельскихъ обществъ, можетъ-статься потому знали что имъ, пожалуй, уже было извѣстно по слухамъ о моихъ разспросахъ въ Куркаевской волости; а могло быть и то что они, какъ близкіе сосѣди большаго торговаго мѣстечка, были гораздо развитѣе Куркаевцевъ.

Старшина Ширменисъ, человѣкъ средняго возраста, коренастый, мѣшкотный въ движеніяхъ, но не угрюмый, какъ его волостяне, и съ довольно веселою физіономіей, очень мнѣ понравился. Онъ не только говорилъ хорошо, но и держался ловко, не принужденно, вѣжливо и не безъ достоинства; къ нему даже шелъ его сюртукъ темнофіолетоваго цвѣта, съ бронзовою ме-

далью на груди.* Несомненно онъ былъ уменъ, хотя на первыхъ же порахъ замѣчалась въ немъ лордочная примѣсь хитрости и не простой, крестьянской, а какъ-то смахивавшей на хитрость чловѣка очень бывалаго.** За то волостной писарь, молоденькій Полячокъ съ приторно-льстивыми ужимками, оказался весьма плохъ по своей части, все дѣлопроизводство было у него въ большомъ запущеніи. Я тогда же рѣшилъ про себя замѣнить его при первой же возможности болѣе дѣльнымъ писаремъ.

Итакъ, въ Оникштинской волости нашлось для меня куда вовсе мало дѣла, и послѣ двухъ-трехъ часовъ пребыванія въ здѣшнемъ волостномъ правленіи можно было уѣхать отсюда и дальше. Но для переѣзда въ слѣдующую по предположенному мною пути волость Свядосцьскую было ужъ поздно, такъ какъ мѣстечко Свядосце отстояло отъ Оникштѣ слышкомъ въ двадцативерстномъ разстояніи. Я рѣшился заночевать въ Оникштахъ, а вслѣдствіе этого задержался на нѣкоторое время; капитанъ А. и мѣстные становой приставъ и акцизный чиновникъ уговорили меня взять постоянную квартиру въ Оникштахъ. Мнѣ было это даже на руку: мѣстечко довольно большое, торговое, съ нѣкоторымъ еще въ немъ административнымъ персоналомъ, представляло для меня много удобствъ, а притомъ оно такъ было расположено въ отношеніи большей части моихъ волостей что изъ него способно было проѣхать съ одной стороны въ волости Свядосцьскую, Добейскую и Солльскую, а съ другой — въ Курклеевскую, Скимянскую и Овантскую.

* Медаль эта была установлена для всѣхъ служившихъ изъ краѣ во время мятежа.

** Въ концѣ мая 1866 года, когда уже шла война между Прусаками и Австрійцами, Ширменецъ явился ко мнѣ съ заявленіемъ что Евреи начинаютъ скупать по волости у крестьянъ золото, предлагая чуть ли не по 7 рублей за полуимпериалъ. Я спросилъ его: что жъ ему до этого и чего онъ тутъ хочетъ? Вообще ловкій на отвѣты, онъ чрезвычайно затруднился моими вопросами. Я закончилъ разговоръ простымъ совѣтомъ: если ему, какъ старшинѣ, не желательно чтобы крестьяне его волости выпускали Евреямъ припрятанную звонкую монету, то пусть онъ скажетъ кой-кому что цѣна на золотой вѣроятно подымется скоро и на 8 рублей. Не знаю какъ онъ сдѣлалъ, а кажется заявленіе его было хитро разчитано.

На другой день я сразу прискалъ себѣ квартиру, просторный домикъ о пяти комнатахъ какого-то шляхтича Франциссона. Цѣна была такъ сходна что я съ одного слова согласился. Домикъ же, хотя ветхій и неказистый, очень мнѣ понравился. При немъ былъ порядочный садикъ, весь въ цвѣту, а главное, домъ находился на самомъ берегу Свенты.

Но не разъ выходя на рѣку вечеромъ я всматривался невольно и опасливо въ другой берегъ, весь, сколько его было видно мнѣ, покрытый мелкими кустами, а дальше, верстахъ въ двухъ-трехъ, замкнутый синеватсю полосой большого лѣса. „А что, думалось мнѣ, — если оттуда, изъ того недалекаго лѣса, пожалуютъ ко мнѣ или самъ Опаньскій, или нѣсколько человѣкъ изъ его шайки? Живу я здѣсь на отлѣтѣ отъ мѣстечка; хозяинъ же мой, какъ слышно, участвовалъ въ мятежѣ, но подошелъ подъ амнистію, такъ какъ явился съ повинною до 1 мая 1863 года; людей при мнѣ только два письмоводителя, одинъ—Русскій (привезенный мною изъ Москвы), а другой—Полякъ и тоже подошедшій подъ амнистію, да еще лакей Полячокъ, повидимому совсѣмъ ненадежный...“ Опасенія эти я и теперь не могу считать безосновательными: мнѣ разказывали тогда что раннюю весною 1865 года, то-есть очень не задолго до пріѣзда моего въ Вилькомиръ, слышались по ночамъ раза два-три выстрѣлы въ сторонѣ какихъ-то магазиновъ, возлѣ мѣстечка Оникштъ, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ увѣряли что этого ни чуть не слѣдуетъ бояться, потому что, по всей вѣроятности, то были простыя шалости, для нѣкотораго запугиванія, да и происходили онѣ далеко отъ моей квартиры, именно на другомъ концѣ Оникштъ. Конечно, такіа увѣренія не могли меня успокоивать; но впрочемъ во все время моего житія въ этомъ мѣстечкѣ, съ мая и по октябрь 1865 года, даже ни малѣйшаго намека на что-нибудь опасное ни разу не представилось. Вообще я прожилъ здѣсь спокойно и пріятно.

Объ Оникштинской волости ничего особеннаго мнѣ уже не приходится разказывать. Оникштинцы, хоть и сдѣлавшіеся современемъ гораздо попривѣтливѣе ко мнѣ, какъ къ мировому посреднику, все-таки остались несообщительными черезчуръ, и оттого я ни разу не попалъ тутъ ни на черты особыхъ нравовъ и обычаевъ, ни на какіе-нибудь замѣчательные случаи изъ крестьянскаго быта и крестьянскихъ отношеній. Вообще волость эта была тоже спокойная, какъ и

Курклеевская, съ тою однако существенною разницею что упрямство крестьянъ оникштинскихъ мѣшило многому что могло бы быть полезно: такъ не захотѣли они облегчить безземельныхъ батраковъ болѣе справедливымъ распредѣленіемъ на „міру“ разныхъ сборовъ и повинностей; не захотѣли тоже обезпечить бытъ отставныхъ солдатъ живущихъ въ ихъ волости; уклонялись даже отъ правильнаго мірскаго учета всякихъ съ нихъ сборовъ и пр. За то жалобъ и по семейнымъ дѣламъ они почти вовсе не подавали.

Въ оникштинской квартирѣ моеѣ я пробылъ на первыхъ порахъ только три дня, впрочемъ и въ послѣдствіи никогда дольше я здѣсь не жилъ. Занятій было много изъ-за разныхъ распоряженій по участку; но меня такъ и подмывало въ другія волости. Я уже собирался къ отъѣзду въ мѣстечко Свядосце, да не пришлось еще туда ѣхать: я получилъ новыя довольно тревожныя извѣстія изъ Овантской волости и счелъ нужнымъ поскорѣе отправиться для улаженія тамошнихъ не-порядковъ.

Но и въ мѣстечко Ованты я попалъ не прямо. По дорогѣ была волость Скимянская, куда и предположилъ я напередъ заѣхать, разчитывая по извѣстнымъ мнѣ даннымъ что тамъ придется пробыть очень недолго.

IV.

По отзывамъ предмѣстника моего и прочихъ вилькомірскихъ мировыхъ дѣятелей, Скимянская волость (кстати, по величинѣ своей равная Курклеевской) была самою спокойною въ участкѣ. Притомъ, какъ я зналъ уже навѣрно, всѣ тамошніе крестьяне, близкіе сосѣди къ шоссе, хорошо понимали русскую рѣчь и говорили по-русски. Наконецъ, еще въ Вилькомірѣ, я видѣлъ скимянского волостнаго старшину Ничуласа, Литвина съ предобрѣдушною, почтенною физиономіей. Мнѣ было пріятно ѣхать въ эту волость, которая, скажу теперь же, сразу крѣпко полюбилась мнѣ, которая и во все мое пребываніе въ Вилькомірскомъ уѣздѣ не только ничѣмъ не потревожила меня, но напротивъ того доставляла много удо-

вольствія исправностью въ платежахъ, толковымъ исполненіемъ распоряженій по устройству школы, по составленію семейнаго списка, по уравнительной раскладкѣ повинностей между крестьянами-господарисами и батраками, по обезпеченію быта отставныхъ солдатъ живущихъ въ волости, по тому даже что тамъ ни разу при мѣѣ не нарушались крестьянами права собственности помѣщичьей. И, что замѣчательно, все это зависѣло именно отъ волостнаго старшины Ничунаса, который своею безупречною честностью, своимъ добродушнымъ, простымъ, но умнымъ и твердымъ обращеніемъ съ крестьянами пріобрѣлъ самое прочное на нихъ вліяніе.

Я выѣхалъ изъ Оникшъ ранехонько утромъ, чуть лишь свѣтъ забѣлѣлъ. Было облачно, дождь моросилъ; день обѣщалъ быть пасмурнымъ. Но въ такую-то погоду, при весеннемъ тихомъ дождѣ, ѣхать по пескамъ и по корнямъ въ Оникштинскомъ лѣсу было и спокойнѣе, и удобнѣе.

Все это такъ памятно мнѣ. Я вѣдь сразу полюбилъ ту сторону, какъ любилъ и дѣло которымъ занимался.

Памятна тоже и хатка которую я увидѣлъ въ лѣсу по дорогѣ въ мѣстечко Скимяны.

Лѣсъ былъ небольшой, всего можетъ-быть на ста, на полтора десятинѣхъ, притомъ безобразно разрѣженный въ разныхъ мѣстахъ самою неправильною вырубкой.

Диковинная хатка стояла въ срединѣ лѣса и у самой дороги по которой я ѣхалъ. То была избушка ужъ чисто „на курьихъ лапкахъ, на веретенныхъ лятахъ“, какъ въ сказкѣ сказывается: премаленькая, почернѣвшая, такъ какъ будто бы была сложена изъ головешекъ, перекосившаяся на оба бока по продольной линіи, съ однимъ оконцемъ въ видѣ продушины, съ соломенною крышей, косматою и въ двухъ-трехъ мѣстахъ проломленною. Сбоку и вплоть къ хаткѣ были поставлены плетневая сѣнцы, уже совсѣмъ безъ крыши, но еще со стоячими стропилами изъ тоненькихъ жердей. Рядомъ съ сѣнцами крошечный огородецъ, весь засѣянный только лукомъ. У огорода коза привязанная къ колышку.

Огородъ весь засѣянный лукомъ, коза тутъ же, показались мнѣ характеристичными признаками.

— Еврей живетъ? спросилъ я у моего письмоводителя Поляка.

— Конечно, Еврей... Жидасъ, по-здѣшнему... отвѣчалъ онъ съ безгладнымъ пренебреженіемъ.

— А лѣсъ этотъ чей?

— Лѣсъ помѣщицы лани Хлѣвинской.

— Что жъ тутъ Еврей дѣлаетъ? это любопытно...

Я велѣлъ остановиться, вошелъ въ сѣнцы, отворилъ дверь въ избушку и тотчасъ же отскочилъ отъ входа. Мнѣ не подъ силу было перенести душливый, зловонно-смердный запахъ вдругъ обдавшій меня изъ хатки.

Вслѣдъ за мною, когда я выбрался и изъ сѣней, вышли двѣ женщины: одна престарая, другая еще довольно молодая. На нихъ непріятно, даже нѣсколько страшно было взглянуть: обѣ чисто въ рубищахъ; обѣ съ донельзя исхудавшими темными лицами, которыя изъ-подъ огромныхъ тряпичныхъ повязокъ на головахъ, въ родѣ тюрбановъ, какихъ я еще нигдѣ не видалъ у Евреекъ, казались чрезвычайно безобразными. Особенно страшна была старуха со своимъ большимъ заостреннымъ носомъ, со своими дикими, блуждающими глазами.

Онѣ обѣ разомъ крикнули мнѣ что-то, должно-быть спрашивали чего я хочу отъ нихъ. Въ свою очередь и я спросилъ: кто хозяинъ въ этой избушкѣ и что онъ дѣлаетъ тутъ въ лѣсу?

Начала было отвѣчать старуха; но ни я, ни даже писмоводитель У—скій ничего не могли разобрать изъ ея словъ. За тѣмъ заговорила по-польски младшая, но тоже, по крайней мѣрѣ для меня, очень неразборчиво и голосомъ крайне крикливымъ. У—скій понялъ-таки ея рѣчи и перевелъ мнѣ что тутъ живетъ Еврей лѣсной сторожъ помѣщицы Хлѣвинской, и что его теперь нѣтъ дома: „ушелъ для гандлю“ (торговли).

— Но чѣмъ же онъ торгуетъ? чѣмъ можетъ тутъ торговать? спросилъ я съ удивленіемъ.

У—скій началъ опять разъяснять насчетъ загадочной торговли лѣснаго сторожа. Онъ перебралъ, кажется, все отрасли торговли, такъ ужъ усердно разъяснялъ, что видимо его забавляло. Но отвѣтъ на все былъ отрицательный. Оказывалось что лѣсной сторожъ ровно ничѣмъ не торгуетъ.

— Да скажите же, вскричалъ я наконецъ, — чѣмъ-такимъ онъ торгуетъ? Что это за „гандель“ его?

— А всѣмъ гандлюетъ! всѣмъ гандлюетъ! сердито отвѣтила молодая Еврейка; старуха же еще сердитѣе стала

кричить что-то. Я понялъ наконецъ что не слѣдуетъ больше любопытничать, проворно усѣлся въ экипажъ и отправился дальше.

При наблюденіяхъ моихъ надъ торговлей въ еврейскихъ лавкахъ и надъ базарными сценами въ Вилькомірѣ, я постоянно видѣлъ Евреевъ всегда занятыми дѣломъ и много трудящимися, Евреевъ же праздно торчащими на площади и на улицахъ, занятыми лишь глазнѣемъ по сторонамъ да болтовней. Приемы еврейской торговли при закупкѣ у крестьянъ хлѣба, льна и другихъ предметовъ весьма невѣрною и разною по мѣстностямъ мѣрой *; все слышанное мною ** про Евреевъ, про ихъ житье-бытье и дѣятельность въ краѣ, наконецъ, даже внѣшность Еврея, столь отличающая его ото всѣхъ съ кѣмъ онъ живетъ здѣсь: эта грязь и неприбранность жилища, оборванность, нечистоплотность и неуклюжесть костюма,—все это повело было меня къ заключенію что Евреи просто лѣнтяи, что они совсѣмъ не способны къ труду физическому, даже къ труду по столь излюбленной ими торговлѣ, ибо если они и занимаются торговлей, то крайне неправильно, какъ-то урывками, безтолково, разбрасываясь въ разныя стороны, нелѣпо хватаясь за все и гоняясь, что называется, разомъ за семью зайцами, не думая нисколько быть полезными посредниками между производителями и потребителями, напротивъ того, стараясь стать къ

* Въ Вилькомірскомъ уѣздѣ мѣры на хлѣбѣ, напримѣръ, странно разнообразны: въ мое время Евреи покупали и по польской мѣрѣ (по рѣдко) на бочки, и по нѣмецкой мѣрѣ на шэффели, и (чаще всего) по литовской мѣрѣ на пуры. Но и *пура* чрезвычайно разнообразна: есть въ 32 гарнца, есть въ 28, 27, 25 и даже въ 24 гарнца. Вообще чѣмъ дальше мѣстность отъ города, отъ значительно торговаго пункта, тѣмъ больше пура по количеству въ ней гарнцевъ и, разумеется, по той причинѣ что для Евреевъ гораздо выгоднѣе покупать хлѣбъ такою пурою.

** Такъ отъ управляющаго помѣщика Больдевича, г. Изеншмидта, я слышалъ слѣдующій выводъ по сравненію труда въ земледѣльной работѣ: русскіи рабочіи изъ губерній: Смоленской, Калужской, даже Витебской „выкидываютъ въ дѣтній день при вырытіи полевыхъ канавъ, глубиною въ аршинъ, шириной въ полтора аршина, до семи *прентовъ* (въ прентѣ 7 аршинъ), Литвинъ выкидываютъ только отъ 3 до 4 *прентовъ*, Еврей же, притомъ нанимающійся весьма рѣдко, не можетъ выкинуть и одного прента.

тѣмъ и другимъ въ самыя враждебныя отношенія, обманывая тѣхъ и другихъ на каждомъ шагѣ.

Но, такое заключеніе мое было сдѣлано слишкомъ поспѣшно. Въ послѣдствіи, приглядѣвшись внимательнѣе къ быту и положенію Евреевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, вникнувъ поглубже въ разнообразныя ихъ отношенія къ инородческому и иноземному для нихъ народонаселенію, я пришелъ мало-по-малу уже къ инымъ выводамъ.

Еврея, какъ извѣстно, неравноправны съ прочими классами здѣшняго населенія, особенно же рѣзко выражается эта неравноправность въ ограниченіяхъ правъ на владѣніе земельною собственностью. Въ городовъ они не владѣютъ ни клочкомъ земли. Хотя же въ мѣстечкахъ, по большей части помѣщичьихъ, многіе *плацы* заняты ихъ корчмами, домами и хатками, однако плацы эти не имъ принадлежатъ; они помѣщичьи; помѣщики собираютъ за нихъ *пладовой чиншъ* (оброкъ), иногда при этомъ очень стѣсняя Евреевъ, иногда и совсѣмъ выживая ихъ отсюда. Евреи живутъ здѣсь такимъ образомъ уже давно, и жизнь ихъ, по неизмѣнности разныхъ неблагоприятныхъ для нея вліаній, закована въ своихъ дурныхъ формахъ. Они какъ бы прикованы къ мѣсту, и имъ страшно тѣсно въ краѣ столь обширномъ по пространству и столь рѣдко населенномъ. Громадное большинство ихъ чрезвычайно бѣдно и ему поистинѣ нечѣмъ взяться чтобъ улучшить собственными усиліями свое житье-бытье. Отсюда-то вытекаетъ роковая для нихъ необходимость отыскивать себѣ средства къ жалкому существованію изодня въ день только торговлей, единственно имъ слодручною, или лучше сказать не торговлей, а торгошничествомъ, подражывая подъ этимъ словомъ самую дрянную стелень посредничества между производителями и потребителями.

И когда во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ (за исключеніемъ города Бѣлостока и Бѣлостокскаго уѣзда) промышленности нѣтъ никакой, когда земельною собственностью Евреи не владѣютъ и владѣть не могутъ, когда ремесленности ихъ, еслибы всѣ они вздумали сдѣлаться ремесленниками, рѣшительно мѣшаютъ условія жизни прочаго населенія, бѣднаго и крайне ограниченаго въ домашнихъ своихъ потребностяхъ,—чѣмъ же и заниматься Евреямъ какъ не одною торговлей? А эта торговля вся почти сосредоточенная вокругъ довольно скудной сельско-хозяйственной промышленности, причемъ

произведенія этой промышленности раскиданы на огромныхъ пространствахъ съ рѣдкимъ населеніемъ, причемъ также и Евреи должны поневолѣ на каждомъ шагѣ конкурировать между собою,—развѣ можетъ такая торговля быть правильною, развѣ не должна она быть крайне-мелочною, крайне-случайною, крайне и безтолково разбрасывающеюся во все стороны?

Можетъ-быть скажутъ мнѣ что Евреи положительно не способны къ земледѣльческому труду, какъ и доказали де они на дѣлѣ въ устроенныхъ специально для пріученія ихъ къ земледѣлію колоніяхъ, что они даже по своему слабому тѣлесному организму не способны къ труду этому, во всякомъ случаѣ тяжелому. Но все это рѣшительно не вѣрно. Я самъ видалъ Евреевъ-земледѣльцевъ въ Виленскомъ уѣздѣ, пахущихъ и обрабатывающихъ свои земли не хуже настоящихъ тамошнихъ крестьянъ. Притомъ Евреи хотъ и точно слабосильны отъ весьма дурнаго, по бѣдности, своего питанія, однако-жь, отнюдь не слабосильнѣе Бѣлорусовъ.

Правда, еслибъ обратить ихъ разомъ въ земледѣльцевъ, это было бы черезчуръ уже крутою и рѣшительною мѣрой, которая по всей вѣроятности не принесла бы существенной пользы. Но облегчить для нихъ, по возможности, способы пріобрѣтенія земельной собственности изъ столь еще многихъ впускъ лежащихъ казенныхъ земель въ Сѣверо-Западномъ краѣ, дозволить имъ пріобрѣтать земли хотъ бы отъ однихъ польскихъ помѣщиковъ и сдѣлать это именно для тѣхъ изъ нихъ которые пожелали бы и обязались бы сдѣлаться земледѣльцами, думается мнѣ на это слѣдовало бы рѣшиться. Такимъ способомъ еврейскій вопросъ разрѣшился бы, кажется мнѣ, лучше и рациональнѣе чѣмъ, напримѣръ, дозволеніемъ для Евреевъ раскидываться по всей Имперіи, хотя бы подъ условіемъ чтобы выселяющіеся были непременно ремесленниками.

Но можетъ-быть явятся опасенія (а пожалуй они и есть уже на дѣлѣ) что при дозволеніи Евреямъ быть землевладѣльцами здѣшняя земельная собственность чуть не вся разомъ перейдетъ къ нимъ. Позволяю себѣ думать что эти опасенія неосновательны, вопервыхъ, потому что земли въ Сѣверо-Западномъ краѣ слишкомъ много и ея достанетъ на многіе миллионы жителей; затѣмъ самое пріобрѣтеніе земли Евреями можно бы ограничить извѣстною нормой, напримѣръ такъ чтобы каждая семья могла бы прі-

обрѣтать не болѣе одного отдѣльнаго участка равнаго по величинѣ среднему участку крестьянскому; наконецъ положительно могъ бы быть воспрещенъ всякій переходъ земельной собственности отъ крестьянъ къ Евреямъ. При этой главной мѣрѣ могли бы быть допущены и другія уже частныя, но все-таки направленные къ достиженію той цѣли, чтобъ Евреи изъ мелкихъ, но крайне вредныхъ эксплуататоровъ, какими они, будучи совершенными пролетаріями, сдѣлались по необходимости, превратились въ классъ народонаселенія прочно обезпеченный для существованія и для правильнаго труда, а потому и нормально-производительный: на примѣръ, облегченіе ихъ въ разныхъ повинностяхъ на время прочнаго обзаведенія земледѣльческою орудностью, а также и поощреніе ихъ какими-нибудь наградами за успѣхи правильно-устроеннаго земледѣльческаго хозяйства.

Иныхъ средствъ для разрѣшенія еврейскаго вопроса мнѣ не представляется. А между тѣмъ разрѣшеніе этого вопроса становится годъ отъ году все настоятельнѣе и необходимѣе: нельзя же оставлять слишкомъ трехмилліонное населеніе въ его чрезвычайно-тѣсномъ положеніи, особенно же когда положеніе это въ послѣднее время видимо ухудшается. А что оно точно ухудшается, на это есть указанія. Въ прошломъ 1878 году я былъ по дѣламъ моимъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и мнѣ не одинъ разъ доводилось слышать такое общее мнѣніе о Евреяхъ что они становятся какъ-то опаснѣе чѣмъ прежде были; что они теперь съ большою смѣлостью и рѣшительностью лускаются въ самыя рискованныя предпріятія; такъ не мало развѣлось между ними конокрадовъ, а есть и такіе что участвуютъ даже въ грабѣжахъ, даже въ нападеніяхъ на отдѣльныя усадьбы зажиточныхъ крестьянъ, арендаторовъ, помѣщиковъ; что вообще съ Евреями въ послѣднее время какъ-то сладу не стало. И замѣчательна, какъ объяснилъ мнѣ одинъ арендаторъ помѣщичьяго имѣнія, человѣкъ не глупый и сообразительный практикъ, такая перемѣна въ характерѣ дѣйствій еврейскихъ, всегда прежде весьма осторожномъ. По его мнѣнію, Евреи становятся рѣшительны и опасны именно оттого что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе бѣдѣють, а бѣднѣютъ они по той причинѣ что крестьяне со времени своего окончательнаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости стали недоступнѣе для еврейской эксплуатаціи, такъ

какъ ей теперь уже ничѣмъ не помогаютъ помѣщики съ ихъ узкими случайными разчетами.

Но положимъ что и мнѣніе о телерешенѣ характеръ дѣйствій еврейскихъ и объясненіе причины увеличивающейся нынѣ бѣдности Евреевъ слишкомъ преувеличены, натянуты, даже совсѣмъ невѣрны. Возьмемъ въ разчетъ хоть только то какъ Евреи живущіе вездѣ по мѣстечкамъ и чуть ли не во всѣхъ деревняхъ продаютъ водку,—какая эксплуатація крестьянскаго труда, даже при телерешенѣ неподатливости крестьянъ, все-таки существуетъ и не существовать не можетъ, такъ какъ лишь одни Евреи занимаются въ Сѣверо-Западномъ краѣ и винокурениемъ и продажею питей по корчмамъ. Вотъ разительный примѣръ этой эксплуатаціи, который я привожу потому что онъ отнюдь не случайный, а притомъ и хорошо мнѣ извѣстный: въ моемъ Гродненскомъ мировомъ участкѣ, въ Верцелишской волости, была деревня Пилюки, состоящая всего изъ девяти крестьянскихъ дворовъ; въ ней-то, несмотря и на ничтожность ея населенія и на то что она находится слишкомъ въ двухъ верстахъ отъ протѣзжей дороги изъ довольно большаго мѣстечка Езёръ въ Гродно, завелся-таки Еврейчикъ-корчмарь на слѣдующихъ условіяхъ своего тамъ промысла: за хатку крестьянскую, гдѣ онъ жилъ и торговалъ водкой, платилъ онъ хозяину хатки пятнадцать рублей, а кромѣ того за право торговли водкой въ деревнѣ давалъ на каждый крестьянскій дворъ по девяти рублей въ годъ; итого стало-быть имѣлъ онъ этого расхода ежегодно девяносто шесть рублей. Чтобы покрыть только этотъ расходъ, надо было ему непременно продать около трехъ бочекъ водки, такъ какъ бочку водки въ сорокъ ведеръ приобреталъ онъ изъ виннаго склада за сто двадцать рублей (по три рубля за ведро), а выпродавалъ эту бочку за сто шестьдесятъ рублей по *крючкамъ*, изъ которыхъ каждый стоить здѣсь обыкновенно четыре копейки (въ ведрѣ водки ровно сто *крючковъ*). Сложите же стоимость трехъ бочекъ водки, которыя должны необходимо выпродать пилюкскій корчмарь чтобы только покрыть свои издержки, да разделите итогъ этой стоимости на число дворовъ въ деревнѣ и выйдетъ что каждому крестьянскому двору, получающему отъ корчмаря девять рублей за право торговли, придется заплатить корчмарю пользующемуся этимъ правомъ не менѣ пятидесяти трехъ рублей.

На этот примѣръ, наглядно показывающій что такое еврейская эксплуатація, практикуемая въ формѣ продажи водки крестьянамъ по деревнямъ, мнѣ довелось указать высокопоставленному въ администраціи края лицу, въ отвѣтъ на вопросъ его: улучшается ли бытъ крестьянъ послѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Разъ поздною осенью, въ длинный вечеръ, находясь у мѣстныхъ русскихъ помѣщиковъ гг. Ботвинокъ, въ Овантской волости, я разговорился съ ними о Евреяхъ и высказалъ мое мнѣніе что считаю Евреевъ совершенными лѣтягами, вообще неспособными или весьма мало способными ко всякому физическому труду; что наконецъ и торговля ихъ, въ которой признаютъ ихъ такими ловкими и искусными, слишкомъ отрывочна, случайна, мелочна и фальшива чтобы быть полезною не только для другихъ, но и для нихъ самихъ.

— Напрасно вы такъ думаете, отвѣчалъ мнѣ г. Ботвинокъ, средній изъ братьевъ:—но чтобы не спорить общими выраженіями, я разкажу вамъ про одного Еврея-разнощика, примѣръ котораго, надѣюсь, заставитъ васъ перемѣнить взглядъ на его единоувѣрцевъ. Этотъ разнощикъ, таскавшій на своей спинѣ огромный коробъ со всякою мелочью, захакивалъ къ намъ въ теченіе многихъ лѣтъ по нѣскольку разъ въ годъ, всегда приговоя свои посѣщенія къ опредѣленнымъ имъ самимъ срокамъ. Случалось что иногда намъ ничего не надобилось; но онъ твердо, даже грубовато настаивалъ чтобы купили непременно. „Вы богатые, ведемоцные ланы, а я бѣдный, бѣдный Еврейчикъ, говорилъ онъ:—вамъ чего стѣдуетъ достать изъ кишени пенѣнзовъ, рублей, злѣтыхъ да грѣшей?... а если не купите, откуда я возьму на коширное мясо въ табашъ, откуда и въ простой день достану на селедки, на хлѣбъ? Вы должны купить; не умереть же мнѣ и семьѣ моей съ голоду!“ И мы покупали даже на столько какъ онъ назначалъ. Но и то надо сказать: онъ продавалъ безобманно, пользуясь самымъ умѣреннымъ барышомъ; онъ добивался только того чтобы рубль пущенный имъ въ торговлю какъ можно чаще оборачивался въ теченіе года. И вотъ однажды онъ зашелъ къ намъ на бѣду себя. Мы купили у него какой-то мелочи рублей на семь и онъ отправился ночевать въ другую нашу деревню, Трумпанцы, къ знакомому изстари зажиточному и честному крестьянину; а ночью тамъ случился пожаръ, такъ быстро охватившій и дворъ, и домъ что

семья крестьянина и Еврей едва успѣли выскочить: у крестьянина погорѣло все имущество, у Еврея погорѣлъ его коробъ на ту пору почти весь еще полный. На другой день онъ явился къ намъ въ совершенномъ отчаяніи. Мы пожали его и дали ему три рубля на разживу. И представьте, онъ былъ въ восторгѣ. По словамъ его, этихъ трехъ рублей съ тѣми что онъ выручилъ отъ насъ наканунѣ было достаточно чтобы завести новый коробъ въ кредитъ, при улатѣ впередъ только десяти рублей. Согласитесь что этотъ Еврей-разнощикъ, многіе годы таскавшій на себѣ тяжелый коробъ, на мелкіе свои барыши прокармливавшій большую семью и торговавшій такъ что при несчастномъ случаѣ достаточно для него самой малой помощи чтобы возстановить разомъ всю торговлю, конечно, рѣшительно опровергаетъ все ваше мнѣніе о Евреяхъ...

Но пора перейти ко Скимянской волости.

Совсѣмъ развсдрѣло когда я подъѣзжалъ къ мѣстечку Скимянамъ, къ такому же ничтожному селенію какъ и Куркле, вѣроятно пожалованному названіемъ мѣстечка все изъ-за ланской же *пыли*.

У волостнаго правленія, премаленькаго и по наружности преплохенькаго, опять встрѣтилъ меня сходъ; но на этотъ разъ хотя волость эта была небольшая, народу на сходѣ собралось довольно много, что тотчасъ же бросилось въ глаза. Но особенно поразила встрѣча чисто на русскій ладъ. Меня встрѣтили съ хлѣбомъ-солью и, какъ я послѣ узналъ, это распорядился самъ старшина Ничунасъ. Но и весь сходъ отнесся ко мнѣ такъ привѣтливо и радушно что и теперь мнѣ пріятно вспомнить объ этомъ.

Не понравилось мнѣ внутреннее расположеніе волостнаго правленія, тѣснаго и темнаго, а главное, на другой его половинѣ я рѣшительно не видалъ мѣста даже для самой малой школы. Я замѣтилъ про это старшинѣ. Онъ отвѣчалъ что помѣщикъ Малецкій обѣщалъ дать дѣсу для школы, да все что-то не исполняетъ обѣщанія. Я тогда же рѣшился проѣхать къ г. Малецкому, послѣ осмотра дѣлопроизводства въ волостномъ правленіи и по разборѣ жалобъ, еслибы онъ были представлены.

Но жалобъ никто не представилъ. Осмотръ дѣлопроизводства занялъ времени немного: волостной писарь, какъ водится, Полякъ (фамиліи его не помню), вель книги и дѣла

такъ-себѣ, порядочно. Волостной судъ, какъ и въ Куркляхъ, и въ Оликиштахъ, былъ развитъ очень мало. Судебныя рѣшенія были чрезчуръ отрывочны и нисколько не мотивированы, а кромѣ того, они были подписаны и старшиной, который, значитъ, вопреки 104 статьи Общаго Положенія, участвовалъ въ разборѣ дѣлъ на судѣ. Я замѣтилъ это старшинѣ, а онъ удивился.

— Да какъ же такъ? мнѣ нельзя не быть на судѣ, а то мало ль что выйдетъ! Я вѣдь старшина, за все въ волости отвѣчаю... возразилъ онъ съ достоинствомъ.

Я прочиталъ ему законъ и даже не одинъ разъ. Онъ понималъ что по закону, точно, не слѣдуетъ ему быть при разборѣ дѣлъ на волостномъ судѣ; но остался этимъ все-таки недоволенъ.

— А какъ же быть мнѣ? Ну они тамъ что-нибудь не такъ... Я вѣдь старшина, за все отвѣчаю, твердилъ онъ попрежнему.

Подъ вечеръ, я отправился къ помѣщику Малецкому чтобы переговорить съ нимъ насчетъ лѣса для школы.

Съ г. Малецкимъ я былъ уже знакомъ нѣсколько: онъ прїѣзжалъ ко мнѣ въ Вилькомиръ по какому-то дѣлу и подалъ прошеніе, которое подписалъ по-польски, въ чемъ очень извинялся на польскомъ же языкѣ, объясняя что онъ престарѣлый человѣкъ, всю жизнь говорилъ только на родномъ своемъ языкѣ, говорилъ даже и въ то время какъ служилъ въ Наполеоновыхъ войскахъ. И въ самомъ дѣлѣ, ему было уже подъ восемьдесятъ лѣтъ.

Я засталъ дома лана Алонзія Малецкаго, и совсѣмъ по-домашнему, въ старой засаленной чамаркѣ изъ сѣраго толстаго сукна. Но несмотря на такой небрежный костюмъ, я подумалъ сначала что старикъ ждетъ къ себѣ гостей-сосѣдей. Два ломберные столика съ протертымъ зеленымъ сукномъ стояли въ залѣ приготовленные, какъ надо, для игры: тутъ были и карты, и мѣлки, и щеточки. Оказалось однако что у лана Малецкаго всегда такъ на всякій случай.

Домашняя обстановка лана Малецкаго, начиная хоть съ этихъ готовыхъ для игры столиковъ, довольно напоминала русскіе помѣщичьи дома въ деревняхъ съ близкими сосѣдями. Но самая усадьба не походила на русскую: надворныя постройки были раскиданы безпорядочно, подъ разными углами въ отношеніи къ господскому дому; дворъ не имѣлъ ни малѣйшей замкнутости.

Старикъ какъ-будто порастревожился моимъ нечаяннымъ прїѣздомъ, а впрочемъ принялъ меня ласково. Прїѣздивъ, его усилилась когда я объяснилъ зачѣмъ прїѣхалъ, и то была прїѣздивость не льстивая, а добродушная и искренняя. Онъ все хотѣлъ угостить меня, хотя, кажется, и затруднялся нѣсколько насчетъ этого.

— Вудѣчка была старая, говорилъ онъ, то съ улыбкой, то вздыхая:—о-то-жъ, жолнержи, казацц, пане..

И онъ рукой махнулъ.

Но „гербатой“ (чаемъ) онъ непременно хотѣлъ угостить. Отказаться было бы не ловко. Я остался.

— Мѣже, панъ, въ вѣста сыграемъ?.. За годѣну „коляція“ (ужинъ).. А тамъ панъ заночуетъ у меня..

Отъ вѣста, ужина и ночлега я рѣшительно отказался, подѣ предлогомъ что еще много дѣла въ волости, и попросилъ отпустить меня поскорѣе послѣ „гербаты“.

Но приготовленія къ чаю шли медленно. Старикъ все самъ распоряжался, шмыгая изъ комнаты въ комнату, и все извѣщаясь что прислуги у него мало..

Пока грузный старикъ мѣшкотно хлопоталъ, я вышелъ на крыльцо, оглядѣлся вокругъ, и помавила меня къ себѣ березовая красивая рошца, саженьяхъ въ полутора ста отъ панскаго дома. Я пошелъ туда и уже былъ недалеко отъ самой рошцы, какъ вдругъ, слышу, панъ Малецкій кричить что-то. Я остановился, а онъ любѣжалъ ко мнѣ съ проворностью чрезвычайною для его лѣтъ.

И къ счастью что онъ такъ послѣдшилъ.

Съ сосѣдняго выгона, изъ-за рошцы, кинулись ко мнѣ пять или шесть огромныхъ собакъ. Но Малецкій успѣлъ уже схватить меня подѣ руку, и такъ дошли мы до крыльца.

— О, пане, пане!.. О Езусъ Маріа!.. твердилъ старикъ видимо смущенный и испуганный.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ спасъ меня вовремя. Собаки его, какъ послѣ сказалъ мнѣ старшина Ничунасъ, славились своею злостью по всему околотку.

V.

По возвращеніи отъ пана Малецкаго я долго разспрашивалъ старшину Ничунаса о многомъ касающемся крестьянъ его волости, особенно же о томъ: достаточны ли размѣры

участковъ для обезпеченія всего ихъ быта, * и какъ уживаются крестьянскія семьи на этихъ участкахъ своихъ. Онъ отвѣчалъ обо всемъ этомъ обстоятельно и подробно. Оказывалось изъ его отвѣтовъ что скимянскіе господарисы живутъ вообще безбѣдно, что безземельныхъ батраковъ въ волости не очень много, что господарисы въ отношеніи членовъ своихъ семействъ поступаютъ довольно милостиво, не прогоняютъ ихъ по крайней мѣрѣ отъ семейнаго очага. И дѣйствительно, во все мое пребываніе въ Вилькомирскомъ уѣздѣ, по Скимянской волости (какъ и по Курклеевской) семейныхъ дѣлъ изъ-за устраненія младшихъ членовъ семейства отъ пользованія семейнымъ надѣломъ было очень мало.

Но на другіе мои разспросы Ницунасъ отвѣчалъ черезчуръ сдержанно и осторожно. Мнѣ хотѣлось было заблаго-

* Во всемъ Вилькомирскомъ уѣздѣ размѣры крестьянскихъ участковъ почти одинаковы: отъ восемнадцати до двадцати десятинъ въ каждомъ. Такой участокъ соответствуетъ по размѣру одной *уволоки*, въ которой считается до двадцати десятинъ; земельная же мѣра на уволоки употреблялась повсемѣстно въ Литвѣ съ давняго времени и даже теперь не совсѣмъ вышла изъ употребленія; по крайней мѣрѣ я слышалъ отъ мѣстныхъ польскихъ помѣщиковъ что цѣнность имѣній они опредѣляли по цѣнности уволоки (которая, предъ мятежемъ, стоила въ Вилькомирскомъ уѣздѣ обыкновенно отъ пятисотъ до семисотъ рублей). Впрочемъ, въ двухъ моихъ волостяхъ были крестьянскіе участки и меньшаго и большаго размѣра: такъ въ Курклеевской волости они заключали въ себѣ только четырнадцать десятинъ, а въ Соляской волости равнялись двадцати семи десятинамъ. Почему же въ Курклеевской волости участки меньше на четыре десятины противъ обыкновенной мѣры, о томъ не довелось мнѣ развѣдать; но въ Соляской волости большій размѣръ участковъ, очевидно, зависѣлъ отъ помѣщичьихъ разчетовъ, о которыхъ я уже упоминалъ въ одномъ изъ прежнихъ примѣчаній: такъ какъ земля въ этой волости гораздо лучше чѣмъ во всѣхъ прочихъ волостяхъ моего мирового участка, отчего и оценена она гораздо выше чѣмъ гдѣ-нибудь повѣрочною комиссіей (дѣйствовавшею еще до меня), то здѣсь для помѣщиковъ было выгодно имѣть меньше господарисовъ. Впрочемъ, надобно тутъ и вообще замѣтить что въ Сѣверо-Западномъ краѣ земельныя мѣры тоже довольно перепутаны: такъ есть еще мѣры и на уволоки (хотя теперь эта мѣра и выходитъ изъ употребленія), есть, конечно, и на наши общепринятая десятины, есть и на морги (мѣра употребляющаяся при хозяйственной обработкѣ земель).

временно осведомиться объ отношеніяхъ къ крестьянамъ одного сосѣдняго крупнаго помѣщика, а также кстати, пожалуй, и о женѣ его, слышшей подъ именемъ *крулевы литевской*, ужъ не знаю почему: по красотѣ ли ея, по нѣкоторому ли общественному ея положенію, или же такъ, ради шутки; на все это Ницунасъ ровно ничего не отвѣтилъ, и только довольно хитро намекалъ что, дескать, будешь на мѣстѣ, согласишься повнимательнѣе и самъ все узнаешь.

На узкихъ, неровныхъ скамьяхъ, кой-какъ сдвинутыхъ и покрытыхъ походною моею шинелью, подъ открытымъ на всю ночь окномъ, я спалъ прелестно и всталъ не рано, отчего отправился въ мѣстечко Ованты уже часу въ десятомъ утра. День стоялъ совершенно ясный, безвѣтренный и теплый; солнце ярко свѣтило, но ѣхать было неумоительно: по дорогѣ часто попадались рѣчки и озера, отъ которыхъ дышало такую пріятною прохладой; нерѣдко тоже приходилось пересѣкать тѣнистыя рощи и лѣса. Двадцать верстъ отъ Скиманъ до Овантъ я проѣхалъ почти незамѣтно, съ полнымъ удовольствіемъ. И это было такъ кстати въ виду того что ожидало меня въ Овантской волости.

Мѣстечко Ованты, хоть и широко раскинутое, немного больше мѣстечекъ Куркле и Скиманъ. Явно что и оно носило свое названіе изъ-за ланской *пыли*. Но Овантская волость была одною изъ самыхъ большихъ въ моемъ участкѣ. Въ ней было не мало и помѣщиковъ, и самымъ крупнымъ изъ нихъ состоялъ г. Владиславъ Паць-Помарнацкій, которому принадлежало и мѣстечко Ованты.

Я засталъ сходъ у волостнаго правленія, и сходъ многочисленный, повидимому, гораздо больше чѣмъ изъ латисотъ человекъ. Бросалось тоже въ глаза что тутъ есть и женщины, и мальчики-подростки, чего я еще покуда не видалъ ни въ Куркляхъ, ни въ Оникштахъ, ни въ Скиманяхъ.

Къ удивленію моему, меня и тутъ встрѣтили съ хлѣбъ-солью. Но я скоро замѣтилъ что собственно сходъ въ этой встрѣчѣ ни чуть не участвовалъ; напротивъ, онъ отвѣчалъ на мое привѣтствіе какъ-то не хорошо, черезчуръ угрюмо. Хлѣбъ-соль видимо исходила отъ волостнаго писаря Лакиды, казака изъ Черниговской губерніи и съ типическою казачьею наружностью: съ суровымъ, неподвижнымъ лицомъ, съ предлинными усами, съ ласмурнымъ, тяжело пристальнымъ взоромъ.

На сходѣ было неспокойно. Въ заднихъ рядахъ что-то горячо перекидывались рѣчами. Говорѣ, конечно, былъ непонятенъ мнѣ: говорили все по-литовски. Но раза два послышалась мнѣ какъ-будто и польская рѣчь.

Я не сталъ прислушиваться къ этому неспокойному говору, и, удержавъ приткаго волостнаго старшину, который кинулся было унимать шумъ въ заднихъ рядахъ схода, пошелъ въ волостное правленіе. Вся толпа разомъ повалила за мной. Сборная для схода горница была помѣстительна; но народу такъ много набралось что стало чрезвычайно тѣсно и для крестьянъ, и для меня, а притомъ, несмотря на отворенныя настежь двери и окна, такая духота наполнила горницу что въ ней заниматься было совсѣмъ невозможно. Я выбрался на вольный воздухъ, предъ волостнымъ правленіемъ, и тутъ уже утѣлся за дѣло.

Прежде всего надо было покончить съ бывшимъ волостнымъ писаремъ Быковымъ, человѣкомъ пьянымъ, неспокойнымъ. Онъ-то, казалось мнѣ, и поддерживалъ наиболѣе шумное движеніе въ заднихъ рядахъ схода, гдѣ онъ постоянно вертѣлся. Я вызвалъ его изъ толпы и напрямикъ объявилъ что не могу ни разбирать причинъ его увольненія съ должности, ни удовлетворить его домогательству снова быть писаремъ въ Овантской волости на мѣсто Лакиды, человѣка, по его мнѣнію, совсѣмъ неспособнаго. Онъ было заспорилъ, однако скорехонько и удалился, когда я сказалъ довольно строго что за моимъ объявленіемъ ему, какъ постороннему, уже отнюдь не подобаетъ оставаться дольше на сходѣ.

Съ уходомъ Быкова стало потише въ заднихъ рядахъ; но все-таки въ одной кучкѣ крестьянъ уже отдѣльно стоявшей громко толковали о чемъ-то. Я замѣтилъ что тамъ запылавшой крестьянинъ Милюкенисъ, всячески добивавшійся быть волостнымъ старшиной, а потому нѣсколько разъ жаловавшійся на выборы новаго старшины Гайдамовича.

Теперь надо было заняться дѣломъ о Гайдамовичѣ. Тутъ я приглядѣлся къ нему пристальнѣе и, по правдѣ сказать, мое первое о немъ заключеніе было не въ его пользу. Наружность-то была представительная: высокорослый, стройный, съ красивымъ, свѣжимъ, открытымъ лицомъ, онъ веѣмъ этимъ рѣзко и казисто выдавался изъ толпы своихъ ласмурныхъ волостянъ; притомъ и костюмъ его чисто крестьянскій, но щеголеватый, очень шелъ къ нему; но мнѣ не

понравились излишняя его прыткость и вообще что-то напоминавшее въ немъ деорового человѣка, „официалиста“ съ панскаго двора.

Мильткенсъ и съ нимъ еще человѣкъ летнадцать громко жаловались на Гайдамовича, не указывая однако ни на какія его злоупотребленія, а говоря лишь что онъ слишкомъ молодъ, да просто-на-просто заявляя что они не хотятъ имѣть его старшиной. Я рѣшился нѣсколько прѣвѣрить выборы Гайдамовича, особенно право его по возрасту на избраніе, а кстати ужъ и то, былъ ли выбранъ онъ дѣйствительнымъ большинствомъ голосовъ. Но оказалось тутъ же на сходѣ что Гайдамовичу было уже около тридцати лѣтъ отъ роду и что сильное большинство стояло за него какъ за новаго старшину. Тогда я объявилъ Мильткенсу и сторонникамъ его что смѣнить Гайдамовича я не вижу ни малѣйшаго основанія, такъ какъ онъ и выбранъ и утвержденъ въ должности совершенно законнымъ порядкомъ, да и злоупотребленій съ его стороны вовсе не оказывается; что затѣмъ я не имѣлъ бы права смѣнить его даже въ такомъ случаѣ когда выражено было бы на то желаніе не только незначительнаго ихъ меньшинства, но и цѣлой волости.

Меньшинство это, предъ тѣмъ громко голосившее, выслушало меня тихо, безо всякаго выраженія неудовольствія. Я даже подивился такому спокойствію, тѣмъ болѣе что рѣчи мои, какъ я замѣтилъ, не всѣмъ были понятны (почти половина Овантцевъ, по отдаленности отъ шоссе, а пожалуй и потому что въ волости было много помѣщиковъ, не говорили и не понимали по-русски). Должно-быть подѣйствовало успокоительно на меньшинство именно распоряженіе мое насчетъ Быкова, который удалился со схода видимо смущенный. Этотъ человѣкъ имѣлъ несомнѣнно дурное вліяніе въ волости, а особенно потому что жевать былъ на бойкой Польскъ: ея-то польскую рѣчь, кажется, и слышалъ я на сходѣ.

Но дѣло мое на Овантскомъ сходѣ только еще начиналось.

По окончаніи разбора о выборахъ Гайдамовича я обратился ко крестьянамъ съ вопросомъ: нѣтъ ли у кого прошеній или словесныхъ жалобъ, и весь сходъ зашумѣлъ чрезвычайно. Къ столу моему бросилось множество людей. Молодые и пожилые крестьяне, женщины, мальчишки-подростки

слѣшили наперерывъ подавать просьбы, и непрестанно махать руками. Ничего подобнаго я еще не видалъ покуда.

Передо мной разомъ выросла цѣлая гора писанной бумаги. Я пересчиталъ поданныя прошенія,—ихъ было восемьдесятъ съ чѣмъ-то. Не только-что для разбора, но и для прочтенія ихъ требовалось не мало времени. Нѣсколько прошеній, можетъ-быть, съ десятокъ, я прочиталъ тогда же вслухъ и не безъ труда прочиталъ, хотя еще по прежней службѣ да и по другимъ занятіямъ привыкъ разбирать всякій почеркъ, привыкъ и ко всякому изложенію. Меня затруднялъ удивительный русскій языкъ въ этихъ прошеніяхъ: тутъ было такое согласованіе словъ, такіа прстранныя выраженія что надо было подумать и подумать чтобъ уразумѣть во всей подробности о чемъ идетъ дѣло, чего ищетъ и желаетъ каждый проситель, чѣмъ доказываетъ свой искъ. Впрочемъ, прочитавъ кое-какъ два-три прошенія, я сталъ понимать существенный смыслъ всѣхъ остальныхъ довольно легко. Всѣ они были собственно одинаковаго содержанія: просители и просительницы жаловались на „скасованіе“ помѣщиками или ихъ самихъ, или ихъ мужей и отцовъ съ полныхъ участковъ, съ „огородныхъ плацовъ“, жаловались всѣ указывая что тѣ участки и плацы были съ незапамятныхъ временъ ихъ „батьковщиной“, которую и желаютъ они сполна получить обратно.

Я объявилъ просителямъ прочитанныхъ мною прошеній что не могу теперь же приступить къ разбору ихъ правъ на надѣлъ, такъ какъ для такого разбора необходимы справки по инвентарнымъ спискамъ: значились ли просители хозяевами инвентарныхъ участковъ, а списковъ этихъ нѣтъ у меня подъ рукой, они находятся въ повѣрочной комиссіи; но что по объѣздѣ волостей я буду настоятельно просить комиссію начать свои дѣйствія именно съ Овалтской волости, гдѣ я вижу было такъ много скасованій. Впрочемъ, подумавъ, я добавилъ что хотя по всей вѣроятности придется то же самое объявить и прочимъ крестьянамъ подавшимъ мнѣ просьбы, однакоже я прочту просьбы эти на сходѣ, именно завтра, такъ какъ теперь становится уже поздно.

И точно, я пробылъ за дѣломъ ровно семь часовъ сряду. Усталость отъ непрерывныхъ разговоровъ и объясненій, а особенно отъ напряженія мысли при началѣ занятій на сходѣ, одолевала меня. Послѣ завтрака на скорую руку еще въ Скиманахъ я не вѣлъ ничего и вѣсть не хотѣлось. Но хотѣ-

лось немедленно искупаться въ быстро бѣгучей Виринтѣ, но подалеку отъ волостнаго правленія, а освѣжившись осмотрѣть канцелярскіе порядки въ правленіи, да и лечь спать поскорѣе чтобы завтра съ ранняго же утра приняться за дѣло.

Но и во время купанья меня не оставили-таки безъ дѣла: когда я шелъ къ рѣкѣ, когда даже раздѣвался, наконецъ когда шелъ съ купанья, мнѣ насовали довольно прошеній только что написанныхъ, какъ видно было по необоихимъ еще черниламъ. Я сосчиталъ сколько всего подано мнѣ прошеній, и оказалась цифра прелючтенная, которая твердо памятна мнѣ и теперь: тутъ было ровно сто три прошенія. По правдѣ сказать, за одинъ разъ и въ одной только волости это было уже черезчуръ много.

Приходилось подумать о ночлѣхъ. Волостное правленіе въ мѣстечкѣ Овантахъ—зданіе, какъ водится, на двѣ половины, довольно обширное и не дурно выстроенное, не представляло, однако, по обстановкѣ своей ни малѣйшихъ удобствъ для ночлега: тутъ не имѣлось ни диванчика, ни скамей которыя можно было бы сдвинуть для постели; на разнокалиберныхъ стульяхъ тоже нельзя было расположиться; приходилось лечь или на кирпичномъ полу въ волостномъ правленіи, что подвергало мучительной бессонницѣ отъ великаго множества наѣзкомыхъ, или же прямо на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ, что грозило еще худшимъ чѣмъ бессонница, такъ какъ къ вечеру стали собираться тучи и можно было ожидать большаго дождя. Замѣтивъ мое затрудненіе, письмоводитель У—скій предложилъ было мнѣ ночевать у овантскаго ксендза, человѣка, по словамъ его, очень добраго и гостепріимнаго; но общая репутація ксендзовъ, какъ людей сильно скомпрометтированныхъ въ послѣднемъ мятежѣ и крайне нерасположенныхъ ко всѣмъ Русскимъ, заставила меня рѣшительно отказаться отъ этого. Тогда подслужился писарь Лакида, напомнивъ о русскихъ помѣщикахъ Ботвинкахъ. Я обрадовался. Объ этихъ помѣщикахъ я слышалъ отовсюду самыя хорошіе отзывы; притомъ, какъ мнѣ сказали, жили они не далеко отъ Овантъ, всего верстахъ въ семи, да и не совсѣмъ еще поздно было, часовъ восемь вечера не болѣе. Я тотчасъ же рѣшился отправиться къ Ботвинкамъ и попросить у нихъ ночлега.

Дорога въ имѣніе Ботвинокъ шла преживописными мѣстами: все по холмамъ, часто по берегу быстротъ, извилистотъ

а крутоберегой Виринты. * Весело было ѣхать и потому что попался подводчикъ молодой и такой болтливый что я отнюдь не могъ признать его за Литовца (впрочемъ онъ былъ дворовый какого-то пана). Отъ него-то я узналъ что прошенія въ этотъ день мнѣ поданныя писались и предъ моимъ пріѣздомъ въ Ованты, и пока я былъ на сходѣ четырьмя лицами: Быковымъ, двумя Евреями-корчмарами и еще какимъ-то писаконъ, котораго подводчикъ никакъ не хотѣлъ назвать (по всей вѣроятности то былъ мѣстный органистъ).

— Завтра тоже будутъ подавать, добавилъ подводчикъ, смѣясь и какъ-то лукаво поглядывая на меня. — И теперь все лишутъ въ корчмахъ, а ужъ трое только лишутъ: Быковъ-писарь, хоть и пьянъ бардзо, Жидасы лишутъ...

Оказалось однако что до имѣнія Ботвинокъ было почти вдвое больше чѣмъ мнѣ говорили. Совѣтъ стемнѣло когда я пріѣхалъ туда. Но меня приняли очень радушно. Я нашелъ и общество у гг. Ботвинокъ: двухъ помѣщиковъ-сосѣдей и овантскаго ксендза Поборцевича, человѣка пожилаго, съ предобродушнымъ лицомъ и точно почтеннаго, какъ я удостоѣрился въ послѣдствіи по многимъ отношеніямъ.

На другой день я уѣхалъ рано отъ Ботвинокъ и тотчасъ же принялся за дѣло. Народу на сходѣ было уже гораздо меньше вчерашняго; но все-таки человѣкъ до двухсотъ. Пришлось заниматься въ волостномъ правленіи: дождь сѣялъ почти во весь день. Но хоть и душно было отъ большой тѣсноты, я не очень утомился, даромъ что цѣлый день сидѣлъ за дѣломъ, самый интересъ этого дѣла много тому способствовалъ.

Изъ поданныхъ мнѣ тогда прошеній, ихъ было меньше вчерашняго, только до пятидесяти помнится, а также и изъ тѣхъ прошеній что поступили наканунѣ я увидалъ теперь что батрачество, это истинно несчастное положеніе сельскаго рабочаго, при которомъ скудное пропитаніе и самый тѣсный пріютъ вполнѣ обезличиваются только на половину года въ рабочую пору, порождено не однимъ произволомъ помѣщичьимъ, но порождалось и порождается самою народною жизнью.

Около трети всѣхъ прошеній относилось именно къ этой другой причинѣ батрачества. Тутъ братья, дядя, племянники

* *Виръ*, по-литовски, какъ мнѣ объясняли, значить круговоротъ, омутъ. Въ Виринтѣ, вообще мелководной, много однако весьма глубокихъ мѣстъ вырытыхъ быстрымъ теченіемъ.

господарисовъ принесли жалобы на изгнаніе ихъ изъ семей господарисами, на лишеніе ихъ всякаго участія въ пользованіи и земельнымъ надѣломъ, и всякимъ другимъ имуществомъ. И замѣчательно, всѣ эти несчастные искали отнюдь не полного возстановленія ихъ семейныхъ правъ; напротивъ во взглядѣ на силу и пространство этихъ правъ они какъ будто сходились со своими утѣснителями, они искали только того чтобы за долговременную ихъ работу и *службу* въ родной семьѣ даны были имъ или *кутъ* съ огородцемъ, или частичка движимаго имущества нажитаго общимъ трудомъ, или же хоть сколько-нибудь деньжонокъ. До Овантъ ничего подобнаго я еще не видалъ въ тѣхъ волостяхъ гдѣ уже успѣлъ побывать. Стало-быть я попалъ въ такую волость гдѣ всяческія условія крестьянскаго землевладѣнія, крестьянскаго семейнаго быта, представлялись особенно интересными.

Подавшихъ жалобы на скасованія съ батьковщины я еще могъ удовлетворить въ послѣдствіи при дѣйствіяхъ въ волости повѣрочной комиссіи; но для жалующихся на семейные непорядки ничего существеннаго я не могъ сдѣлать, все это не подлежало моему разбирательству и должно было поступить на волостной судъ. Конечно, волостные судьи были тутъ же налицо; передавая на ихъ обсужденіе семейныя жалобы, я растолковалъ имъ смыслъ статей: 81й Мѣстнаго Положенія и 167й Положенія о Выкупѣ, а также указалъ на циркуляръ генералъ-губернатора Муравьева, въ которомъ рѣшается въ обязанность мировымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ противоdѣйствовать устраненію дворохозяевами младшихъ членовъ семействъ отъ совмѣстнаго пользованія надѣленными крестьянскимъ семействамъ участками *. Затѣмъ келейно и осторожно я внушилъ писарю Дикидѣ, оказавшемуся по дѣлопроизводству очень исправнымъ и толковымъ, чтобы при обсужденіи жалобъ онъ съ настойчивостію напоминалъ волостнымъ судьямъ всѣ мои разъясненія и указанія. Однако предосторожности эти не обез-

* Къ сожалѣнію, я не имѣю теперь подъ рукою этого замѣчательнаго циркуляра. Кстати скажу: это одно изъ тѣхъ распоряженій Муравьева которыя наиболее доказываютъ какъ хорошо онъ зналъ народную жизнь въ Северо-Западномъ краѣ и какъ сильно желалъ чтобы жизнь эта отъ зловердныхъ обычаевъ по землевладѣнію направилась къ инымъ нормальнымъ порядкамъ.

лечивали насчетъ правильности суда. Волостные судьи, сами господарисы, взрослые при полномъ дѣйстви въ ихъ собственныхъ семьяхъ тѣхъ народныхъ обычаевъ которые ставятъ младшихъ семейныхъ въ совершенную зависимость отъ произвола дворохозяевъ, конечно, должны были судить вышеупомянутыя дѣла прежде всего на основаніи этихъ же самыхъ обычаевъ. Я не могъ не предвидѣть на первыхъ же порахъ что на такихъ судей слишкомъ мало повліяють указанныя мною статьи закона и циркуляръ генералъ-губернаторскій, что они, эти судьи, рѣшались на одно только, въ сущности самое ничтожное, отступленіе отъ народныхъ обычаевъ: будуть присуждать чтобы господарисы лишившіе своихъ семейныхъ участія въ пользованіи предоставленною имъ семействамъ земель давали этимъ несчастнымъ какой-нибудь хлѣбушокъ на хатку да малый огородецъ саженъ во сто квадратныхъ, да кое-какую мелочь изъ движимости. Такъ оно и оказалось въ послѣдствіи почти вездѣ. Подобными приговорами волостнаго суда сила вышеуказанныхъ народныхъ обычаевъ нисколько не ослаблялась; а въ этомъ-то и заключалось наше безсиліе противодѣйствовать произволу дворохозяевъ, въ такихъ размѣрахъ порождающему батрачество.

За обѣдомъ я спросилъ старшину Гайдамовича: есть ли въ мѣстечкѣ Овантахъ кутничья хатки? Онъ отвѣчалъ что такихъ хатокъ есть довольно. Тотчасъ же я отправился поспотрѣть: какъ живутъ кутники—эти счастливыцы которые долгимъ, тяжелымъ трудомъ во время батрацкаго своего скитальчества добыли себѣ, грошъ-по-грошу, средства на жительство, на устройство крошечнаго хозяйства, и усѣлись на куть у помѣщика или у господариса, отбывая за то, обыкновенно, трехдневную барщину. Впечатлѣнія вынесенныя мною изъ этого осмотра живы и сильны еще и теперь. Я увидалъ тутъ жизнь самую безотрадную, и тѣмъ болѣе ужасную, что это—жизнь всегда семейная (мнѣ не доводилось встрѣчать кутниковъ не женатыхъ, кромѣ тѣхъ которые сдавъ свои участки старшимъ сыновьямъ садились у нихъ на куть нерѣдко одинокими, такъ какъ были уже вдовцами).

По вопросу о батракахъ приведу здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ отвѣта моего на запросъ циркулярно сдѣланный въ августѣ 1865 года Ковенскимъ комитетомъ общественнаго здравія: „Въ чемъ заключаются ближайшія причины внутреннихъ недуговъ и наружныхъ тѣлесныхъ недостатковъ, дѣлаю-

щихъ значительную часть молодыхъ людей Сѣверо-Западнаго края совершенно неспособными къ военной службѣ? *

„Здѣшнее крестьянское населеніе, писалъ я, рѣзко раздѣляется на двѣ неравныя части: меньшая состоитъ изъ дворохозяевъ, такъ-называемыхъ господарей, большая же изъ батраковъ, къ которымъ принадлежатъ не только люди безсемейные, переходящіе съ мѣста на мѣсто для постоянной земледѣльческой работы, но и кутники, и даже младшіе братья, племянники, дядья господарей, живущіе съ ними вмѣстѣ. Господари люди обезпеченные въ своемъ положеніи. Они какъ бы ланы, и держать себя по-пански: работаютъ мало въ полѣ и на лугу; на дальніе трудовые промыслы вовсе не отправляются... ихъ дѣло распорядиться на безраздѣльную пользу себѣ трудомъ батраковъ взятыхъ со стороны кутниковъ, живущихъ на ихъ господарской землѣ, и всѣхъ членовъ собственной семьи... А батраки люди ни въ чемъ не обезпеченные, во всемъ стѣсненные, вѣчно и чуть не даромъ работающіе на другихъ. Батракъ холостой не имѣетъ своего роднаго угла и перекочевываетъ отъ помѣщика къ господарису, получая у нихъ за повседневную свою работу самое малое денежное вознагражденіе, а иногда (по зимамъ, напри-мѣръ) работая только изъ-за куска хлѣба, который сѣдлетъ или на работѣ, или же на порогѣ господарской избы; такъ какъ рѣдкій господарь допускаетъ его къ своему столу. Батракъ женатый мѣняетъ всегда это положеніе на иное, но не лучшее: онъ дѣлается кутникомъ. Кутникъ, это человѣкъ сѣвшій на *кутъ* у помѣщика или господаря и обзаведшійся хаткой, гдѣ и добивается жить постоянно со своею женой и дѣтьми; а хатка эта, передѣланная въ жилое помѣщеніе изъ какого-нибудь хлѣва, хатка ужасъ наводящая, гдѣ онъ и семья его свѣта Божьяго не видятъ, гдѣ теряютъ они преждевременно силы и здоровье, выстроена или самими кутникомъ, или же отдана ему на житье въ видѣ аренды, по словесному договору; при ней нерѣдко нѣтъ ни кусочка земли для огорода, если же и есть, то какихъ-нибудь двадцать, пятьдесятъ и никакъ не болѣе двухсотъ квадратныхъ сажень. Вотъ за эту-то хатку, свою или чужую, съ малымъ кускомъ земли, а то и вовсе безъ земли, кутникъ расплачиваетъ

* Вопросъ этотъ, сколько помнится, посѣдовалъ въ комитетѣ отъ Военнаго Министерства.

ся по большей части барщинною работою, на которую, особенно у господарей, часто обязанъ являться *во всякое время* когда только понадобится или вздумается хозяину... Но въ безотрадномъ положеніи находятся и самые близкіе родственники дворохозяевъ, живущіе съ ними въ одной семьѣ. Они тѣ же батраки. Ихъ доля постоянный трудъ на господаря только за кусокъ хлѣба, за кое-какую одежду и обувь. Родительскій домъ не ихъ домъ; земля которою владѣлъ ихъ отецъ не имъ принадлежитъ; въ родной семьѣ имъ чрезвычайно тѣсно жить. Произволъ господаря всегда можетъ изгнать ихъ изъ дому, и тогда они становятся или совсѣмъ бездомными батраками, или же кутниками... Такъ бывало по крайней мѣрѣ доселѣ; но такъ можетъ быть и впредь... ибо волостные суды, по понятіямъ вообще господствующимъ въ средѣ крестьянской, склонны рѣшить дѣла по жалобамъ младшихъ членовъ семей на отстраненіе ихъ отъ равноправнаго пользованія предоставленными крестьянскимъ семействамъ участками всегда въ пользу отвѣтчиковъ господарей....

„Можно утвердительно сказать что и Положеніе 19 февраля 1861 года, и послѣдовавшія затѣмъ правительственныя распоряженія, изданныя въ облегченіе и обезпеченіе быта крестьянъ здѣшняго края, не коснулись въ этомъ смыслѣ несчастныхъ батраковъ, кутниковъ и младшихъ членовъ крестьянскихъ семействъ. Жизнь большинства здѣшняго населенія остается, попрежнему, какъ было и при существованіи крѣпостнаго права, тѣсною, мрачною, безотрадною; а при такой жизни невозможно развитіе не только умственныхъ, но и физическихъ силъ народа. Оттого-то, думается мнѣ, зависятъ главнѣйшимъ образомъ внутренніе недуги, тѣлесные недостатки, даже тупоуміе народа этого, то жалкое тупоуміе которое постоянно отдавало его на всяческую эксплуатацію.

„Помѣщики, да и народная жизнь, находившаяся всегда подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ для ея нормальнаго развитія обстоятельствъ, создали это печальное положеніе. Въ прежнее время, изстари, помѣщики находили для себя выгоднымъ подворное, участковое пользованіе землей у крестьянъ. Несомнѣнно что они ввели его здѣсь и сдѣлали какъ бы нормальною формою землевладѣнія. И этимъ они не ограничились: батрачество было имъ особенно выгодно,

потому что черезъ него увеличивалось значительно количество тягловой работы. Впрочемъ, можно думать что усиленные мѣры помѣщиковъ къ образованію въ краѣ сколь-возможно большаго числа дешевыхъ для нихъ работниковъ, батраковъ, были приняты во время отъ насъ не очень отдаленное, именно со введенія *инвентарей*. Тѣмъ не менѣе, общая система участковаго пользованія земель, здѣсь уже издавна существовавшая, а также обезземеливаніе крестьянъ помѣщиками, произвели свое дѣйствіе на народъ, воспитали его въ извѣстномъ смыслѣ: крестьяне утратили понятіе объ общинномъ землевладеніи и о семейной общинѣ, ввели въ наслѣдственное у себя право майораты и минораты и съ произволомъ не менѣе помѣщичьяго дѣйствительнымъ привыкли лишать членовъ своихъ семействъ всякаго участія въ пользованіи родовымъ достояніемъ. Оттого каждая крестьянская семья въ здѣшнемъ краѣ представляетъ примѣры возмутительнѣйшаго эгоизма, возмутительнѣйшей жестокости въ отношеніи самыхъ близкихъ родственниковъ: такъ братъ-господарь, обходясь вообще съ братьями своими какъ съ батраками, изгоняетъ ихъ изъ дому при первомъ случаѣ и лишаетъ рѣшительно всего; такъ сынъ которому отецъ по дряхлости или слабости силъ своихъ передаетъ участокъ и хозяйство сажаетъ этого отца къ себѣ на кутъ и поступаетъ съ нимъ какъ съ кутникомъ, то-есть отводитъ ему бѣдную хатку и облагаетъ его за нее оброкомъ, а крѣпко и барщинною работою. Вообще здѣшній крестьянинъ-господарь до такой степени эгоистъ что неспособенъ даже предусматривать участіи собственныхъ дѣтей, изъ которыхъ только одинъ будетъ господаремъ, а прочіе неминуемо должны сдѣлаться батраками.

„Изъ этихъ-то батраковъ и кутниковъ сдавались рекруты, прежде по распоряженію помѣщичьему, а нынѣ сдаются по произволу сельскихъ обществъ. Говорю такъ смѣло, хотя еще и не былъ я здѣсь ни при одномъ рекрутскомъ наборѣ; говорю потому что уже разбиралъ вникательно ревизскія сказки и общественные приговоры на сдачу рекрутъ. Въ ревизскихъ сказкахъ записано иногда подъ однимъ номеромъ болѣе десяти душъ мужскаго пола и, конечно, записаны правильно, ибо всѣ эти души происходятъ отъ одного родоначальника, можетъ-быть еще находящагося въ живыхъ; но замѣчательно что тутъ оказывается налицо въ семьѣ

господарской только три-четыре члена, а остальные живут где-нибудь на стороне батраками. Избѣжать сдачи въ рекруты батраковъ значащихся при семействахъ домохозяевъ весьма трудно, при всемъ наблюденіи за порядкомъ составленія общественныхъ на этотъ предметъ приговоровъ *, ибо, во первыхъ, волостные сходы состоящіе въ огромномъ большинствѣ изъ господарей стремятся всеми мѣрами сдать въ рекруты батрака, а вторыхъ, и семьи собственно господарей немногочисленны. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, господарь всегда имѣетъ средство сдать въ рекруты своего младшаго брата, живущаго съ нимъ вмѣстѣ, а эти братья, какъ я выше сказалъ, тѣ же батраки, и въ этомъ положеніи обладаютъ и всеми качествами батраковъ. Несудимительно послѣ того что постоянно въ огромномъ числѣ забраковываются здѣсь рекруты по причинѣ хроническихъ болѣзней."

Я уломиналъ уже что встрѣтилъ у гг. Ботвинокъ весьма почтеннаго ксендза Поборцевича. Это обстоятельство нежданно сдѣлалось для меня источникомъ весьма стрѣтной исторіи.

Въ іюнь 1865 года членъ Ковенскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, полковникъ Николаевъ, пріѣзжалъ въ Вилькомірскій уѣздъ для обзора волостей. Онъ побывалъ и у меня кое-гдѣ,—именно въ тѣхъ волостяхъ гдѣ которыхъ наиболѣе накопилось оброчныхъ по уставнымъ грамотамъ недоимокъ. Помните что прежде всего онъ посѣтилъ Овантскую волость. Мы пріѣхали туда когда уже перевалило за полдень, да и пробыли на сходѣ довольно долго, послѣ же схода г. Николаевъ заглянулъ со мною въ нѣсколько кутничьихъ хатокъ, про которыя я разказывалъ ему дорогой. Такимъ образомъ занятія наши затянулись до самой ночи: ѣхать въ Вилькоміръ или въ другую какую-либо волость не представлялось удобнымъ, хотя спускалась тихая, прекрасная іюньская ночь: слухи о тайкѣ Оланьскаго стали проноситься около того времени чаще преж-

* Впрочемъ посемейные списки въ моемъ участкѣ составленные къ октябрю 1865 года, въ которыхъ семьи показывались по дѣйствительному наличному ихъ составу, уже сильно останавливали произволъ въ назначеніи рекрутъ; списки эти были утверждены приговорами въ томъ смыслѣ что рекрутскія назначенія должны дѣлаться на основаніи значащихся въ нихъ показаній о составѣ семей.

няго. Приходилось ночевать въ Овантахъ. Но ночлегъ въ волостномъ правленіи, какъ я уже говорилъ, былъ невозможенъ; просить убѣжища на фольваркѣ у г. Пацъ-Помарнацкаго оба мы не рѣшались по особеннымъ причинамъ, и вотъ явилось на сцену предложеніе моего письмоводителя У—скаго: переночевать у овантскаго ксендза Поборцевича. Г. Николаевъ очень охотно согласился. Я тоже ничего не имѣлъ возразить противъ этого, такъ какъ я слышалъ о ксендзѣ съ разныхъ сторонъ самыя хорошіе отзывы, а притомъ у меня осталось пріятное воспоминаніе о встрѣчѣ съ нимъ въ русской православной семьѣ Ботвинокъ.

Старикъ-ksenдзъ принялъ насъ чрезвычайно радушно. Мы переночевали у него со всѣми удобствами.

Разумѣется, это подало поводъ къ довольно близкому знакомству моему со ксендзомъ Поборцевичемъ. Всякій разъ какъ бывалъ я въ мѣстѣчкѣ Овантахъ ксендзъ заходилъ ко мнѣ въ волостное правленіе съ приглашеніемъ пообѣдать у него или выпить чаю, и я охотно посѣщалъ гостепріимную плебанію. Иногда же, какъ заставала меня ночь въ Овантахъ, я и ночевалъ у ксендза. Помню и теперь, съ великою благодарностью, объ искренно-добромъ гостепріимствѣ почтеннаго старика...

Разъ, поздною осенью, закончивъ мои занятія на сходѣ въ Овантахъ, я отправился часу въ восьмомъ вечера ко ксендзу Поборцевичу, съ тѣмъ чтобы переночевать у него, такъ какъ ночь, совсѣмъ уже нападнувшаяся, была чрезвычайно темна, и возвращаться въ Вилькомірѣ, при такой темнотѣ, по грязной, а то и корневой дорогѣ въ перелѣскахъ между Овантами и Скимянами, было и очень неудобно, и даже не безопасно. Кто-то изъ прислуги ксендза сказалъ мнѣ что онъ дожидается меня не въ плебаніи, а въ особомъ флигелькѣ, на его же усадьбѣ. Во флигелькѣ этомъ, какъ я зналъ по слухамъ, у добраго старика была нѣсколько семейная обстановка, — и если онъ не задумывался принять меня при такой обстановкѣ, то это уже значило что онъ совсѣмъ привыкъ ко мнѣ, Москваю.

Во флигелькѣ было тепло и уютно. Живо помню: изъ сосѣдней комнаты, черезъ полурастворенную дверь, проникалъ въ комнату гдѣ мы были со ксендзомъ яркій свѣтъ, должно-быть отъ очага, на которомъ, какъ слышно было и по треску горѣвшихъ дровъ и по какому-то шипѣнію, гото-

вился ужинъ. Изъ-за полурастворенной же той двери выглядывали двѣ дѣтскія головки. Старикъ-ксендзъ сначала грозилъ было ребятишкамъ чтобъ они спрятались, но ребятишки продолжали выглядывать, а онъ сталъ прохаживаться по комнатѣ, иногда подходилъ къ двери, гладилъ ласково эти съѣлорусыя головки, и все улыбался такъ добродушно.

— О-то, лаке, говорилъ онъ мнѣ:—дѣтки вдовы, моей родственницы...

Предъ „коллежіей“ письмоводитель У—скій вошелъ въ нашу комнату съ молодымъ человѣкомъ, очень представительнымъ, и отрекомендовалъ его мнѣ за своего родственника.

Господинъ этотъ, вольнопрактикующій докторъ Р—скій, побылъ съ нами около часу, и несмотря на убѣжденія ксендза чтобъ остался переночевать, или по крайней мѣрѣ поужиналъ бы, уѣхалъ, помнится, въ Уцянскую волость по какому-то слѣдственному для него дѣлу.

Казалось бы, изъ-за чего тутъ быть непріятной исторіи? Однако, черезъ мѣсяцъ, помнится, я узналъ что нѣкто досужій молодецъ сдѣлалъ доносъ на меня, приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: „такого-то, дескать, числа, мировой посредникъ такой-то, очень подружившійся съ ксендзомъ Поборцевичемъ, отправился послѣ схода ночевать ко ксендзу этому, и тамъ письмоводитель посредника У—скій, бывшій въ мятежѣ, представилъ ему своего родственника, доктора Р—скаго, тоже бывшаго въ мятежѣ, а затѣмъ, между всѣми этими лицами происходилъ какой-то секретный разговоръ...“

Доносъ, конечно, былъ не замысловатаго свойства. Но онъ имѣлъ послѣдствія. Производилось, по слухамъ, дознаніе подъ рукою... Къ счастью, производившій дознаніе былъ человѣкъ вполне хорошій...

Другая исторія была посерьознѣе:

Поздасю же осенью явились ко мнѣ въ Вилькомірѣ старый знакомецъ мой Милькеансъ и еще трое крестьянъ-ошанцевъ съ прошеніемъ, въ которомъ описывалось какъ волостной писарь Лакида будучи пьянъ мертвецки схватилъ съ окна чугунное Распятіе и разбилъ его объ уголъ печки на три части. Подъ прошеніемъ этимъ были подписи какъ подавшихъ его, такъ и другихъ нѣсколькихъ крестьянъ. Вообще же о поступкѣ Лакиды говорилось утвердительно, какъ будто все это совершилось при многихъ свидѣтеляхъ.

Доносъ былъ очень серьезнѣй. Я послѣдшій произвелъ подробное дознаніе.

Оказалось что Распятіе дѣйствительно разбито на двѣ части; но кто его разбилъ, отчего оно разбилось, никто и изъ доносителей, никто и изъ другихъ лицъ часто бывающихъ въ волостномъ правленіи рѣшительно не видалъ; самъ же Лакида отвергалъ обвиненіе съ замѣчательною для его холодацкой степенности энергіей.

— Да развѣ я нехристь какой? говорилъ онъ:—да развѣ я не знаю что на Распятіи католическомъ Спаситель нашъ изображенъ? Да развѣ я не знаю что католики тоже христіане?... Нѣтъ! я и въ жидовской синагогѣ супротивъ ихней вѣры нехристіанской ничего не подумалъ сдѣлать!...

Кто-то, кажется, старшина Гайдамовичъ, представилъ очень простое, но, пожалуй, и вѣроятное объясненіе случая съ Распятіемъ: оно, обыкновенно, стояло на столѣ, а во время сходовъ и засѣданій волостнаго суда его снимали со стола и ставили на окно, и вотъ, дескать, послѣ схода сторожъ волостнаго правленія убравшій сборную горницу какъ-нибудь сронилъ Распятіе на полъ, на которомъ, такъ какъ онъ кирпичный, изваяніе изъ ломкаго чугуна легко могло разбиться.

Но какъ бы тамъ ни было, доносъ на писаря Лакиду несомнѣнно не подтвердился ни въ чемъ. Мало того, оказывалось что изъ числа подписанныхъ подъ прошеніемъ доносителей нѣкоторые ровно ничего не знали, ни о доносѣ на писаря, ни о самомъ происшествіи. Явно было что изъ случайнаго обстоятельства какія-то темныя личности, конечно не Милькенисъ и его товарищи, хотѣли сдѣлать зловердную сплетню.

Сначала я хотѣлъ-было ограничиться однимъ моимъ дознаніемъ; но пораздумавъ о кое-какихъ отношеніяхъ рѣшился и о доносѣ и о дознаніи сообщить ковенскому губернатору грифу Н. М. Муравьеву (сыну бывшаго генераль-губернатора), просто-на-просто, для свѣдѣнія. И, кажется, я опять-таки промахнулся. Дѣло не прошло для меня даромъ.

Скорехонько послѣ того членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія произвелъ обо всемъ вышеописанномъ дознаніе и, какъ я могу судить по слухамъ, дознавалось именно „о потакательствѣ мирового посредника такого-то волостному писарю Лакидѣ, совершившему кощунственный поступокъ.“

Впрочемъ, и по этому дознанію доносъ на Лакиду ничуть не подтвердился. Дѣло улеглось безо всякихъ послѣдствій. Но оно указывало что существуютъ для меня по моей службѣ такія отношенія которыя не общаются въ будущемъ ничего хорошаго.

Кстати скажу: писаря Лакиду, для устраненія его отъ дѣйствій зловредныхъ сплетенъ, я нашелъ необходимыми перевести въ другую волость, Уцянскую, и очень я былъ доволенъ что могъ замѣнить его хорошимъ русскимъ человѣкомъ, наставникомъ въ Овантской сельской школѣ, Поповымъ.

VI.

Послѣ трехсуточного пребыванія въ мѣстечкѣ Овантахъ, я вернулся домой въ Оникшты. Какъ хорошо показалось мнѣ въ цвѣтущемъ садикѣ при моей квартирѣ на берегу свѣтлой, прекрасной Свенты! Но некогда было наслаждаться природой. Я пробылъ дома однѣ только сутки и отправился въ Свядосцьскую волость.

Дорога до мѣстечка Свядосце на всемъ двадцативерстномъ протяженіи не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія. Шла она все больше лѣсомъ, только и помню.

Въ мѣстечкѣ большой и хорошо выстроенный костель и довольно значительное населеніе какъ крестьянское, такъ и еврейское. Но дома, довольно правильно расположенные вдоль улицъ, были очень плоховаты, отнюдь не указывали даже на малую степень благосостоянія. На ту пору мѣстечко не казалось грязнымъ; но въ послѣдствіи осенью я видѣлъ въ немъ большую грязь, хотъ бы подъ стать любой изъ грязныхъ слободъ въ губерніяхъ: Воронежской, Харьковской или Курской.

Свядосцькая волость, по населенію своему, довольно больша, почти какъ и Овантская. Но волостной сходъ ея, хотя и многочисленный, на половину былъ меньше чѣмъ въ Овантахъ. Онъ встрѣлъ меня безо всякой особой привѣтливости, но и не угрюмо.

Я вошелъ въ волостное правленіе, и оно мнѣ понравилось. Просторное, свѣтлое, съ высокимъ потолокомъ, съ большими окнами, оно было лучшимъ волостнымъ правленіемъ въ моемъ

участкѣ. Въ немъ можно было легко заниматься даже при многолюдномъ сходѣ.

Повѣрочная коммиссія еще не была въ этой волости. Поэтому я ожидалъ что крестьяне, собравшіеся на сходъ къ моему прїѣзду, будутъ подавать много жалобъ на скасованія съ участковъ и самоуправства господарисовъ; однакоже я ошибся въ моихъ ожиданіяхъ: всякихъ прошеній было подано очень мало. Оказалось въ послѣдствіи что тутъ рѣдко были скасованія, по крайней мѣрѣ сравнительно съ Овантскою волостью и даже съ другими нѣкоторыми волостями. Главный помѣщикъ въ Свядосецьской волости, на ту пору владѣлецъ и мѣстечка Свядосце, графъ Мориони, * человекъ весьма добрый и просвѣщенный, особенно мало скасовывалъ. И замѣчательно: примѣръ добраго помѣщика благотвительно дѣйствовалъ и на господарей его имѣнія; они тоже довольно рѣдко прогоняли отъ себя младшихъ членовъ своихъ семействъ; и вообще въ Свядосецьской волости батраковъ было не много, конечно, лишь въ сравненіи съ другими большими волостями моего участка. Стало-быть, оказывалось что тутъ мало дѣла мнѣ. Я таки порадовался этому; можно было въ скорости ѣхать дальше.

Какъ и вездѣ, я принялся за обыкновенные мои разспросы у волостнаго старшины и старостъ о волости и о сельскихъ обществахъ. Всѣ эти начальники, кромѣ одного старосты, отвѣчали плохо, почти ничего не знали. Староста же оказался смѣтливый и умный; только странное прозвище было у него: онъ прозывался Мѣшковскій. Эта форма фамиліи у крестьянина, по наружности чистѣйшаго Литвина, а притомъ ухватками своими отнюдь не обнаруживавшаго что-бы онъ былъ когда-нибудь официалистомъ на панскомъ дворѣ, удивила меня, такъ-какъ у здѣшнихъ крестьянъ я встрѣчалъ до сихъ поръ всегда литовскія прозвища, всѣ оканчивающіяся на *исъ* да на *асъ*.

* Фамилія графовъ Мориони, какъ видно уже по формѣ ея, италіянская. Мориони поселились въ Польшѣ еще при королевѣ Бонѣ. Кстати: многія преданія, живущія и теперь не только въ средѣ помѣщиковъ, но и въ народѣ, относятся къ королевѣ Бонѣ. Особенно много такихъ преданій въ Гродненской губерніи.

— Развѣ у Жмогусовъ бываютъ такіа прозвища совершенно похожіа на польскія? спросилъ я у старосты.

Онъ засмѣялся.

— Нѣтъ, у насъ не бываетъ,—а такъ прозываться ланъ приказалъ, когда и служилъ у него во дворѣ.

— А какъ же твое настоящее прозвище?

— Настоящее „прозвиско“ Мѣшковскасъ *.

Я сказалъ старостѣ что по моему было бы лучше еслибъ онъ сохранилъ свое народное прозваніе. Онъ охотно согласился и тутъ же попросилъ волостнаго писаря занести его въ списокъ должностныхъ лицъ подъ фамиліей: Мѣшковскасъ.

Волостной старшина Браженасъ, волостной писарь З. были довольно характеристичны по своей наружности.

Старшина, человѣкъ еще молодой, съ румяннымъ, красивымъ лицомъ, щеголевато одѣтый въ короткій сѣренькій сюртукъ изъ камлота, имѣлъ однако же такую заспанную фizioномію какой никогда и нигдѣ я не встрѣчалъ у крестьянъ. И эта фizioномія была заспанною не на тотъ лишь разъ какъ я впервые увидалъ ее, но и всегда, такъ что бывало дивился я на этого Браженаса. Впрочемъ онъ былъ хорошій человѣкъ, ни разу не возбуждившій малѣйшаго подозрѣнія насчетъ честности своихъ дѣйствій по волости. За то ужъ его вялость, нераспорядительность, несообразительность кака-то совершенно подходила къ его заспанной фizioноміи. На бѣду крестьяне свядосцьскіе, хотя и смиренные вообще, но видно хорошо знавшіе его характеръ, мало его слушались, мало и уважали. Кажется и самъ онъ замѣчалъ это, и сносилъ терпѣливо. Только разъ онъ не вытерпѣлъ и пожаловался мнѣ въ горькихъ выраженіяхъ. Какой-то крестьянинъ круло его выругалъ при многихъ свидѣтеляхъ, и выругалъ-то безпричинно. Добрый Браженасъ отнюдь не рѣшился самъ распорядиться со своимъ

* По-литовски: *мѣшкасъ*—медвѣдь, *лишкасъ*—лѣсъ, или на оборотъ: *мѣшкасъ*—лѣсъ, а *лишкасъ*—медвѣдь, теперь хорошо не помню и справиться не могу, потому что потерялъ свой списокъ литовскихъ словъ и фразъ; но кажется, первое вѣрно. Кстати укажу на замѣчательное сходство одного нарицательнаго слова литовскаго съ русскимъ собственнымъ: рѣка по-литовски *уля*, въ Тульской же губерніи есть рѣка съ такимъ именемъ: *Уля*.

обидчикомъ, и несмотря на то что съ обиды прошло не мало времени, ничѣмъ ему не огплатилъ. Конечно, я заступился за старшину; но такъ какъ обида послѣдовала не по служебнымъ отношеніямъ, то передалъ дѣло на голостной судъ. Судьи приговорили обидчика къ весьма незначительному денежному штрафу. Это еще болѣе увѣрило меня что Браженасъ не пользуется уваженіемъ ни у волостяны своихъ, ни въ средѣ своихъ сослуживцевъ. Я старался узнать причину тому; но кромѣ темнаго намека, что Браженасъ, долго зачѣмъ-то жившій въ Петербургѣ, мало извѣстень въ волости, я ничего не узналъ. Итакъ, кажется что только вялость, нераспорядительность, сонливость этого человѣка были всему причиною. Впрочемъ однажды и Браженасъ оказалъ приткую распорядительность. Дѣло было такъ: на крестьянахъ Свядосцѣской волости числилось много недоимокъ; мнѣ приходилось часто дѣлать выговоры за это и старшинѣ, и старостамъ; и вотъ, Браженасъ прибѣгнувъ къ особенной мѣрѣ понужденія неплательщиковъ-господарей: онъ сталъ забирать въ волостное правленіе подушки съ ихъ постелей. Эта мѣра подѣйствовала. Жмогусы считаютъ чрезвычайно оскорбительнымъ нарушеніемъ ихъ домашняго порядка и спокойствія, если за долги, напримѣръ, отбираются у нихъ именно подушки. Я, конечно, унялъ такую распорядительность старшины.

Волостной писарь З., коренной Русакъ изъ владимірскихъ семинаристовъ, человѣкъ еще очень молодой по возрасту, былъ крайне старообразъ на видъ. Отекшее, блѣдное лицо, тусклые, слезящіеся, моргающіе глаза, вклученные волосы, хриплый голосъ, дрожація руки, какая-то развинченность въ движеніяхъ, а при всемъ этомъ и чрезвычайная небрежность въ одеждѣ, все обличало съ перваго же взгляда что бѣднякъ предается сильному пьянству. А между тѣмъ дѣлопроизводство въ волостномъ правленіи, хоть и залущенное, показывало что писарь и уменъ, и имѣеть нѣкоторый навыкъ въ дѣлѣ. Мнѣ было жаль его, и особенно потому что эта бѣдность его лица, эти дрожація его руки, эти странныя его движенія приводили къ тому несомнѣнному заключенію что онъ боленъ, даже опасно боленъ. Я постарался вытрезвить его. Но долго онъ доставлялъ мнѣ много хлопотъ. Такъ, однажды, въ сильномъ пьянствѣ своемъ

онъ вздумалъ стрѣлять изъ ружья близь костела... Дѣло затихло; но я перевелъ неугомоннаго писаря въ другую волость и онъ вдругъ какъ-то исправился. Въ послѣдствіи, года черезъ четыре, проѣздомъ въ городъ Тельши, я видѣлъ З. случайно въ Россіенскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ тоже служилъ волостнымъ писаремъ: онъ былъ румянъ, здоровъ, хорошо одѣтъ, что называется свѣтелъ какъ стеклышко.

Затѣмъ о Свядосцѣйской волости осталось у меня мало воспоминаній. Волость была тихая, всегда исправно исполнявшая всѣ распоряженія (легко согласилась, между прочимъ, на обезпеченіе быта отставныхъ солдатъ); дѣла всегда немнога. А впрочемъ эти немногія дѣла были мнѣ досадны: почти всѣ они возникали изъ-за порубокъ въ лѣсахъ графа Мориони. Одно время порубки стали было случаться черезчуръ часто и мнѣ пришлось прибѣгнуть къ довольно строгимъ мѣрамъ.

Но объ одномъ фактѣ стоить упомянуть съ нѣкоторою подробностью.

Въ мѣстечкѣ Свядосце проживало не мало Евреевъ. Кромѣ одного очень богатаго, кромѣ двухъ-трехъ достаточнаго состоянія, всѣ остальные здѣшніе Евреи были бѣдняки круглые, но потому-то можетъ-быть и особенно ловкіе въ добываніи средствъ на прожитокъ. И не далеко было имъ ходить за такою добычей: лодъ рукою у нихъ были свядосцѣскіе господарисы, которыхъ и эксплуатировали они всячески и чрезвычайно въ одномъ отношеніи. Почва въ Свядосцѣйской волости, не очень производительная для разныхъ хлѣбовъ, весьма пригодна къ посѣвамъ льна, и лень наиболѣе всего выручаетъ свядосцѣскихъ крестьянъ. Но, разумѣется, сбытъ льна въ продажу постоянно происходилъ чрезъ Евреевъ; иныхъ покупателей рѣшительно не было; развѣ только какой-нибудь старообрядецъ случайно заѣдетъ да спросить: нѣтъ ли ленку на продажу, но это бывало рѣдко, да и крестьяне не любили имѣть дѣло съ „раскалами“ и „кацалами“, какъ называли они старообрядцевъ. Итакъ все дѣло по сбыту льна находилось въ рукахъ свядосцѣскихъ Евреевъ, вели же они его самымъ недобросовѣстнымъ образомъ: не только не доплачивали крестьянамъ изъ года въ годъ немалую часть изъ договоренной цѣны (а надо замѣтить что для лучшаго соблазна продавцовъ Евреи, скупщики льна, обыкновенно легко

соглашались не запрашиваемых цѣн), но иногда почти совсѣмъ на разчитывались. И такъ случалось: Еврей-покупатель продавца же подражаетъ свезти лень, напимѣръ, въ Динабургъ, и тутъ не расплачивается ни за лень, ни за подводы, подъ тѣмъ предлогомъ что будто бы и самъ не получилъ еще разчета отъ своего покупателя; или же продавецъ, чѣмъ-нибудь особенно соблазненный, сдавая покупщику свой лень, снабжалъ его еще собственными деньгами на наемъ подводъ для доставки товара въ Динабургъ; и, конечно опять тутъ не обходилось безъ обиды для продавца. Последнее обстоятельство казалось мнѣ даже невѣроятнымъ, въ виду вообще недоверчиваго, скупаго характера Литвиновъ; но дѣло было действительно такъ. Фактъ объясняется именно скупостью дѣшнихъ крестьянъ: кому не извѣстно что скупость всегда соединяется съ жадностью, а жадность такъ склонна къ обману. Евреи этимъ и пользовались.

На подобныя обманныя продѣлки Евреевъ поступило ко мнѣ много жалобъ отъ крестьянъ и, къ несчастію, почти ничѣмъ я не могъ имъ помочь, ибо дѣла такого рода были мнѣ неподсудны. Я долженъ былъ ограничиваться только совѣтами жалобщикамъ, направленіемъ ихъ съ жалобами куда слѣдуетъ, нѣкоторымъ со стороны вліяніемъ на теченіе дѣлъ, а иногда и усовѣщиваніемъ отвѣтчиковъ-Евреевъ. Конечно, все это очень слабо помогало, пока не выдался случай прижимательства подлежавшій моему разбору. Случай этотъ былъ съ знатнѣйшимъ, такъ-сказать, лицомъ изъ свядосцьскихъ Евреевъ, кулцомъ Юделемъ Каганомъ, арендаторомъ имѣнія графа Морикони, человекомъ по богатству своему и по вліянію на нѣкоторыя дѣла въ околоткѣ слывшимъ подъ именемъ *свядосцьскаго круля*.

Этотъ круль свядосцьскій нанялъ крестьянина-батрака въ пастухи къ своему скоту на нѣсколько весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ. * Пастухъ былъ усердный, дѣло свое

* Обыкновенно на пастьбу скота нанимаютъ отъ Юрьева дня (23го апрѣля) по Дмитріева день (15го ноября); но время пастьбы зависитъ отъ погоды; въ сѣверо-западномъ краѣ теперь случается что можно гонать скотъ въ поле на пастбище и до половины декабря: отъ этого наниматели требуютъ нерѣдко чтобы пастьба продолжалась пастухами и послѣ Дмитріева дня все за ту же плату. Конечно, изъ того возникаетъ много споровъ.

исполнялъ исправно; но вотъ волостное правленіе въ началѣ ноября вытребовало его со службы, по той причинѣ что семейство къ которому онъ былъ приписанъ по ревизскимъ сказкамъ состояло на рекрутской очереди и изъ него только онъ, батракъ этотъ, и могъ быть назначенъ въ рекруты. Но батракъ не попалъ въ военную службу; чрезъ нѣсколько времени, помнится, недѣли чрезъ двѣ послѣ того какъ его вытребовали въ волостное правленіе, онъ вернулся на прежнюю службу, но Каганъ не принялъ его подъ тѣмъ предлогомъ что на мѣсто его нанялъ себѣ уже другого пастуха. И этимъ „велемоцный“ панъ-арендаторъ не ограничился: онъ задержалъ все остававшееся еще за нимъ жалованье батрака, на томъ основаніи что тотъ будто бы нарушилъ договоръ о наймѣ на работу.

Все это было еще въ 1864 году. Тогда обиженный пастухъ почему-то не жаловался, а можетъ и жаловался, да такъ жалоба прошла безслѣдно. Но наконецъ онъ надумался обратиться ко мнѣ. Я принялъ дѣло къ разбирательству, такъ какъ Каганъ въ качествѣ арендатора помѣщичьяго имѣнія и нанимателя сельскихъ рабочихъ былъ подсуденъ мнѣ. Онъ явился на разбирательство очень развязно, конечно, въ томъ убѣжденіи что останется правымъ. Но на судѣ дѣло выяснилось, какъ я выше разказалъ, и по рѣшенію моему батракъ признанъ нарушившимъ договора о службѣ, ибо онъ оставилъ ее не самопроизвольно, а по требованію своего начальства, для выполненія общественной обязанности, Юдель же Каганъ напротивъ того признанъ нарушившимъ договоръ и потому повиннымъ уплатить своему сельскому рабочему не только договорную за службу цѣну (кажется, рублей до 18), но и довольно значительный штрафъ за неудовлетвореніе жалованьемъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ (на основаніи, помнится, 21 статьи Временныхъ Правилъ для разбора дѣлъ между нанимателями и сельскими рабочими).

Надо было видѣть ужасъ и ярость свядосцьскаго круля. Когда я объявилъ ему мое рѣшеніе, онъ какъ будто въ отчаяніи началъ обѣими руками дергать свой длиннополый кафтанъ, да такъ дергать что это напомнило мнѣ Олърджа въ роли Шейлока, когда онъ въ послѣдней сценѣ изъ-за прикосновенія къ нему христіанина, объявляющаго что онъ будетъ его крестнымъ отцомъ, начинаетъ рвать на себѣ одежду оскверненную этимъ прикосновеніемъ.

Разумѣется, Юдель Каганъ принесть жалобу мировому съѣзду; но съѣздъ, кстати замѣчу, разбиравшій дѣло въ присутствіи главнаго начальника края К. П. фонъ-Кауфмана, утвердилъ мое рѣшеніе единогласно. Въ послѣдствіи я узналъ что обиженный пастухъ не воспользовался такимъ исходомъ дѣла въ его пользу: Юдель Каганъ убѣдилъ его на мировую, заплативъ ему сполна только за службу, и прибавивъ къ тому какую-то мелочную сумму. Доходили до меня слухи что въ этой мировой не обошлось-таки безъ нѣкотораго посторонняго вліянія.

Вотъ съ этихъ-то поръ свядосцьскіе Евреи ужъ побаивались эксплуатировать на свой обыкновенный лады странно-дovѣрчивыхъ мѣстныхъ господарисовъ,—не знаю только на долго ли такъ было.

Я могъ бы на этомъ закончить разказъ о Свядосцьской волости, но мнѣ приходятъ на память еще два случая, какъ мнѣ кажется, не лишеныя интереса.

Случилось мнѣ однажды попасть въ мѣстечко Свядосце въ большой праздникъ, помнится, въ Успеневъ день. Когда я пріѣхалъ, только что началась обѣда въ костелѣ; всѣ крестьяне собравшіеся на сходѣ были тамъ и я отправился въ костелъ.

Органъ, очень хорошій для деревенскаго храма, гремѣлъ торжественно и настраивалъ къ молитвѣ. Но вдругъ раздался перекатные, дикіе, какіе-то деревянные звуки. Я изумился. Звуки показались бы еще нестерпимѣе, еслибы вслѣдъ за тѣмъ не раздались хоръ мужскихъ голосовъ. Онъ пѣлъ стройно и такъ сильно что покрылъ перекатный, дикій звукъ литавръ.

Я спрашивалъ потомъ мѣстнаго ксендза Савримовича о дѣлѣ допущенія литавръ при богослуженіи въ Свядосцьскомъ костелѣ и спросилъ тоже употребляются ли литавры и еще гдѣ-нибудь.

Онъ отвѣчалъ сначала уклончиво что литавры употребляются не только при особенно торжественныхъ праздникахъ; а потомъ сталъ увѣрять что они служатъ сильнѣйшимъ средствомъ для возбужденія молитвеннаго чувства въ такихъ простыхъ людяхъ каковы вообще крестьяне.

Мнѣ стало досадно при такомъ объясненіи за моихъ Жмогусовъ, столь серіозныхъ по характеру, столь сосредоточенныхъ, столь искренно и глубоко преданныхъ своей религіи. Впрочемъ я воздержался отъ возраженій ксендзу.

А вотъ другой случай:

Какъ-то осенью, переночевавъ въ мѣстечкѣ Свядосце, я поѣхалъ куда-то дальше. Погода была прекрасная, дорога спокойная, а везъ меня подводчикъ молодой Жмогусъ, щеголевато одѣтый, какъ видно было, сынъ господариса, можетъ-быть старшій сынъ и наслѣдникъ всего хозяйства; рядомъ съ нимъ сидѣлъ мой болтливый лакей-Полячокъ, Адольфъ. Слышу: оба весело разговариваютъ по-литовски и вдругъ Адольфъ запѣлъ русскую солдатскую пѣсню (очень жалѣю что забылъ теперь слова ея, а пѣсня бойкая такая). Слышу тоже: Жмогусъ вполголоса подлѣваетъ.

— Что это за пѣсню ты распѣваешь? спросилъ я Адольфа.

— Вотъ вчера, на свадьбѣ, въ мѣстечкѣ пѣли, отвѣчалъ онъ посмѣиваясь.

— Какъ! на жмогусовской свадьбѣ?

— А такъ. Молодые хлопцы выучились у солдатъ, когда тѣ стояли на мѣстечкѣ. На свадьбѣ съ бубномъ пѣли. Хорошо было.

Адольфу трудно было вѣрить: онъ не отличался правдивостью; но затѣмъ я разузналъ что фактъ несомнѣненъ. Молодежь крестьянская въ Свядосце точно выучила русскую солдатскую пѣсню и пѣла ее точь въ точь какъ поютъ солдаты.

Стало - быть, подумалъ я послѣ того, этотъ мрачный, необщительный народъ вовсе не такъ уже недоступенъ влиянію на него чужихъ людей, если только влияніе это выражается въ чемъ-нибудь добромъ, веселомъ, пріятномъ.

VII.

При первомъ посѣщеніи мѣстечка Свядосце я пробылъ тамъ цѣлыя сутки: нашлось-таки довольно работы. На другой день довольно рано отправился въ Соллы.

Дорогой отъ самаго мѣстечка я сталъ присматриваться съ особеннымъ вниманіемъ къ полямъ по обѣ стороны дороги, къ осмотру и оцѣнкѣ которыхъ повѣрочная коммиссія должна была приступить, по расчету моему, въ скоромъ времени вслѣдъ за Овянтскою волостью. Оно кстати было для меня какъ члена этой коммиссіи.

Поля были очень неприглядныя, съ почвой больше „гливатою“, какъ здѣсь говорится.

— Это по землям какого же имѣнія мы ѣдемъ? спросилъ и письмоводителя У—скаго.

— По землям лана-графа Морикони, отвѣчалъ онъ и потомъ прибавилъ, пренебрежительно усмѣхаясь:—у лана-графа было прекрасное имѣніе Соллы, куда теперь ѣдемъ,—о, то имѣніе!.. А это, Свядосце, только и годится сдавать Жида-самъ въ аренду.

Письмоводитель У—скій часто бывалъ строгъ въ отзываяхъ своихъ о мѣстныхъ помѣщикахъ; но такъ было при мнѣ; безъ меня, думаю, онъ отзывался совсѣмъ иначе.

Верстахъ въ двухъ-трехъ отъ мѣстечка графъ Морикони выстроилъ себѣ большой и весьма затѣшливый палацъ, съ башнями, галлереями, балконами, террасами, флигелями; все это было каменное, все это, конечно, не дешево стоило. И странно какъ-то: всѣ эти вычурныя постройки особенно не казисты были на той мѣстности гдѣ онѣ находились, мѣстности совершенно некрасивой, ничѣмъ не оживленной.

Но и вообще дорога отъ мѣстечка Свядосце къ Солламъ, больше чѣмъ на половину всего протяженія, была чрезвычайно скучна: она тянулась все по бугристымъ мѣстамъ, съ тощею почвой, со скудною растительностью хлѣбовъ даже на тщательно воздѣланныхъ загонахъ; нерѣдко попадались мѣста и вовсе неразработанныя, должно-быть по совершенной ихъ непроизводительности; а притомъ на откосахъ бугровъ по большей части были не лѣса, а все тощія кустарники, поросшіе на мѣстѣ сведенныхъ лѣсовъ: это были, какъ здѣсь говорится, *дырваны*.

Скучно, тяжело было мнѣ ѣхать по этимъ мѣстамъ; но спустившись съ одного крутого холма я вдругъ увидалъ иную мѣстность.

Предо мной раскидывалась вправо и влѣво долина такъ широко и далеко что взоръ съ нѣкоторымъ трудомъ замѣчалъ холмы и лѣса ее ограничивающіе. Она была прекрасна, эта долина. Только скаты далекихъ холмовъ были покрыты загонами съ богатою растительностью, а то тянулись все луга и луга, такъ мною любимые. И какъ все это было свѣжо, зелено; на зелени же этой сверкала мѣстами вода — все въ лѣвой сторонѣ: тамъ были или небольшія озера, а то полноводная рѣчка, текущая заводами, а можетъ-быть и болотца; но и болотца эти ярко блестящія на солнцѣ, среди луговыхъ пространствъ, были бы тутъ кстати. Да! Тутъ

были уже другія мѣста, совсѣмъ не похожія на тѣ чрезъ которыя я только-что проѣхалъ съ такою скукой: иная почва, иная растительность, иные виды. Мало того, иные порядки обнаруживались тутъ на самой дорогѣ. Въ цѣломъ уѣздѣ такой дороги нѣтъ; то было шоссе и очень хорошее (хотя довольно узкое), шоссе тянувшееся почти на десять верстъ. Оно было устроено владѣльцемъ имѣнія Соллы, графомъ Тызенгаузомъ (лишу фамилію по польскому произношенію), самымъ богатымъ послѣ князя Витгенштейна помѣщикомъ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ.

Богатѣйшая волость въ моемъ участкѣ, собственно по почвѣ, была именно Солльская. Не даромъ она близко примыкаетъ съ одной стороны къ лучшимъ землямъ Поневѣжскаго уѣзда, чуть ли не самого богатого по почвѣ въ цѣлой Ковенской губерніи. Я навѣрное знаю что въ Вилькомирскомъ уѣздѣ нѣтъ лучшей въ этомъ отношеніи волости чѣмъ Солльская. Оттого повѣрочная коммиссія дѣйствовавшая въ этой волости еще до меня (помнится, весной 1864 года) оцѣнила здѣшнія земли постулившія въ надѣлъ выше чѣмъ гдѣ-нибудь въ Вилькомирскомъ уѣздѣ, именно до 40 и даже до 45 рублей за десятину.

Итакъ, я находился теперь въ самой богатой по почвѣ волости моего участка, въ которой, я слышалъ, и крестьяне,—разумеется, господарисы,—были богатые. Однакоже деревни чрезъ которыя или мимо которыхъ пришлось проѣзжать, прежде чѣмъ добрался я до волостнаго правленія, вовсе не облачали общимъ видомъ своимъ ни богатства, ни даже небольшой зажиточности своихъ обитателей: жилыя помѣщенія были прежалкія, тѣсныя и для малыхъ семействъ, и притомъ всѣ курныя; постройки надворныя и хозяйственныя тоже никуда негодныя и изъ весьма плохого лѣса, и тѣсныя, и крайне ветхія. Впрочемъ такой характеръ вѣхъ построекъ въ солльскихъ деревняхъ, довольно общій и въ деревняхъ прочихъ волостей, доказывалъ только одно: что крестьяне здѣшніе получали, за время крѣпостнаго права, при участкахъ своихъ весьма дурныя постройки; что при крѣпостномъ же правѣ, считая себя отнюдь необезпеченными во владѣніи участками, они всячески, какъ бы по общему соглашенію, сторонились и отъ улучшенія построекъ, и даже отъ поправки ихъ; и что, наконецъ, въ настоящее время, по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, они

еще не успѣли обзавестись лучшими постройками, и дожи-
вали пока въ старыхъ. И точно, въ 1867 году мнѣ довелось
быть въ Вилькомирскомъ уѣздѣ, и я увидалъ что въ Удьянской
и Вижунской волостяхъ, гдѣ за время моей службы крестьянскія
постройки тоже были весьма нехороши, новыхъ избъ,
гораздо просторнѣйшихъ и во всемъ лучшихъ чѣмъ прежнія,
было уже не мало. Что же касается состоянія сольскихъ
господарисовъ, то дѣйствительно почти всѣ они были зажи-
точны, а нѣкоторые изъ нихъ могли считаться богачами.

За то эти богатые господарисы были самыми грубыми и
невѣжественными, самыми упрямыми изъ всего моего участ-
ка, а можетъ быть и въ цѣломъ уѣздѣ. Начать съ того что
почти всѣ они не говорили по-русски и весьма многіе
изъ нихъ даже не понимали русской рѣчи. Изъ такихъ-
то неговорящихъ и непонимающихъ были: волостные судьи,
сборщики податей, самъ волостной старшина, сельскіе ста-
росты, кромѣ трехъ изъ послѣднихъ, говорившихъ кое-
какъ по-русски. Затѣмъ нигдѣ не встрѣчалъ я такого
грубаго упрямства какъ именно въ Сольской волости.
Никакихъ улучшеній тутъ нельзя было сдѣлать; здѣшніе
Жмогусы ничему не внимали. Такъ на отрѣзъ отказались
они обязать быть своихъ отставныхъ солдатъ; такъ
не захотѣли они освободить безземельныхъ и бездомныхъ
батраковъ своихъ отъ сборовъ на общественные расходы и
отъ другихъ нѣкоторыхъ повинностей; не хотѣли они тоже
собрать хоть небольшую сумму на выстройку въ какой-
нибудь изъ своихъ деревень волостнаго правленія и школы,
отчего и правленіе и школа оставались въ скверномъ фли-
гелѣ на панскомъ дворѣ, что было противно, ужъ не помню
теперь, какому циркуляру генералъ-губернатора Муравьева;
не хотѣли даже производить мірскіе учеты по своимъ обще-
ственнымъ расходамъ и всякимъ съ нихъ сборамъ. Съ боль-
шимъ трудомъ удалось мнѣ заставить ихъ повѣрить на
сходѣ посемейный списокъ и составить о повѣркѣ надлежа-
щій приговоръ. Еще съ большимъ трудомъ учреждена была
у нихъ сельская школа; но и по учрежденіи ея довольно
долго существовала она, что называется, только на бумагѣ:
учениковъ не было, сольскіе господарисы не хотѣли посы-
лать въ школу своихъ дѣтей.

Надо замѣтить прежде всего что для существованія сель-
скихъ школъ вездѣ въ сѣверо-западномъ краѣ встрѣчается

немаловажное препятствіе именно въ раскиданности селеній въ каждой волости, на пространствахъ не рѣдко чрезвычайно обширныхъ; селенія эти, какъ я выше указывалъ, обыкновенно очень небольшія, состоящія изъ трехъ, двухъ десятковъ крестьянскихъ дворовъ, а то еще и менѣе, не говоря уже объ односельяхъ и застѣнкахъ. Конечно, нечего и думать объ учрежденіи въ каждомъ такомъ селеніи особой школы: обыкновенно здѣсь на каждую волость бываетъ по одной школѣ, которая и находится всегда при волостномъ правленіи, иной разъ расположенномъ на краю волости. Стало-быть ученикамъ приходится собираться въ школу изъ селеній по большей части весьма отдаленныхъ, и это именно въ зимнее время, когда стоятъ сильные морозы, когда бушуютъ частыя метели. Тутъ уже надо прибѣгать къ особому средству относительно учениковъ изъ отдаленныхъ селеній: прискивать для нихъ на все учебное время помѣщеніе тамъ гдѣ находится школа. Такъ было и въ Солльской волости. Селенія ея были раскиданы по пространству не очень обширному, а все-таки многія изъ нихъ отстояли отъ волостнаго правленія, при которомъ, какъ водится, находилась и сельская школа,—верстъ на пять, на шесть и еще подальше. Понятно что здѣшніе господа-рысы должны были затрудняться посылкой дѣтей своихъ для ученія, которое—нельзя не замѣтить и того—не могло быть имъ по нраву какъ потому что оно производилось на русскомъ языкѣ, имъ самимъ незнакомомъ, такъ и потому что для обученія своихъ ребятишекъ молитвамъ по-польски и по-литовски они находили средства у себя подъ рукой: у ксендза своего, у его викарія, у органиста, наконецъ у костельныхъ дѣдовъ.* Но само собою разумѣется я долженъ былъ стараться чтобы Солльская школа непременно имѣла учениковъ и такимъ образомъ существовала на дѣлѣ. Въ виду же характера здѣшнихъ крестьянъ я считалъ необходимымъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ съ особенною настойчивостью. Я объяснялъ крестьянамъ, и не одинъ разъ, какъ важно, полезно для нихъ чтобы хотя современемъ чрезъ дѣтей своихъ обучившихся русскому языку, на которомъ писаны законы давшіе имъ свободу отъ крѣпостной зависимо-

* Бездомные старики, находящіеся въ сторожкахъ при костелахъ.

сти, ознакомились и сами они съ этими законами, да и жили по нимъ, соблюдая порядки при которыхъ только и возможна жизнь спокойная, правильная, хорошая. Я объяснялъ это и по-русски и чрезъ письмоводителя У—скаго по-литовски; не довѣряя же нѣсколько ему, и чрезъ сельскихъ старостъ понимавшихъ русскую рѣчь. Но оказывалось что объясненія, настоянія мои были почти безплодны: каждый разъ, пріѣзжая въ Солды, я видѣлъ что школа если и не вовсе пуста, то все-таки въ ней слишкомъ мало учениковъ, не болѣе пяти или шести.

Наконецъ я не вытерпѣлъ и строго потребовалъ отвѣта: отчего это, несмотря ни на какія приказанія, крестьяне не посылаютъ дѣтей своихъ на ученье?

Всѣ въ одинъ голосъ сказали что нельзя посылать ребятишекъ въ школу, такъ какъ деревни отъ нея далеко, а теперъ зима: холода стоятъ, метели метутъ.

— Ну, такъ помѣстили бы дѣтей, хоть по два съ деревни, тутъ же въ Солдахъ, по домамъ здѣшнихъ хозяевъ; вотъ и ходили бы спокойно въ школу, сказалъ я.

— А какъ кормить-то ихъ въ Солдахъ? Дома они кормятся, а тутъ откуда имъ корму взять? возражали упрямые Жмогусы.

— Да вѣдь дома-то не сѣномъ же вы ихъ кормите, а хлѣбомъ, кашей, мясомъ; все это не трудно доставлять отъ васъ сюда на нѣсколько дней, такъ и доставляйте; а то договоритесь о прокормѣ ребятишекъ со здѣшними хозяевами, какъ и дѣлается въ другихъ волостяхъ...

Фраза о сѣнѣ озадачила Жмогусовъ. Они то улыбались, то переглядывались молча, то опять улыбались; потомъ разомъ всѣ заговорили и съ видимою серіозностью. Замѣтивъ впечатлѣніе на нихъ произведенное, я подумалъ что лучше дать имъ свободу поразговориться, посоветоваться между собой, и вышелъ изъ сборной горницы.

Возвратившись на сходы, я услышалъ отъ крестьянъ что они соглашаются на обученіе дѣтей своихъ въ школѣ, для чего приплютъ ихъ изъ каждой деревни и размѣстятъ ихъ у солдскихъ хозяевъ. Все это они въ точности исполнили. Съ тѣхъ поръ Солдская школа не пустовала: правда, немного было въ ней учениковъ, не болѣе двадцати пяти, помнится, но и то уже хорошо.

И странно, слово мое о снѣхъ, невзначай сказанное, какъ будто очень понравилось солльскимъ Жмогусамъ. Они даже похваливали меня за него. Про это я узналъ отъ жены тамошняго землевладѣльца-старообрядца, Тихона Григорьевича Холстова. И вообще съ той поры какъ лорѣшилось дѣло о наполненіи школы учениками, здѣшніе крестьяне стали относиться ко мнѣ ласковѣе, довѣрчивѣе.

Я въѣхалъ, наконецъ, въ деревню Соллы (не мѣстечко, а просто деревня), по которой называлась и вся волость. То было селеніе маленькое, грязное. Оно находилось въ верстѣ отъ волостнаго правленія, помѣщавшагося, какъ я уже упоминалъ, въ ланской усадьбѣ. Вотъ и эта усадьба. У довольно большаго, съ низменными берегами, озера стоялъ пѣлацъ, ловидимому, весь каменный, пѣлацъ красивый, просторный; главнымъ фасадомъ онъ выходилъ на озеро, а съ противоположной надворной стороны былъ у него крытый подъѣздъ. Остальная усадьба: разные флигеля, разные жилыя и нежилыя постройки,—всего такого было много—раскиданы, по польскому обыкновенію, крайне безпорядочно. За этими постройками и близко къ нимъ холмистая мѣстность... И даромъ что пѣлацъ былъ красивъ, вся остальная усадьба, всѣ остальныя постройки показались мнѣ весьма непривлекательными.

Но всего хуже былъ тотъ флигель гдѣ помѣщалось волостное правленіе: темный, грязный, словно чѣмъ-то проколченный, онъ походилъ на самую скверную жидовскую корчму.

На волостномъ сходѣ, собранномъ къ моему пріѣзду, было немного народу, хотя волость Солльская была изъ большихъ въ моемъ участкѣ. Причина тому ясная: повѣрочныя дѣйствія покончены здѣсь уже давно; хозяева полныхъ участковъ, трехдесятинники, огородники переведены на выкупные платежи, и недоимокъ вовсе не было; стало-быть на сходѣ находились должностныя лица, да выборные, и то, конечно, не въ полномъ числѣ.

Какъ уже я говорилъ, сходъ встрѣтилъ меня крайне угрюмо и непривѣтливо. Да оно, пожалуй, и такъ: этимъ крестьянамъ какой же благодѣтели было ждать отъ моего пріѣзда? Но все-таки непривѣтливость, угрюмый видъ всего схода были для меня крайне непріятны.

Непріятное чувство еще усилилось во мнѣ когда я узналъ

что ни со старшиной, ни со старостами, ни съ волостными судьями, по причинѣ незнанія ими русскаго языка, нечего и пускаться въ разговоры объ ихъ обязанностяхъ. Однако, подумавъ, я рѣшился поговорить. Я считалъ нужнымъ чтобы поняли они хоть малую толику что волостное и сельское начальство должно знать свои обязанности возлагаемыя на него закономъ; что оно должно также знать о состояніи волости и сельскихъ обществъ и о правильномъ отправленіи всякихъ повинностей; что наконецъ оно должно умѣючи поддерживать во всемъ законные порядки. Эти рѣчи мои, хоть сколько-нибудь оправдывавшія причину моего пріѣзда, были переведены по-литовски У—скимъ и, кажется, вполне вѣрно. Я спросилъ: поняли ли всѣ про что говорю? Отвѣчали: какъ же, молъ, поняли.

Затѣмъ опять вопросъ съ моей стороны: нѣтъ ли жалобъ какихъ? Но жалобъ вовсе не оказалось ни отъ крестьянъ, ни на крестьянъ. Я зналъ и напередъ что жалобъ не будетъ: права всѣхъ на надѣлѣ уже давно разобраны, а батраки изобиженныя господарисамъ, еслибъ и провѣдали о моемъ пріѣздѣ въ волость, то не могли тогда явиться ко мнѣ съ жалобами, такъ какъ всѣ были на работѣ у помѣщиковъ или у господарисовъ; ихъ время для жалобъ должно было придти поздѣе. Впрочемъ, въ Солльской волости, какъ и въ Святосцѣвской, было немного дѣлъ по жалобамъ батраковъ и младшихъ членовъ семей на господарскія притѣсненія. Причина тому въ обѣихъ волостяхъ одна и та же: добрый помѣщикъ мало скасовывалъ съ инвентарныхъ участковъ; и господарисы, говоря вообще, не заразились охотою прогонять отъ себя младшихъ членовъ своихъ семействъ. Но подобныя дѣла все-таки здѣсь были, и съ прискорбіемъ я долженъ замѣтить что мало, слишкомъ мало доводилось мнѣ помочь обиженнымъ: всѣ дѣла эти, какъ водится, поступали на волостной судъ, а въ Солльской волости онъ судилъ большею частью по своему, то-есть на основаніи народныхъ обычаевъ, при которыхъ господарисы, какъ бы ни изобидѣли своихъ братьевъ и прочихъ родичей, всегда почти остаются правыми.

Все дѣлопроизводство въ волостномъ правленіи оказалось въ безпорядочномъ, въ какомъ-то неуклюжемъ видѣ. Писарь, Полякъ, былъ явно неумѣлый человѣкъ, а при томъ больной что ли, не то пьяный. Я порѣшилъ про себя замѣ-

нить его при первой же возможности хорошим писаремъ, какой и нуженъ былъ для этой Солльской волости.

За всѣми занятіями на тогдашнемъ сходѣ прошло немного времени, не болѣе трехъ часовъ. Можно было немедленно уѣхать отсюда и добраться до мѣстечка Добейни еще засвѣтло. Какъ бы не порадоваться что такъ скоро отдѣлался въ большой волости. Но я не радовался. Мнѣ было даже досадно. „Ну, зачѣмъ думалось мнѣ, пріѣзжалъ я въ эту Солльскую волость? Не для того ли чтобы посмотрѣть на угрюмыя фізіономіи здѣшнихъ крестьянъ, да и имъ показать свою фізіономію съ невольнымъ отраженіемъ на ней непріятнаго чувства?“

Собственно о Солльской волости я все разказалъ, но по поводу ея есть у меня на памяти два случая болѣе или менѣе близко относящіеся къ жизни здѣшняго крестьянства вообще, почему я и хочу упомянуть здѣсь о нихъ.

Прежде всего разкажу о случаѣ прямо касавшемся солльскихъ крестьянъ, а потомъ послѣдствіями своими отразившемся на крестьянахъ и другихъ волостей Вилькомирскаго уѣзда.

Въ концѣ ноября 1865 года я былъ вызванъ въ Вильну для участія въ занятіяхъ особой комиссіи, долженствовавшей обсуждать вопросъ объ улучшеніи быта батраковъ въ сѣверо-западномъ краѣ. На время моего отсутствія заведывали участкомъ моимъ два кандидата на должности мировыхъ посредниковъ, и они-то находились при назначеніи сходами рекрутъ и подставныхъ по предстоявшему въ февралѣ 1866 года набору. Возвратившись изъ Вильны, я отправился въ концѣ декабря по волостямъ для провѣрки рекрутскихъ назначеній. Дѣло это заботило меня особенно потому что рекрутскія назначенія производились въ моемъ участкѣ на новый ладъ, на основаніи посемейныхъ списковъ.

Пріѣхавъ въ Солльскую волость, я нашелъ на сходѣ только пятерыхъ рекрутъ да столько же подставныхъ, между тѣмъ какъ съ этой волости подлежало къ сдачѣ одиннадцать рекрутъ: стало-быть не доставало тутъ рекрутъ и подставныхъ ровно двѣнадцать человекъ. Я сталъ было выговаривать за несборъ къ моему пріѣзду всѣхъ молодыхъ людей назначенныхъ къ отбыванію рекрутской повинности, на которыхъ надо же было мнѣ взглянуть предварительно, дабы не допустить представленія въ рекрутское присутствіе людей

съ очевидными тѣлесными недостатками, каковое представленіе могло подвергнуть оштрафованію и сдатчика, и волостного старшину. Но волостной писарь Качинскій, опытный и дѣльный, а потому нарочно переведенный мною въ Солляскую волость, объяснилъ мнѣ что неявившіеся на сходъ рекруты, всѣ изъ господарскихъ семействъ, имѣютъ уже рекрутскія зачетныя квитанціи, почему волостное правленіе и признало возможнымъ не собирать ихъ.

Обстоятельство о зачетныхъ квитанціяхъ удивило меня.

— Да откуда же достали квитанцій, когда онѣ еще не высланы изъ казенной палаты? спросилъ я.

— Отцы рекрутовъ купили ихъ у здѣшняго помѣщика К—скаго, отвѣчалъ писарь Качинскій.

— А К—скій гдѣ раздобылся?

— Того я не знаю; но сказывалъ онѣ что скупаетъ ихъ гдѣ-то во внутреннихъ губерніяхъ.

И это меня удивило, ибо мнѣ было извѣстно, по слухамъ, что К—скому вслѣдствіе его какой-то прикосновенности къ событіямъ мятежа (впрочемъ не доведшей его до особенной бѣды) запрещено было отлучаться изъ своего имѣнія. Мнѣ захотѣлось лучше провѣрить фактъ пріобрѣтенія квитанцій отъ такого помѣщика, и я потребовалъ чтобы мнѣ показали ихъ.

Но ихъ не было. К—скій только обѣщалъ доставить ихъ дня за два до ставки рекрутъ. Изъ объясненій покупщиковъ и писаря Качинскаго оказывалось еще что К—скій получилъ отъ крестьянъ въ задатокъ большія деньги, а покупателямъ выдалъ локуда росписки о запродажѣ квитанцій и о доставленіи ихъ вовремя.

Посмотрѣлъ я эти росписки и еще болѣе удивился: помѣщикъ продалъ зачетныя квитанціи черезчуръ дешево: кому за 450 рублей, кому за 430, кому даже дешевле 400 рублей. Просто онѣ оказывался благодѣтелемъ какимъ-то для солляскихъ крестьянъ: вѣдь зачетныя квитанціи, присылаемые изъ казенной палаты на продажу по разверсткѣ между волостями, стоили гораздо дороже, а именно 570 рублей, а эта цѣна обусловливала ихъ стоимость въ продажѣ и изъ частныхъ рукъ. Какъ же это К—скій продавалъ ихъ дешевле даже 500 рублей? Да и какъ онѣ могъ доставать ихъ гдѣ-то тамъ, во внутреннихъ губерніяхъ, когда ему отлучаться изъ дома невозможно?

Все это показалось мнѣ въ высшей степени сомнительнымъ.

Я остался ночевать въ Солахъ и на другой день взглянулъ-таки на рекрутъ и подставныхъ наканунѣ не явившихся; тогда же я предписалъ волостному правленію чтобъ оно строго наблюдало за неотлучкой ихъ изъ волости, а какъ настанетъ время для ставки представило бы ихъ въ рекрутское присутствіе, не взирая на то что у отцовъ будутъ уже въ рукахъ квитанціи отъ К—скаго. Затѣмъ, дабы успокоить покупателей квитанцій, я объявилъ имъ что приму всѣ мѣры и для разъясненія дѣла, и для понужденія К—скаго къ непремѣнному исполненію обязательства.

Въ Вилькомірѣ я тотчасъ же разказалъ военному начальнику о сомнѣніи моемъ насчетъ квитанцій купленныхъ крестьянами у К—скаго и попросилъ его посодѣйствовать со своей стороны къ обезпеченію слѣшкомъ довѣрчивыхъ моихъ Жмогусовъ отъ большаго обмана. Военный начальникъ (безъ котораго, надо замѣтить, нельзя было тогда и обойтись въ подобномъ дѣлѣ) обѣщалъ принять мѣры, и дѣйствительно принявъ, кажется даже очень энергическія. Я и успокоился.

Ко времени ставки рекрутъ въ Соляской волости все обошлось, повидимому, благополучно. Наканунѣ ставки К—скій передалъ проданныя имъ квитанціи покупателямъ. Рекрутское присутствіе нисколько не усомнилось въ нихъ и приняло ихъ къ зачету, хотя я, не переставая все-таки сомнѣваться, говорилъ членамъ присутствія что надо бы обстоятельно справиться: откуда, когда и какъ именно добылъ К—скій тѣ квитанціи. Но всѣ нашли что никакихъ справокъ не слѣдуетъ дѣлать.

Однако вотъ что оказалось въ послѣдствіи, какъ я услышалъ, въ 1871 году, отъ вѣрнаго человека, пріѣзжавшаго изъ Вилькомира въ Бѣлостокъ, гдѣ я тогда служилъ.

Помѣщикъ К—скій все время послѣ моего выѣзда изъ Вилькомірскаго уѣзда велъ свою торговлю зачетными квитанціями уже на широкую руку. Онъ продавалъ ихъ не только въ своемъ уѣздѣ, но и по другимъ уѣздамъ Ковенской губерніи. Всего онъ выпродалъ ихъ слѣшкомъ на семьдесятъ тысячъ рублей. И все это вдругъ оказалось чистѣйшимъ подлогомъ. Квитанціи распродаваемые К—скимъ были не фальшивыя, а настоящія; но дѣло въ томъ что

всѣ онѣ уже были зачтены своевременно, только о зачетѣ ихъ не было сдѣлано одного весьма существеннаго распоряженія: онѣ, послѣ принятія ихъ къ зачету, не перечеркивались какъ слѣдуетъ и къмъ слѣдуетъ. Вотъ такіа-то квитанціи и добывалъ помѣщикъ К—скій. Разумѣется, у него были сообщники и, говорятъ, не въ маломъ числѣ... Назначено было слѣдствіе. К—скаго и нѣкоторыхъ его соучастниковъ посадили въ острогъ. А чѣмъ кончилось дѣло, про то мнѣ неизвѣстно. Слышалъ я только еще что многимъ русскимъ чиновникамъ: членамъ рекрутскихъ присутствій, мировымъ посредникамъ, свидѣтельствовавшимъ передачу квитанцій отъ продавца къ покупателямъ-крестьянамъ, пришлось очень заплатить штрафы. (Я же, къ счастью моему, сдѣлки между К—скимъ и сольскими крестьянами не свидѣтельствовалъ.)

Перехожу теперь къ другому случаю. Это эпизодъ изъ послѣдняго польскаго мятежа. Буря мятежа задѣла, что называется, крылышкомъ здѣшнія мѣста, здѣшнихъ мирныхъ земледѣльцевъ.

Въ Сольской волости проживала старообрядческая семья, о которой слава была очень нехорошая. Глава семьи, уже старый человѣкъ, и шестеро его взрослыхъ сыновей, молодецъ къ молодцу, пускались, какъ о томъ не мало говорили, въ безчестныя дѣла и дерзкія предпріятія, и живя посреди сольскихъ крестьянъ не мало ихъ обижали. На послѣднее обстоятельство я не могъ не обратить особеннаго вниманія. Я былъ крѣпко сердитъ на неугомонную семью. На мои глаза, она поступала хуже волковъ: тѣ не хищничаютъ у людей возлѣ которыхъ они живутъ и которые сами ихъ не трогаютъ. Я задумалъ унять дерзкихъ молодцовъ; но напередъ хотѣлъ попытаться подѣйствовать на нихъ нравственнымъ средствомъ.

Тутъ, по моему расчету, могло помочь вліяніе старообрядца же, купца 2й гильдіи Тихона Григорьевича Холстова, постоянно жившаго въ Сольской волости, гдѣ онъ владѣлъ небольшимъ, но прекраснымъ имѣніемъ, фольваркомъ Громовицкиной. Т. Г. Холстовъ, старикъ уже семидесятилѣтній, былъ очень богатъ, что замѣчалось по всей его хозяйственной и домашней обстановкѣ; онъ занимался и земледѣліемъ, велъ тоже хлѣбную торговлю, а особенно широко торговалъ льномъ: во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ былъ чрезвы-

чайно аккуратенъ и честенъ. Жена его была женщина премудрая, почтенная и, не даромъ уроженка рижская, — даже очень образованная; она дѣятельно и много помогала во всемъ своему мужу. Сыновья Тихона Григорьевича были тоже люди умные, хорошо-грамотные и дѣльные. Вообще вся семья Холстовыхъ пользовалась между старообрядцами большимъ уваженіемъ; особенное же вліяніе въ средѣ старообрядческой мысли самъ старикъ Холстовъ и жена его; они считались какъ бы естественными покровителями всѣхъ своихъ единовѣрцевъ живущихъ въ Вилькомірскомъ уѣздѣ. Вотъ черезъ этого-то почтеннаго, вліятельнаго старика я и задумалъ подѣйствовать на нехорошую старообрядческую семью.

Это было раннею весной 1866 года, мѣсяца почти за четыре до перевода моего изъ Ковенской губерніи въ Гродненскую, когда я еще не былъ окончательно увѣренъ что оставляю совсѣмъ Вилькомірскій мой участокъ.

Побывавъ однажды какъ-то въ Солльскомъ волостномъ правленіи, я отправился, предъ вечеромъ, въ Громоловщицзну, находившуюся не далеко въ сторонѣ отъ дороги въ мѣстечко Добейни. Я ѣхалъ въ Громоловщицзну въ первый разъ: до тѣхъ поръ я не находилъ нужнымъ знакомиться съ Холстовыми, хотя слышалъ о нихъ много хорошаго.

Фольварокъ Холстовыхъ былъ поистинѣ прекрасенъ. Тогда было еще самое первое начало весны; деревья, кустарники еще не распустились, засѣянные поля и луга только что начинали зеленѣть, а красота мѣстности все же бросалась въ глаза. Какъ хорошо были обработаны поля, подходившія съ двухъ сторонъ къ усадьбѣ! Какіе луга, кой-гдѣ еще покрытые вѣшнею водою и тянувшіеся предъ самою усадьбой ровною, широкою долиною, посреди которой излучисто протекала быстрая рѣчка! И притомъ какая усадьба!

Она стояла на высокой мѣстности, надъ луговою долиною. Что-то необыкновенно полное, цѣльное, законченное представляла она всѣмъ своимъ видомъ. Многочисленные надворные постройки отлично выстроенныя у мѣста, подъ рукою; а дворъ къ-ѣцомъ замкнутый, просторный и чрезвычайно чистый. Домъ помѣщичій крытый черепицей, со свѣтлыми большими окнами, снаружи казался вовсе не великъ, но внутри былъ очень помѣстителенъ. Онъ раздѣлялся, по здѣшнему обыкновенію, на двѣ половины, и вездѣ чистота поддерживалась безукоризненная. А при всемъ этомъ такъ красиво

все улажено: полы отлично выкрашенные, обои очень хорошіе, мебель не только приличная, но даже нарядная; на окнах гардины, цвѣты.

Но домъ имѣлъ и еще особенность: со второй же комнаты на лицевой главной половинѣ сразу можно было замѣтить кто здѣсь живетъ. Въ этой комнатѣ весь передній уголъ былъ занятъ старинными образами, въ серебряныхъ и вызолоченныхъ ризахъ; по обѣ стороны этого домашнего иконостаса лежали въ порядкѣ большія, конечно, старопечатныя книги въ черныхъ кожаныхъ переплетахъ; сбоку стоялъ аналой, олять тоже съ книгами. Словомъ, все тутъ было какъ быть должно въ домѣ истаго старообрядца, строго соблюдающаго всю обрядность по своей вѣрѣ.

Старикъ Холстовъ и жена его приняли меня съ чрезвычайнымъ радушіемъ. Но особенно было мнѣ пріятно что они говорили со мною обо всемъ, нисколько не дичась, вполнѣ откровенно, и оттого я узналъ отъ нихъ много новаго о положеніи старообрядцевъ не только въ моемъ участкѣ, но и въ цѣломъ Вилькомірскомъ уѣздѣ, даже во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Бесѣда наша была довольно продолжительна. А между тѣмъ спустилась ночь, и не очень-то свѣтлая. Но я хотѣлъ было ѣхать далѣе, такъ какъ въ то время уже нечего было опасаться послѣдняго повстанца Оланьскаго; гостепріимные же хозяева мои рѣшительно не пустили меня. Я переночевалъ въ Громоловщицнѣ весьма спокойно.

Съ тѣхъ поръ я хорошо сблизился съ Холстовыми. Надо сказать что я жилъ тогда уже недалеко отъ Солляской волости, именно въ имѣніи Вижунахъ, откуда до Солль было верстъ 30, а до Громоловщицны не болѣе 25 верстъ, и это давало мнѣ возможность, при непрерывныхъ моихъ разъѣздахъ по волостямъ, видаться съ Холстовыми довольно часто. Впрочемъ и старикъ заѣзжалъ ко мнѣ въ Вижуны.

И вотъ, однажды, когда я олять остался ночевать въ Громоловщицнѣ, старикъ и жена его вдругъ вспомнили что „объ эту самую пору весны“ посѣтила ихъ цѣлая „армія“ повстанская, подъ начальствомъ „воеводы на Литвѣ“ Сѣраковскаго. Вспомнивъ же, старики какъ-то перетревожились, начали вздыхать, креститься. Я не утерпѣлъ и попросилъ Холстова разказать мнѣ объ этомъ „посѣщеніи“ подробно, и онъ нисколько не уклонился. Разказъ его былъ чрезвычайно интересенъ

для меня; но мнѣ особенно понравились нѣкоторыя подробности, повидимому мелкія, а въ сущности важныя, которыя припомнила жена Тихона Григорьевича. Передаю все это вѣрно, потому что тогда же все записалъ себѣ на память.

Еще недѣли за двѣ до описываемаго случая, Холстовы начали замѣчать въ Солльской волости и въ сосѣднихъ съ нею мѣстахъ что-то необыкновенное, „не ладное“. Было вездѣ странное движеніе, совсѣмъ не похожее на то что выразилось здѣсь при извѣстіяхъ о начавшемся въ Польшѣ мятежѣ. Мятежъ былъ дѣло не новое: кое-что про затѣи повстанья уже было извѣстно, и не объ этомъ перскидывались теперь въ Солльской волости и въ сосѣднихъ мѣстахъ отрывочными, темными рѣчами. Нѣтъ! тутъ какъ будто вся окрестность сама къ чему-то готовилась. Напримѣръ, не даромъ, какъ сказывали Тихону Григорьевичу старообрядцы и намекали Евреи, шляхтичи, мелкіе арендаторы въ панскихъ имѣніяхъ и нѣкоторые крестьяне изъ Оникштѣ, а особенно изъ мѣстечка Ушполья, сбываютъ ленъ чуть не за безцѣнокъ, какъ будто нужда имъ крайняя съ долгами что ль расплатиться, не то собираются они въ дальнюю дорогу, — словомъ, явно готовятся къ чему-то. Затѣмъ, въ Громоловщизну стали появляться какія-то подозрительныя личности, подъ предлогами то продажи, то покупки льна, но явно не для того, а для высматриванья. Затѣмъ сосѣдніе Евреи уже не скрывали что грозить, дескать, опасность всѣмъ здѣшнимъ старообрядцамъ; а два или три Еврея потихоньку спрашивали у самого Холстова: „когда панъ Цихонъ думиеть уѣхать въ Вилькоміръ, не то и подальше куда-нибудь?“ Старообрядцы же изъ Добейской волости, а также изъ-подъ Оникштѣ и изъ-подъ Ушполья уже не намекали, а напрямки говорили что скоро надо ждать тутъ большихъ бѣдъ отъ мятежниковъ; только откуда появятся бѣды, и какъ быть и что дѣлать: никто какъ-то не могъ догадаться.

Положеніе Холстовыхъ посреди этого движенія, грозный характеръ котораго вообще былъ ясенъ, дѣйствительно представлялось опаснымъ. Люди богатые, весьма вліятельные промежь старообрядцевъ, и сами старообрядцы (которые такъ ненавистны Полякамъ), они могли бояться всего: и разграбленія всей своей усадьбы, и даже всякаго насилія надъ собою, надъ своими семейными. Но крѣпкій духомъ и раз-

судительный старикъ, не одинъ разъ посовѣтовавшись съ женой, рѣшилъ не покидать дома, оставаться въ немъ на волю Божію, припрятавъ только, въ крайнемъ случаѣ, сыновей съ ихъ женами и дѣтьми въ окрестныхъ лѣсахъ; для чего заблаговременно подыскиали они надежныя мѣста, что было и не трудно сдѣлать при помощи старообрядцевъ, а также и при помощи тѣхъ лѣсныхъ стражниковъ изъ отставныхъ солдатъ про которыхъ съ достовѣрностью можно было предполагать что по доброй своей волѣ они отнюдь не пристанутъ къ мятежникамъ.

Несомнѣнно что разумнымъ своимъ спокойствіемъ, твердостью въ рѣшеніяхъ, предусмотрительностью въ распоряженіяхъ старики Холстовы спасли и все свое достояніе, и себя самихъ отъ великой опасности.

Для за три до нашествія повстанской „арміи“ на Громоловщизну стало уже уясняться для Холстовыхъ что такое угрожаетъ имъ. Евреи суетливо и таинственно намекали, старообрядцы же прямо сказывали что на Соалы, а стало быть и на Громоловщизну, которая находится отъ Соалъ всего верстахъ въ пяти-шести, пойдутъ куда-то повстанскія шайки, и много-много шаякъ. Тогда Холстовы, на мало не медля, спрятали въ лѣсахъ всѣхъ семейныхъ своихъ, объ отлучкѣ которыхъ изъ дома они заблаговременно распустили слухи, въ охрану же имъ дали нѣсколько благонадежныхъ людей не только изъ старообрядцевъ, но даже изъ Жмогусовъ, а сами остались дома съ простыми батраками да съ женскою прислугой. Потомъ, наканунѣ дня нашествия, пронесся еще болѣе грозный слухъ, что во главѣ всѣхъ шаякъ пойдетъ здѣсь самъ набольшій доводца, воевода на всей Литвѣ, Сѣраковскій; что можетъ-статься онъ остановится въ Громоловщизнѣ и будетъ тутъ кого-то судить и казнить.

Между тѣмъ по всей окрестности разыгралось тогда опять какое-то новое, чрезвычайно суматошное движеніе. По деревнямъ, на дорогахъ, около лѣсовъ, стали показываться небольшія кучки людей, то конныхъ, то и лѣшихъ, снарядившихся какъ будто въ походъ, вооруженныхъ кто только саблями, а кто и ружьями. По дорогамъ же потянулись откуда-то и куда-то тяжело-нагруженные телеги, съ шумно бранчивыми провожатыми. И всѣ эти походные люди, въ польскихъ чамаркахъ, въ „чапкахъ“ на польскій образецъ, въ высокихъ новыхъ сапогахъ, повидимому, были крѣпко навеселѣ, шумѣли,

ругались, озорничали, грозили... Холстовы, конечно, не выглядывавшіе из своего фольварка, были однако на слуху обо всемъ этомъ движеніи; и дивились они не мало что тѣ горланы отнюдь къ нимъ не заглядывали, хотя иной разъ можно было замѣтить что они приглядываются издали къ Громоловщицкой усадьбѣ.

Въ самый день нашествія, ранымъ-рано Холстовы, по какому-то предчувствію всю эту ночь не спавшіе, увидали изъ оконъ что отъ Соллѣ, по направленію къ ихъ фольварку, тянется уже настоящее войско: идетъ оно довольно правильными рядами, какъ надо быть войску, и большая часть людей въ рядахъ вооружена ружьями. Замерло сердце у бѣдныхъ стариковъ: имъ почему-то вообразилось что этотъ отрядъ ужъ никакъ ихъ не минуетъ. Однакожъ онъ миновалъ, и по какому-то шумному приказу начальника, шумному должно-быть потому что было замѣтно какъ нѣкоторые вооруженные люди порывались изъ рядовъ зайти въ фольварокъ. Дивились всему этому старики, и видѣли не только съ удивленіемъ, но и съ испугомъ что шумливый начальникъ, пропуская дальше свой отрядъ, оставилъ прямо на-супротивъ воротъ ихъ усадьбы кучку людей очевидно для стражи.

Затѣмъ прошелъ и еще отрядъ тоже рядами, но гораздо меньше перваго и хуже вооруженный: врядъ ли и треть людей въ немъ имѣла ружья. Весь этотъ отрядъ прошелъ мимо безо всякихъ видимыхъ покушеній заглянуть въ Громоловщизну.

Наконецъ, часу въ десятомъ утра, показалась отъ Соллѣ третья партія, больше двухъ первыхъ, на много и лучше ихъ вооруженная: впереди ея и по сторонамъ находились конные люди, и судя по костюму, по лошадямъ на которыхъ они ѣхали, по всему ихъ виду, то были начальники. Партія эта направлялась опять-таки на Громоловщизну. Почему-то Холстовы, какъ только увидѣли этотъ отрядъ, тотчасъ подумали что онъ-то ужъ никакъ ихъ не минуетъ. И точно: вдругъ отдѣлилась кучка конныхъ людей и прамехонько направилась въ фольварокъ.

Холстовы послѣдними вышли для встрѣчи на крыльцо.

— Надѣюсь, Тихонъ Григорьевичъ, проговорилъ я, признаюсь, довольно необдуманно, — надѣюсь что вы хлѣба-соли не подносили?

Старикъ взглянулъ на меня сердито и вдругъ замолчалъ. Жена его однако не разсердилась и стала успокаивать мужа.

— А что жь, Тихонъ Григорычъ, сказала она,—вѣдь бѣда-то была предъ нами немалая... Со стороны очень можно подумать, пожалуй и погрѣшили тутъ Холстовы чтобы спастись хоть отъ лютой смерти. Ты же старикъ старый, а я женщина, такъ отъ насъ и нельзя твердости ожидать...

— Какъ нельзя ожидать? возразилъ онъ горячо,—да потому-то старикъ, я и не долженъ былъ покривить душой... Такихъ-то встрѣчать съ хлѣбомъ-солью? Хлѣбъ-соль—святое дѣло...

Я извинился предъ почтеннымъ старикомъ и затѣмъ попросилъ его продолжать разказъ.

— Ну, мы и встрѣтили непрошенныхъ гостей, продолжалъ онъ.—А какъ встрѣтили? извѣстно, поклонились, да и ни зелько. Это иная статья, мы и поклонились... А какъ старшій промежду нихъ прошелъ прямо въ домъ, кто-то изъ ихнихъ проговорилъ мнѣ сквозь зубы что это самъ генералъ. Я послѣ того и величалъ его: „пане-генерале“. Говорилъ тоже я съ нимъ по-польски, потому, давно проживая съ ними, ихній языкъ знаю.

То пожаловалъ въ Громоловщазну самъ воевода Сѣраковскій. Съ нимъ была свита, но небольшая. Изъ сопровождавшихъ его Холстовы особенно замѣтили двоихъ. Одинъ былъ ксендзь, черезчуръ тепло одѣтый, а съ виду пресердитый; другой—молодой человѣкъ, очень блѣдный и какъ будто печальный: то былъ К—скій, адъютантъ Сѣраковского *.

Войдя въ первую же комнату, Сѣраковскій остановился посрединѣ ея. Черезъ растворенныя настежь двери онъ увидалъ описанныя мною характеристическія принадлежности другой комнаты, и вдругъ къ великому изумленію Холстовыхъ, сталъ креститься на образа истымъ старообрядческимъ крестомъ.

Старикъ тотчасъ же рѣшился спросить:

* Я зналъ въ Вилькомірѣ отца этого молодого человѣка, увлеченнаго въ мѣтежъ, какъ мнѣ разказывали, вслѣдствіе стеченія странныхъ и роковыхъ случайностей... Помню, бывало старикъ-отецъ играетъ въ вистъ, и вдругъ руки его начинаютъ дрожать чрезвычайно, а самъ онъ какъ бы разбирая карты, погружается въ тоскливую задумчивость... Всѣ мы невольно притихали...

— Панъ-енаралъ нашей вѣры?

— Нѣтъ, я не вашей вѣры, отвѣчалъ онъ,—но вашу старую вѣру я глубоко уважаю. Она настоящая православная, и вы все, кто держитесь ея крѣпко, настоящіе православные, а не раскольники, какъ осмѣливаются называть васъ тѣ другіе инославные.

Это Страковскій проговорилъ по-русски, а потомъ уже польски началъ говорить и о положеніи старообрядцевъ, во всемъ де утѣсняемыхъ инославными (значеніе этого слова было извѣстно ему хорошо), и о томъ какъ Поляки, взявшись за оружіе противъ Русскаго правительства, имѣютъ между прочимъ цѣлю избавить старообрядцевъ отъ вселескихъ утѣсненій. „Панъ-енаралъ“ говорилъ много объ этомъ, онъ былъ „больно рѣчистъ“, по замѣчанію Тихона Григорьевича.

Но Страковскій еще болѣе говорилъ о томъ какъ Поляки будутъ воевать съ Москалями. По словамъ его, на каждомъ шагѣ ожидали Поляковъ и побѣды, и полныя во всемъ успѣхи: скорехонько повстанскія *арміи* должны были очистить отъ Москалей Вильну, Ковно и прочіе губернскіе города всего „забраннаго“ края, не въ долгомъ времени займутъ не только Кіевъ со всею Украйною, но и Смоленскъ, старинный польскій городъ, и тамъ, по всей вѣроятности, еще въ нынѣшнемъ же году доберутся и до самой Москвы, до которой уже не одинъ разъ доходили Поляки побѣдоносно.

Послѣднее предположеніе сильно взволновало Холстова. Онъ опять не вытерпѣлъ и замѣтилъ:

— Пане-енараде! до Москвы далеко... Какъ-таки можно!...

— Глухой старикъ! ну что ты смыслишь? вскричалъ Страковскій, но вдругъ слохватившись началъ говорить уже сдержанно, и казалось желалъ убѣдить обруганнаго имъ старика въ справедливости своихъ словъ.

По этимъ словамъ его успѣхъ польскаго возстанія былъ уже и теперь обезпеченъ: Москали уже выгнаны изъ Варшавы, вездѣ разбиты, и только малые остатки ихъ кое-какъ еще держатся въ двухъ крѣпостяхъ, гдѣ конечно не долго продержатся; а Польскій народъ весь возсталъ какъ одинъ человѣкъ: денегъ, вооруженія, продовольствія, всего довольно даже съ излишкомъ; но кромѣ того на помощь возставшей Польшѣ скоро придетъ всѣгдашній другъ ея Французъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ еще сильная помощь не только со стороны Англичанина, который теперь живетъ душа въ душу

съ Французомъ, но и со стороны стариннаго недруга, а тепершняго друга, Австріяка; правда, недругомъ тоже Полякамъ отъявится „Пруссъ“, но съ Пруссомъ легко будетъ раздѣляться, за что уже и берется самъ ланъ Мѣрославскій; наконецъ извѣстно что помощь найдется и промежь самихъ Москалей, такъ какъ чрезвычайно многіе изъ нихъ всѣмъ недовольны.

— Диковина!... Самъ на себя дивлюся теперича, замѣтилъ Тихонъ Григорьевичъ, послѣ передачи рѣчей Сѣраковскаго: — вотъ, когда онъ такъ-то хвастался про свою польскую силу, съ которою вездѣ-то они побѣдили нашихъ, съ которою до самой Москвы думаютъ добратся, — слушалъ я все это такъ себѣ, словно и ничего: вѣдь знаю я ихній нравъ прегордый, заносчивый, да пожалуй и дѣло ихъ такое что надо же было и себя приободрять похвалой; а какъ сталъ прибавлять про помощь стариннаго этого благопріятеля Француза, да отъ этихъ новыхъ друзей, Англичанина и Австріяка, а подъ конецъ еще прибавилъ что надѣются тоже на помощь отъ измѣны нашихъ, — на сердцѣ у меня закипѣло, какъ полагаю, и въ молодыхъ годахъ не бывало... Спасибо вотъ ей (онъ указалъ на жену), она удержала, а то не мновать бы висѣдцы, умеръ бы безъ покаянія во грѣхахъ по обряду христіанскому: взглянулъ я на нее вдругъ, а она словно говоритъ глазами: „Стерпи, молъ, стерпи...“

Старикъ былъ сильно взволнованъ воспоминаніемъ. Онъ всталъ съ мѣста и молча походилъ по комнатѣ. Потомъ продолжалъ:

— Я вѣдь что хотѣлъ ему сказать: „Ну, что ты такъ хвастался предо мной, старикомъ, истовымъ русскимъ человекомъ; грѣшно это тебѣ, грѣшно и стыдно... Ну, какъ же, молъ: хвастаешь что всего-то у васъ предовольно на войну, и съ нашими-то вездѣ справились, и сила у васъ такая что до самой Москвы какъ разъ доберетесь, а вотъ, все посторонней помощи ждете? Да еще какой? Отъ измѣны! Мало вамъ того что сами измѣнили, а еще хотите расплодить измѣну и у насъ... Какой ты генералъ, ты просто измѣнникъ и предатель!“

Я не сомнѣваюсь что эти мысли кипѣли тогда въ головѣ крѣпкаго духомъ старика, что укорительныя слова чуть было не сорвались съ языка его, что конечно имѣло бы для него роковыя послѣдствія...

Сѣраковскій со всѣмъ своимъ штабомъ весь тотъ день оставался въ Громоловщизнѣ и тутъ же заночевалъ.

Чрезвычайно много хлопотъ было Холстовымъ изъ-за этого нашествія на ихъ домъ. Надо было широко продовольствовать повстанскій штабъ и самыми лучшими кушаньями, какія только можно было изготовить, и всякими винами, ихъ же впрочемъ всегда у Холстовыхъ было въ запасѣ не мало. Конечно, никакихъ своихъ запасовъ они тогда не жалѣли. Они даже рады были что приходилось имъ самолично распорядиться насчетъ продовольствія не только главнаго штаба и караула у воротъ усадьбы, который съ появленіемъ въ нее Сѣраковского, былъ значительно усиленъ, но и еще какихъ-то, случайно появившихся повстанцевъ: эти хлопоты отвлекали ихъ, Холстовыхъ, отъ несноснаго для нихъ выслушиванья похвальныхъ рѣчей „пана-енарала“, а притомъ они чувствовали что это невольное ихъ гостепріимство обезличиваетъ ихъ до нѣкоторой степени отъ лютой участи, которою грозили имъ намеки Евреевъ.

Ночь прошла крайне-безлокойно для Холстовыхъ. Правда, весь штабъ Сѣраковского и какіе-то еще начальники, появившіе къ ночи въ Громоловщизну, довольно рано поужинали и рано распорядились о ночлегѣ своемъ въ главной половинѣ дома, которую всю-таки заняли, а затѣмъ освободили своихъ хозяевъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ; но хозяева, помѣтившіеся на другой половинѣ, всю ночь напролетъ не спали. Да и какъ было спать? И своя тревожная дума мѣшала: бѣда далеко еще не прошла, даже вся тутъ была, и Богъ-вѣсть что могло случиться завтра. Много мѣшали поуспокоиться и со стороны: сначала прислуга повстанскихъ начальниковъ приставала съ разными нахальными требованіями; а какъ и она утомилась, стали заходить къ Холстовымъ, уже поздно ночью, простые повстанцы, повидимому все батраки, и просили-молили „пана Цихона“ чтобы снабдилъ: кого ружьемъ, кого порохомъ и пулями, кого хоть какимъ-нибудь вооруженіемъ.

— Да какъ же вы это? собрались куда-то, на войну что ли, а оружья нѣту... Коли на войну идете, чѣмъ же воевать будете? говорилъ имъ не очень-то осторожно, Тихонъ Григорьевичъ, разумѣется всѣмъ отказывая въ просимомъ, ибо у него дома никакихъ военныхъ снарядовъ тогда не было (что и имѣлось прежде, то все онъ отдалъ дѣтямъ, а самъ

весьма предусмотрительно остался, какъ есть, съ голыми руками).

— А такъ. Собралися и пойдемъ... Нельзя не идти: велѣно... да и нужда наша... отвѣчали эти горемычные повстанцы.

Великая жалость брала Холстовыхъ, глядя на этихъ несчастныхъ, и особенно потому что имъ хорошо было извѣстно отъ какой горькой доли бѣгутъ они на бѣду, соблазненные не столько обѣщаніями сколько собственными своими соображеніями что авось-либо послѣ всего этого станетъ легче, получше...

На другой день утромъ бѣда стала сваливать изъ усадьбы Холстовыхъ. Сѣраковскій, видимо съ утра чѣмъ-то озабоченный, уже нисколько не обращалъ вниманія на своихъ хозяевъ и даже не простившись съ ними довольно рано выѣхалъ со всемъ своимъ штабомъ. Онъ долженъ былъ догонять свою „армію“. Предъ отъѣздомъ онъ самъ понаблюдъ чтобы весь караулъ стоявшій у воротъ усадьбы отправился въ походъ разомъ, что уже окончательно избавляло Холстовыхъ отъ опасности.

Кстати, Тихонъ Григорьевичъ сказывалъ мнѣ что около Соллѣ соединились тогда пять повстанскихъ шаекъ: самого Сѣраковского, ксендза Мацкевича, Колышки, Люгтайлы и кажется Пацъ-Помарнацкаго, бывшаго мирового посредника (но о послѣднемъ не могу утверждать развѣрное, и вообще о тогдашнемъ соединеніи всѣхъ вышеназванныхъ шаекъ подъ Соллами я говорю съ разказа объ этомъ старика Холстова).

Извѣстно что повстанцы, подъ главнымъ предводительствомъ Сѣраковского, направились отъ Соллѣ къ мѣстечку Биржи, въ Поневѣжскомъ уѣздѣ (мѣстечко это находится отъ Громоловщины верстахъ въ пятидесяти, не болѣе), гдѣ и были разбиты на голову генераломъ Ганецкимъ. Участь Сѣраковского, взятаго тогда въ плѣнъ со всемъ своимъ штабомъ, тоже извѣстна....

VIII.

Мѣстечко Добейки, куда предстояло мнѣ теперь перебраться, находилось отъ Соллѣ въ 20 или въ 22 верстахъ.

Отъ самыхъ Соллѣ половину пути надо было сдѣлать по тому же шоссе по которому я уже ѣхалъ, а затѣмъ какъ перевалили чрезъ бугоръ, отдѣлявшій Свидосцьскую волость

отъ прекрасной Солыской долины, по обѣ стороны потянулись обработанныя поля уже съ порядочною почвой: то начиналась Добейская волость.

Мѣстечко Добейки оказалось преплохенькимъ, даже хуже и меньше чѣмъ Куркле и Скумяны. Какъ украсилось пышнымъ названіемъ мѣстечка селеніе это находившееся только въ семи верстахъ отъ порядочнаго мѣстечка Вижуны и въ 15 — 18 верстахъ отъ большаго торговаго мѣстечка Уцяны, право, не знаю, даже не могу объяснить этого панскою лыхой, такъ какъ Добейками владѣлъ не одинъ панъ, а нѣсколько пановъ.

Прѣхавъ чрезъ все мѣстечко, мимо деревяннаго, самой простой постройки костела, мимо низенькой старообразой плебаніи, добрался я до волостнаго правленія. Оно стояло на отлѣтъ, совсѣмъ почти въ полѣ (что и не осталось безъ послѣдствій, какъ видно будетъ далѣе). Наружнымъ и внутреннимъ видомъ своимъ оно было подѣ стать плохенькому мѣстечку: хоть и довольно просторное, выстроено было оно весьма неуклюже: потолоки низенькіе, окна несоразмѣрно малыя, полы перекосившіеся; а притомъ все такъ не улажено, грязно.

Я пріѣхалъ далеко еще до ночи. Схода заказаннаго на завтра, конечно, еще не было, но волостной старшина находился налицо. Какъ видно, онъ не очень озабочивался моимъ первымъ пріѣздомъ къ нему въ волость: отъ него сильно несло водкой, онъ былъ пьянъ, такъ что даже пошатывался. То былъ Литвинъ очень крупный по росту и по породству; но лицо его обличало что это человѣкъ если и не совсѣмъ тулоумный, то съ крайне тугимъ смысломъ. Лицо это, темноцвѣтное, съ рѣзкими и жесткими чертами, съ глазами чрезвычайно мрачно выглядывавшими изъ-подъ низко нависшихъ на лобъ волосъ, было сурово и неподвижно, и никогда я не видалъ чтобы на немъ промелькнула улыбка или появилось хоть какое-нибудь оживленіе. Словомъ, этотъ старшина, выраженіемъ своей физіономіи, всею своею осанкой, даже неуклюжимъ костюмомъ своимъ, какъ-то напоминалъ старика волка.

Но старшина Ковальюнасъ былъ еще такъ себѣ ничего, къ нему можно было приглядѣться и привыкнуть; а вотъ волостной писарь Домбровскій, такъ этотъ еще больше мнѣ не понравился.

Я засталъ его за дѣломъ; онъ рылся въ дѣлахъ, въ бумагахъ, какъ видно приводилъ все въ порядокъ къ моему приѣзду. Отъ него не пахло водкой, онъ былъ совершенно трезвъ. Но что за лицо, что за выраженіе лица! Особенно же эти вращающіеся, сѣро-зеленоватые глаза его, съ искоса подглядывающимъ взоромъ, да эти необыкновенно рѣзкія, быстрыя движенія, они-то всего больше и очень явственно обнаруживали и какую-то трусливость, и чрезвычайную дерзость.

Впрочемъ дѣлопроизводство, за осмотръ котораго я пришелъ на досугъ со всѣмъ усердіемъ, оказалось въ довольно порядкѣ.

Предъ закатомъ солнца я побродилъ около мѣстечка и плебаніи, а возвращаясь съ прогулки, вдругъ замѣтилъ что возлѣ волостнаго правленія, не болѣе какъ въ десяти саженьяхъ, находится очень нехорошее зданіе. То была корчма, недавно выстроенная, а принадлежала она одному изъ помѣщиковъ Добейской волости. Конечно, съ большимъ неудовольствіемъ я увидалъ такое сосѣдство у крестьянскаго общественнаго учрежденія. Впрочемъ, при мнѣ она простояла не долго; мнѣ довелось видѣть эту корчму закрытою.

Я не рѣшился ночевать въ волостномъ правленіи, такъ оно было грязно, а придумалъ улечься въ своей брчкѣ, благо ночь была свѣтлая и теплая. Предъ тѣмъ же какъ лечь, припомнилось мнѣ что здѣшнее волостное правленіе было ограблено мятежниками; я сталъ разспрашивать старшину и писаря, какъ это случилось, но оба они сообщили слишкомъ мало подробностей объ этомъ: „ограбили, молъ, да и только“. А между тѣмъ грабежъ былъ значительный: повстанцы забрали болѣе пяти тысячъ рублей. Впрочемъ тутъ я узналъ одно обстоятельство, довольно-таки интересное въ ту минуту для меня: старшина, ужъ не знаю почему, вздумалъ сказать мнѣ что „вотъ, молъ, и этотъ Оланьскій—изъ нашей, Добейской волости, бывший дворовый челоѣкъ здѣшняго помѣщика Барановскаго“... Однако, несмотря ни на воспоминаніе о повстанскомъ грабежѣ, ни на разъясненіе откуда родомъ повстанецъ Оланьскій, по слухамъ все еще бродящій въ окрестныхъ мѣстахъ, я заснулъ преспокойно, хотя, по правдѣ сказать, подумалъ что могу проснуться уже въ лѣтну у повстанцевъ.

На другой день сходъ началъ собираться медленно: должно-быть меня ожидали изъ Солтъ не рино. Но сходъ и не со-

брался еще вполнѣ, какъ вдругъ явилось обстоятельство заставившее меня скорѣе поспѣшно перебраться въ соседнюю Вижунскую волость. Я получилъ чрезъ нарочнаго бумагу отъ ковенскаго губернатора, извѣщающую что вижунскій волостной старшина Рафаиль Шалака долженъ быть немедленно устраненъ отъ должности, такъ какъ по прикосновенности къ событіямъ мятежа онъ удаляется куда-то (но куда, и административнымъ ли путемъ, или же по суду, о томъ не помню); причемъ предлагалось мнѣ теперь же распорядиться о выборахъ новаго старшины на мѣсто Шалаки.

Стало-быть нельзя было оставаться въ Добейской волости даже на недолгое время. Я объявилъ сходу что вслѣдствіе важной бумаги отъ губернатора, только-что мною полученной, я долженъ сейчасъ же уѣхать въ Вижуны, гдѣ вѣроятно пробуду дня два или три; а такъ какъ Вижуны недалеко отъ Добейскъ, то имѣющіе ко мнѣ жалобы могутъ подать ихъ тамъ. Но несмотря на это мое объявленіе, мнѣ успѣли — таки подать нѣсколько прошеній. Я заглянулъ наскоро въ нихъ, благо ихъ было немного, всѣ они касались до скасованій съ участковъ. Разумѣется, опять пришлось объявлять что разбирательство по жалобамъ на скасованія можетъ послѣдовать только при дѣйствіяхъ повѣрочной комиссіи, которая по всей вѣроятности будетъ въ Добейской волости въ концѣ лѣта. Но я не ограничился одними этими объявленіями сходу: мнѣ еще предстояло переговорить съ ними объ одномъ важномъ предметѣ, о которомъ чуть ли не прежде всего я долженъ былъ говорить тогда въ каждой волости, гдѣ еще не была повѣрочная комиссія. Этотъ важный предметъ — оброчныя недоимки, ихъ по Добейской волости было накоплено очень много. Я сказалъ Добейцамъ что буду постоянно и слѣдить за уплатой ими оброковъ по уставнымъ грамотамъ, и понуждать ихъ къ тому, и строго взыскивать со старшины и сельскихъ старостъ въ случаѣ ихъ недѣятельности въ этомъ отношеніи.

Послѣ этого перваго посѣщенія мнѣ случилось еще два раза быть на короткое время на сходахъ въ Добейкахъ. Но въ срединѣ лѣта мнѣ довелось быть въ Добейкахъ и ночевать тамъ уже по особенному случаю, и тогда-то чуть ли не повстрѣчался я очень близко съ кѣмъ-то изъ шайки послѣдняго повстанца Оланьскаго.

Я ѣхалъ изъ Вижунской волости въ мѣстечко Олишты на Добейки, куда нужно было завернуть зачѣмъ-то, но лишь

на нѣсколько минутъ. Дѣло было къ вечеру, незадолго до заката солнца; но я надѣялся хорошо добраться до Оникшты, хоть бы и пришлось прихватить ночи. На бѣду подводчикъ попался плохой; мы очень медленно подвигались. Между тѣмъ воздухъ сталъ чрезвычайно душенъ: надвигались и клубились тучи какого-то страннаго изжелта-сизаго цвѣта; кругомъ все замѣтно потемнѣло.

— Буря будетъ, навѣрное. Въ это время всегда бури.... Опасно, какъ въ лѣсу застанеть.... Можетъ въ Добейкахъ прикажете остановиться? проговорилъ писмоводитель У—скій.

— Не ночевать же въ Добейкахъ: тамъ негдѣ. А грози начнется, верхъ подыметь у брички, отвѣчалъ я спокойно: бури здѣшнія мнѣ еще не были знакомы даже по слуху.

Однако я невольно оглянулся: мнѣ показалось что темно-та какъ-то неестественно быстро увеличивается. И вдругъ я увидалъ въ лѣвой сторонѣ, можетъ-быть въ полуверстѣ отъ дороги, сначала одного всадника, потомъ другаго. Одинъ стоялъ на самомъ гребнѣ довольно высокаго холма, другой же держался поодаль у подошвы холма, такъ что и мало былъ замѣтенъ, по крайней мѣрѣ для меня близорукаго.

— А вѣдь они какъ будто слѣдятъ за нами.... Да и одинъ мнѣ кажется вооруженъ: вонъ у него за плечами будто ружье торчитъ, замѣтилъ мой русскій писмоводитель З—въ.

Последнее обстоятельство, если только хорошо присмотрѣлся къ нему З—въ, было подозрительно: въ тогдашнее время во всемъ сѣверо-западномъ краѣ нельзя было встрѣтить людей съ ружьями, кромѣ развѣ Русскихъ. Но Русскіе не могли держаться тамъ, на холмѣ, въ сторонѣ отъ дороги,—вѣдь не охотники же это. Притомъ самое положеніе этихъ всадниковъ въ отношеніи насъ дѣйствительно походило на выслѣживание, на поджиданіе. Правда, между нами была равнина вся засѣянная рожью уже высоко поднявшеюся, черезъ которую доскакать до насъ было очень неудобно; но вѣдь намъ могли перерѣзать дорогу по какой-нибудь полевой тропинкѣ. А между тѣмъ до мѣстечка Добеекъ оставалось еще версты двѣ, пожалуй и болѣе. Окрестность была глухая: на дорогѣ никого, кромѣ насъ. Я приказалъ подводчику ѣхать скорѣе.

И оно кстати было не для того лишь чтобъ избавиться отъ предполагаемаго преслѣдованія какихъ-то всадниковъ.

Вѣтеръ сталъ дуть стремительно. Тучи еще болѣе закрубились и почернѣли; кругомъ стемнѣло, какъ будто совсѣмъ настала ночь.

Письмоводитель З—нъ проворно перебрался изъ брички на передокъ къ неловкому подводчику и сталъ шибко погонять лошадей. Мы лѣзли сломя голову, оттого больше что лошади были испуганы вихремъ и начавшеюся грозой.

Мы домчались до мѣстечка очень скоро, но не могли добраться до волостнаго правленія. Стало такъ темно что рѣшительно ни зги не было видно. Вихрь же чуть не опрокидывалъ нашу бричку. Лошади наши вдругъ круто повернули куда-то къ освѣщенному дому и мы неожиданно-негаданно очутились у дверей Добейской плебаніи, у которой тогда съ большими усиліями закрывались ставни.

Ксендзъ К—скій, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ замѣчательно-холоднымъ, тяжелымъ и даже не совсѣмъ пріятнымъ взглядомъ, но весьма образованный, судя по множеству книгъ которыя я видѣлъ у него въ нѣсколькихъ комнатахъ, принялъ насъ вѣжливо и пригласилъ ночевать у него непременно. И въ самомъ дѣлѣ, хотя буря бушевала не долго, нельзя было ѣхать далѣе: дождь лилъ какъ изъ ведра; темъ стояла страшная. Такъ мы и заночевали у ксендза. А на другой день, отправившись рано утромъ въ Оникшты, я только къ обѣду добрался туда: такъ завадило дорогу, шедшую въ нѣсколькихъ мѣстахъ по лѣсу, огромными съ корнемъ вырванными соснами. Не уцѣлѣть бы намъ еслибы вчерашній вихрь засталъ насъ въ лѣсу.

По можетъ-быть этому вихрю обязанъ я избавленіемъ отъ другой опасности. Конечно, навѣрное нельзя сказать кто были тѣ всадники которыхъ мы вчера видѣли; но судя по тому что они замѣтно слѣдили, какъ-будто поджидали насъ, особенно и по тому что одинъ изъ нихъ былъ вооруженъ, можно не безъ основанія подумать что это были личности очень подозрительныя.

Недѣли чрезъ три послѣ того, въ августѣ 1865 года, я познакомился близко съ Добейскою волостью, съ людьми въ ней живущими, и съ землей на которой они жили. Повѣрочная коммиссія, дѣйствовавшая подъ предсѣдательствомъ г. Высоцкаго, окончивъ свои работы въ Свядосцьской волости только по одному имѣнію, вдругъ почему-то переѣхала въ Добейскую волость, гдѣ и пробыла недѣли двѣ. Какъ

членъ комиссіи на время ея дѣйствій въ моемъ участкѣ, я конечно долженъ былъ оставаться при ней, и изрѣдка, лишь на короткое время, могъ отлучаться въ ближайшія волости.

Мы всѣ со своими письмоводителями и съ землемѣрами помѣстились въ имѣніи Окнисты, окончательно конфискованномъ въ казну (за весьма дѣятельное участіе владѣльца его, Еленскаго, въ послѣднемъ мятежѣ: говорили что этотъ молодой человекъ, сынъ помѣщика, извѣстнаго во всемъ краѣ изъ-за своей *старой вудки*, былъ членомъ Виленскаго революціоннаго „жонда“). Въ Окнистахъ намъ было удобно: въ полномъ нашемъ распоряженіи былъ цѣлый довольно просторный домъ. Но по правдѣ сказать мы жили тутъ не безъ тревоги: въ темныя августовскія ночи, бывало, все какъ-то чудилось что вотъ-вотъ нагрянуть къ намъ воюки изъ шайки Опаньскаго, хотя въ это самое время человекъ пять или шесть изъ этой шайки были уже пойманы, а остальные и самъ Опаньскій, по слухамъ, совсѣмъ покинули Вилкомирскій уѣздъ.

Къ этому невольному страху настраивалъ насъ, пожалуй, и панскій домъ въ Окнистахъ. Его стоить описать съ нѣкоторою подробностью.

Начну впрочемъ не съ него, а съ усадьбы.

Она представляла всѣмъ своимъ видомъ нѣчто въ высшей степени хаотическое. Ни малѣйшаго порядка въ расположеніи довольно многочисленныхъ построекъ не замѣчалось, всѣ онѣ были не подъ рукою; а притомъ, въ короткое время конфискаціи, обвалились онѣ просто на удивленіе...

Въ Окнистской усадьбѣ было два помѣщичьихъ дома: одинъ, деревянный, старый и большой, гдѣ жилъ еще не такъ давно обладатель пресловутой вудки,—былъ наглухо заколоченъ, ужъ не знаю почему: по совершенной ли негодности къ житію въ немъ, или потому что тамъ находились какія-нибудь особенныя конфискованныя вещи; другой, въ которомъ мы тогда помѣстились, былъ каменный, двухъ-этажный, недавней постройки, гораздо меньше перваго, деревяннаго. Къ нему примыкалъ большой плодовый садъ. Онъ былъ густъ и тѣнистъ. Во всю ширину его протекала быстрая, свѣтлая рѣчка. Но въ какомъ запущеніи онъ былъ! Всѣ дорожки такъ заросли что стали почти непримѣтны; земляная насыпь и изгородь вокругъ всего сада во

многихъ мѣстахъ разорены совершенно; много плодовыхъ деревьевъ, яблонь и грушъ-*санъжанокъ*, или засохли совсѣмъ, или стояли съ обломанными вѣтвями, съ попорченными стволами. Несомнѣнно что этотъ обширный, долго взращиваемый и береженный садъ еще недавно былъ прекрасенъ. Мнѣ было очень жаль смотрѣть на него: добро бы онъ одичалъ только; нѣтъ, тутъ просто разореніе.

Каменный домъ главнымъ фасадомъ своимъ былъ обращенъ прямо въ садъ. Въ нижнемъ этажѣ его помѣщались какіе-то подвалы, и врядъ ли для склада чисто домашнихъ принадлежностей. Мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть эти подвалы, но нельзя было: они были залпты. Войдя чрезъ утлое, полуразвалившееся, безъ перилъ, крыльцо въ небольшія сѣни, вы уже нѣсколько подготовлялись къ чему-то особенному, — всѣ сѣни были украшены рыцарскою арматурой, изображенною *аль-фреско*. Затѣмъ лѣвая, какъ-разъ за сѣнями, комната, не передняя, а какъ бы зала, совершенно поражала всѣмъ своимъ видомъ. Вопервыхъ, при входѣ въ нее нельзя было не подивиться уже тому что она, повидимому, не имѣла никакого сообщенія съ остальною внутренностью втораго этажа, между тѣмъ какъ очевидно было что пространствомъ своимъ она не могла занимать болѣе какой-нибудь четвертой части этажа: кромѣ двери изъ сѣней, другихъ дверей въ эту первую комнату нигдѣ не замѣчалось, да и другаго входа въ домъ нигдѣ тоже не было; во вторыхъ, три сѣны первой комнаты были украшены картинами, написанными тоже *аль-фреско*, но только гораздо лучше чѣмъ въ сѣняхъ. Всего было шесть картанъ, по двѣ на каждой сѣнѣ, по бокамъ двухъ шкаповъ наполненныхъ до половины книгами. Чрезъ эти-то шкапы и было сообщеніе со внутренностью втораго этажа: приподнявъ отъ полу, — на что требовалось нѣкоторое усиліе, — нижній край каждаго шкапа, можно было открыть входъ въ остальные три комнаты, по величинѣ своей почти равныя первой.

Картины были замѣчательны, однако не въ равной степени. Двѣ, что прямо протавъ входъ, изображали простые виды: на одной картинѣ — Замковая гора, въ Вильнѣ; на другой — видъ какой-то красивой мѣстности, можетъ-быть долины Мицкевича, въ Ковно, не въ теперешнемъ ея состояніи. За то остальные четыре картины были очень тенденціозны.

Слѣва отъ входа изъ сѣней картина представляла бѣдную крестьянскую хатку. На лавочкѣ у хатки — хозяинъ ея, ло-

жилой человекъ, въ одеждѣ польскаго крестьянина; къ нему подходятъ два ангела: то—миѳическій король Польши, Пясть, котораго небесные посланники извѣщаютъ объ избраніи на престолъ. Справа, по другую сторону отъ входной двери, на картинѣ—могила съ простою плитой, на которой высѣчена буква N; у чугунной рѣшетки окружающей могилу двѣ фигуры, въ польскихъ кунтушахъ, колѣно-преклоненныя, со сложенными молитвенно руками: то—могила Наполеона I, на островѣ Св. Елены; а фигуры, разумѣется, Поляки, обоготворившіе этого *благодѣтеля* Польши. На третьей стѣнѣ первая картина изображаетъ стѣны огромнаго, укрѣпленнаго города, съ башнями, съ бойницами, но съ отворенными настежь воротами; у воротъ толпы борода-тыхъ людей, которые, стоя на колѣнахъ, униженно просятъ о пощадѣ подсакивающего къ нимъ на борзомъ конѣ рыцаря со свитой изъ крылатыхъ латниковъ: то—побѣжденные Кіевляне и польскій король Болеславъ Храбрый. Другая картина представляетъ знаменитое свиданіе короля Польскаго Яна Собіесскаго съ императоромъ Леопольдомъ, но не согласно преданіямъ исторіи и разказу самого короля, столь скромнаго въ торжествѣ своемъ, а какъ подсказывала панская пыха: на картинѣ императоръ привѣтствуетъ избавителя Вѣны приложеніемъ руки къ шляпѣ, польскій же король въ отвѣтъ на это привѣтствіе надменно локручивается свой огромный усь.

Въ слѣдующей по главному фасау дома комнатѣ не было ничего замѣчательнаго. Но въ третьей олятѣ были шкапы съ книгами (уже настоящіе шкапы, а не потайныя двери) и олятѣ картины: два портрета Наполеона Перваго и портретъ какого-то польскаго улана.

Портретъ изображалъ повидимому не какого-нибудь знаменитаго Поляка, а простаго пана служившаго въ Наполеоновыхъ войскахъ и недалеко въ чинахъ ушедшаго,—можетъ-быть самого обладателя пресловутой старой вудки. Въ художественномъ отношеніи картина была весьма плохаго достоинства, но—странно, лицо улана чрезвычайно ярко выдавалось на картинѣ. И что за лицо! Какое жесткое, нахальное выраженіе! какіе жестокіе, злые глаза! Художникъ ни мало не польстилъ своему оригиналу.

Книжные шкапы были заперты и за казенными печатами. Впрочемъ можетъ-быть тамъ не было ничего замѣчательнаго:

по крайней мѣрѣ сквозь верхнюю, со стеклами, половину шкаповъ видѣлись все лишь романы на польскомъ и на французскомъ языкахъ. Но вотъ какъ-то я замѣтила что съ одного шкала торчатъ бумага и книги въ старыхъ кожаныхъ переплетахъ. Подмостившись, я достала съ этого шкала много такого чѣмъ дорожилъ бы всякій археологъ: тутъ старые инвентари королевщины и множество старыхъ юридическихъ и другихъ интересныхъ въ археологическомъ отношеніи документовъ: и многое изъ всего этого было писано на старорусскомъ языкѣ, что для мѣстности какова Ковенская губернія было по истинѣ замѣчательно. По дальнѣйшимъ моимъ разысканіямъ и на другихъ шкалахъ оказались такія же бумаги и книги.

Конечно, я только поверхностно перебрала мою находку; разбирать ее въ подробности и нѣкогда было, да и незачѣмъ, такъ какъ я была не записной археологъ, а мировой посредникъ. Я сдѣлала только одно: въ первую же поѣздку мою въ Вильну передала кому слѣдуетъ о случайной моей находкѣ въ Окнистахъ, и отъ учебнаго округа скорехонько былъ командированъ П. А. Гильдебрантъ, для пріема всего тамошняго книжнаго и рукописнаго запаса *.

* Кстати скажу: случай доставилъ мнѣ возможность и еще два раза сослужить службу для русско-литовской археологіи: въ 1866 году, поселясь въ усадьбѣ конфискованнаго имѣнія Езеры, помѣщика Валуцкаго, я увидалъ, въ разныхъ мѣстахъ, сваленными въ кучи, массы книгъ, рукописей и бумагъ, въ которыхъ многое, и по поверхностному обзору, оказывалось весьма интереснымъ; при первомъ же случаѣ, я разказалъ объ этомъ попечителю Виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилову; въ слѣдующемъ году я съ радостью увидалъ что и эта моя находка не погибнетъ: за нею былъ присланъ А. В. Рачинскій; отъ него, какъ знатока дѣла, я слышала что собраніе книгъ, рукописей и бумагъ принятое имъ изъ усадьбы Валуцкаго чрезвычайно цѣнно, потому что оно происходитъ несомнѣнно изъ библіотеки и архива знаменитаго литовскаго канцлера Яна Салты и заключаетъ въ себѣ весьма важные историческіе документы, разъясняющіе жизнь русско-литовскаго края съ половины XIV и до конца XVII столѣтій. Затѣмъ, въ 1868 году, мнѣ удалось открыть въ мѣстечкѣ Лысковѣ, Волковысскаго уѣзда, въ нежилыхъ комнатахъ дома отведеннаго подъ помѣщеніе церковнаго причта и сельской школы, огромный складъ книгъ, принадлежавшихъ упраздненному Лысковскому Базиліанскому мона-

Во время нашего пребыванія въ имѣніи Окнистахъ я навѣщалъ Добейское волостное правленіе очень часто, чуть не ежедневно и, конечно, надѣвъ этимъ довольно и старшинъ, и писарю. Но и они не угодили мнѣ, первый своею совершенною тупостью, а второй тѣмъ что возбуждалъ во мнѣ невольныя подозрѣнія. Впрочемъ по внимательной повѣркѣ, все оказывалось исправнымъ и я считалъ несправедливымъ не только смѣстить писаря съ должности, но даже и перевести въ другую волость.

Впрочемъ, въ концѣ сентября, я чуть-было не удалилъ его, сильно заподозривъ что онъ имѣетъ вредное вліяніе на наставника С—на.

Этотъ наставникъ, человѣкъ въ высшей степени добрый и кроткій, отличался большимъ усердіемъ къ своему школьному дѣлу. Но грѣха таить нечего, онъ былъ нѣсколько склоненъ къ выпивкѣ.

Кстати сказать, эта наклонность къ при тѣхъ условіяхъ жизни въ какихъ находились тогда наставники сельскихъ школъ сѣверо-западнаго края, особенно же Ковенской губерніи, на мои глаза, была до нѣкоторой степени извинительна. Въ самомъ дѣлѣ, каково было человѣку, весьма молодому, далеко еще неокрѣпшему характеромъ, а притомъ оторванному разомъ отъ всей своей прежней обстановки, жить постоянно посреди людей по всему для него чуждыхъ: по вѣрѣ, языку, обычаямъ, даже по костюму и обличью, людей враждебно къ нему расположенныхъ и вражды своей предъ нимъ даже не скрывающихъ? Съ такими людьми бѣдный наставникъ не могъ и самъ сблизиться, да и они не пошли бы на сближеніе. Наставнику тутъ не съ кѣмъ было и перемолвиться словомъ по душѣ. Правда, предъ нимъ было дѣло серьезное, достойное того чтобы прилѣпиться къ нему всемъ сердцемъ; но этимъ дѣломъ можно было заниматься далеко не весь годъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ ученіе по сельскимъ школамъ начинается, обыкновенно, съ конца сентября, да и то съ грѣхомъ пополамъ, потому что мальчики еще нужны тогда отцамъ-хозяевамъ для пастьбы скота; оканчивается же ученіе всегда къ половинѣ марта, то-есть, къ началу пастьбы скота; стало-

стырю. Складъ этотъ, по указанію моему на него, тоже былъ взятъ въ Виленскую публичную бібліотеку. О достоинствахъ его я ничего не слыхалъ и не знаю.

быть, сельскіе наставники остаются болѣе полугода при своихъ школахъ безо всякаго занятія. Чѣмъ же существенно интереснымъ для нихъ могли бы они наполнить свое досужное время? Инспекторы народныхъ школъ предлагаютъ наставникамъ собирать, на досугѣ, статистическія свѣдѣнія, народныя пѣсни, пословицы, сказки, преданія, а также описывать народные обычи, черты крестьянскаго быта. Все это было бы прекрасно; но для такихъ занятій, хоть бы и по толково составленнымъ программамъ, требуется большая подготовленность, нужно хорошо умѣть и собирать отовсюду факты и разбираться въ ихъ разнообразіи, нужно также умѣть и обходиться съ людьми отъ которыхъ можно получить свѣдѣнія, нужно наконецъ имѣть нѣкоторый навыкъ къ литературному изложенію. Словомъ, мало ли что желательно, да неисполнимо. Кстати: я видалъ не разъ труды наставниковъ по собранію разныхъ вышеуказанныхъ свѣдѣній; все это было весьма плохо, просто ни на что не годилось и, конечно, не недостатокъ усердія наставниковъ тутъ виною. Я тоже старался наполнить чѣмъ-нибудь дѣльнымъ праздное время этихъ молодыхъ людей; такъ, если открывалось вакантное мѣсто писаря въ волости, я не слѣшилъ замѣстить его со стороны, а всегда приглашалъ наставника заняться покада дѣлопроизводствомъ въ волостномъ правленіи; но разумѣется, такіе случаи бывали рѣдко. Зитѣмъ, въ тѣхъ же видахъ помощи наставникамъ, я убѣждалъ волостные сходы выписывать педагогическіе журналы и хоть *Виленскій Вѣстникъ*, и кромѣ того, при каждомъ объѣздѣ волостей, развозилъ свои историческія книги для чтенія. А все-таки, и у меня въ участкѣ, изъ-за празднаго времени у наставниковъ выходили непріятные случаи: такъ въ Вижунской волости, несчастный молодой человѣкъ слился до бѣлой горячки.

Добейскаго наставника, за его добрыя качества, за его несомнѣнное усердіе къ своему дѣлу, я очень любилъ. И вотъ, съ горькимъ чувствомъ, я увидалъ что и этотъ молодой человѣкъ какъ-будто начинаетъ сбиваться съ луты. Мнѣ показалось что это не даромъ, что его должно-быть кто-нибудь да соблазняетъ. Подозрѣнія мои опять-таки пали на писаря, хотя и никогда не подмѣчалъ я въ немъ склонности къ выпивкѣ. Но если самъ писарь былъ воздерженъ и трезвъ, а человѣка живущаго съ нимъ подъ одной крышей соблазнялъ къ невоздержности, то это выходило уже

совсѣмъ дурно и отзывалось злоумышленіемъ. Однако явнаго ничего замѣтно не было и мнѣ пришлось остаться при подозрѣніяхъ. Новое обстоятельство отвлекло мое вниманіе въ другую сторону.

Осенью 1865 года, вышія въ краѣ и въ Ковенской губерніи начальства отнеслись къ мировымъ посредникамъ съ требованіемъ о наблюденіи чтобы въ народныхъ школахъ римско-католическій катихизисъ преподавался на русскомъ языкѣ (почему и были разосланы всюду такіе катихизисы); По правдѣ сказать, обязанность эта для мировыхъ посредниковъ была трудна и непріятна. Приказывать ксендзамъ, законоучителямъ въ народныхъ школахъ, конечно, было нельзя; а убѣждать ихъ, оказывалось совершенно безплоднымъ. Начать съ того что ксендзы отличные діалектики; у нихъ есть свои доказательства которыми они орудуютъ чрезвычайно ловко. Мнѣ по крайней мѣрѣ не удалось убѣдить ни одного ксендза къ преподаванію римско-католическаго катихизиса на русскомъ языкѣ. Особенно же неудачными были мои убѣжденія въ Добейской волости.

Сначала ксендзъ К—скій, настоятель Добейскаго костела, отфлывался одними уклончивыми отзывами въ родѣ того что онъ не знаетъ какъ тутъ и быть, ибо не имѣетъ 'будто бы на счетъ этого предмета никакого разрѣшенія со стороны ковенскаго католическаго епископа Волончевскаго; а потомъ онъ сталъ увѣрять что дѣло даже и не относится къ нему, такъ какъ преподаваніе катихизиса въ школѣ возложено епархіальнымъ начальствомъ на викарія П—ча; наконецъ мнѣ уже и не удавалось вовсе переговорить съ ксендзомъ настоятелемъ: пріѣзжая, бывало, въ Добейки, я все какъ-то не заставлялъ его дома. А между тѣмъ наставникъ С—нъ сообщилъ мнѣ однажды въ Вилкомирѣ что оба ксендза, съ нимъ болѣе чѣмъ со мною откровенные, на прямки ему заявляли что они отнюдь не станутъ преподавать катихизисъ на русскомъ языкѣ, и если на томъ будетъ настаивать русское начальство, то лучше совсѣмъ откажутся отъ сельской школы.

Вскорѣ послѣ того, пріѣхавъ въ Добейки и какъ водится посѣтивъ со сходомъ школу, я услышалъ отъ наставника что ксендзы уже недѣли двѣ-три вовсе не заглядываютъ въ нее. Поэтому я рѣшился захватить въ плебанію и серьезно переговорить съ настоятелемъ К—скимъ насчетъ этого

уклоненія отъ школы. Но К—скаго опять не было дома. За то ксендзъ-викарій П—чъ находился налицо. Онъ принималъ меня съ необыкновенною учтивостью и собрался было угощать „гербатой“; но мнѣ было не до „гербаты“. Я тотчасъ же высказалъ ему изъ-за чего собственно заѣхалъ я теперь въalebанію.

Викарій чуть-чуть и какъ-будто робко улыбаясь проговорилъ что точно ему локуда поручено преподавать катихизисъ въ Добейской школѣ.

— Но не объ этомъ рѣчь, а вотъ о чемъ, замѣтилъ я:—я слышалъ что вы рѣшительно отказываетесь посѣщать школу; позвольте узнать, почему это такъ?

— Господинъ полковникъ, отвѣчалъ онъ все съ тою же улыбочкой (кстати: Поляки никакъ не могутъ отказаться отъ удовольствія повеличать своихъ собесѣдниковъ какими-нибудь титулами),—господинъ полковникъ може самъ размыслить что никакъ тѣго не можно...

— Да почему же? Я не понимаю...

— А такъ, не можно... Катихизисъ на языкѣ польскомъ... На то есть правила...

— Но позвольте, позвольте...

И увлекшись желаніемъ убѣдить окончательно молодого викарія, который, какъ мнѣ показалось по его несвязнымъ выраженіямъ, самъ не имѣлъ строго-опредѣленной мысли о предметѣ нашего разговора, я пустился доказывать ему что, вопервыхъ, преподаваніе катихизиса на русскомъ языкѣ нисколько не противно римско-католической религіи, а вовторыхъ, чрезъ таковое преподаваніе литовскіе мальчишки гораздо скорѣе выучатся русскому языку, на которомъ писаны законы освободившіе и здѣшній народъ отъ крѣпостной зависимости, законы опредѣляющіе всѣ его права и обязанности при новой его гражданской жизни, а этому онъ-то, викарій П—чъ, долженъ бы особенно сочувствовать.

— Что ланъ полковникъ хочетъ сказать этимъ? произнесъ уже на чистомъ польскомъ языкѣ викарій, лицо котораго вдругъ ярко вспыхнуло, а голосъ явственно дрогнулъ и изъ чрезвычайно мягкаго, лстиваго, сдѣлался жесткимъ и почти грубымъ.

— Но мнѣ извѣстно, гослодинъ викарій, отвѣчалъ я,—что вы сами происходите изъ литовскаго народа; а поэтому я и полагаю что вы должны бы сочувствовать такому направле-

нію народнаго образованія, при которомъ народъ, или по крайней мѣрѣ ближайшее къ намъ поколѣніе его, можетъ ознакомиться съ языкомъ нашего общаго русскаго отечества.

Онъ не сразу отвѣчалъ. Онъ видимо хотѣлъ сдержать свое волненіе. Однако, судя по отвѣту, все-таки не сдержался.

— Цвѣтъ полковникъ хочетъ оскорбить меня... А, такъ!.. глухо проговорилъ онъ олять по-польски.

Явно стало для меня что продолжать разговоръ уже нѣтъ никакой возможности. Я сказалъ викарію что, напомнивъ кстати о его происхожденіи, я конечно ни малѣйше не думалъ задѣтъ его чѣмъ-нибудь, и тотчасъ же оставилъ плетень, въ которую послѣ того уже никогда не рѣшался заглянуть.

Перехожу теперь къ разказу о чрезвычайно-непріятномъ происшествіи въ которомъ Добейскіе писарь и старшина оказались, — хотя кажется и не въ одинаковой степени, — людьми весьма вредными для волости.

Дѣло было въ самомъ началѣ 1866 года. 2 или 3 января я пріѣхалъ въ Добейское волостное правленіе для провѣрки рекрутскихъ назначеній. Весь день прошелъ въ тяжелой работѣ и я окончилъ ее уже около полуночи. Куда жъ еще было ѣхать въ такую позднюю пору, да и ночь была очень холодная; метель тоже разыгрывалась. Но и ночевать въ Добейскомъ волостномъ правленіи было жутко: какъ свалилъ народъ, сборная горница вдругъ совсѣмъ остыла, а смрадъ чрезвычайный все-таки въ ней остался. Я велѣлъ было моему Адольфу осмотрѣть комнату пицаря — нельзя ли тамъ примоститься для ночлега; однако оказалось что никакъ нельзя: тамъ гнѣздилося многое - множество клоповъ, было гораздо грязнѣе чѣмъ въ сборной горницѣ послѣ многочисленнаго схода. Приходилось расположиться въ сборной. И вотъ придвинули къ печи огромный канцелярскій столъ, и на немъ Адольфъ началъ мнѣ готовить походную постель. Между тѣмъ чтобы посогрѣться нѣсколько я сталъ быстро ходить по горницѣ, и тутъ вдругъ замѣтилъ, во-первыхъ, что двойныхъ рамъ въ окнахъ нѣтъ, хотя я нѣсколько разъ приказывалъ старшинѣ изготовить ихъ непремѣнно, а во-вторыхъ, что какой-то сундукъ стоитъ въ углу какъ разъ между входною изъ сѣней дверью и окномъ прямо выходящимъ въ поле. Сдѣлавъ выговоръ старшинѣ за неисполненіе моего приказанія на счетъ рамъ, я спросилъ его: что это за сундукъ стоитъ тамъ въ углу?

— А денежный сундукъ, отвѣчалъ онъ.

— Да развѣ мѣсто ему тамъ? Его такъ украдутъ пожалуй отсюда и чрезъ дверь, и чрезъ окно въ которомъ нѣтъ двойной рамы, возразилъ я.

— Какъ можно; сторожъ есть при волостномъ правленіи; писарь тоже подлѣ спитъ...

— Сторожъ гдѣ спитъ?

— Въ кухнѣ... не то—въ школѣ...

— Стало-быть денежный сундукъ у васъ далеко не въ безопасномъ положеніи; и сторожъ, и писарь могутъ такъ разослаться что и не услышать какъ влѣзутъ сюда за сундукомъ...

— Не извольте беспокоиться, вдругъ прервалъ меня писарь:—въ денежномъ сундукѣ самыя малыя деньги.

— А какъ малыя?

— Сто восемьдесятъ три рубля съ копейками... только-съ...

— Это для васъ можетъ-быть малыя деньги, а для меня такъ и очень большія... Завтра же перенести денежный сундукъ въ безопасное мѣсто, на примѣръ хоть въ вашу комнату, въ которой окно, какъ я замѣтилъ, съ двойною рамою; да пусть и сторожъ-то спитъ всегда поближе къ сундуку. Въ вашемъ волостномъ правленіи надо имѣть особенныя предосторожности въ отношеніи общественныхъ денегъ: какъ-таки не помнить что отсюда однажды уже похитили большую сумму?..

Уѣзжая на другой день изъ Добеекъ я даже повторилъ приказаніе на счетъ денежнаго сундука. Но предусмотрительность моя чуть ли не ускорила преступленіе.

11го или 12го января уцянской волостной писарь Лакида, пріѣхавъ въ Вилкоміръ по рекрутскимъ дѣламъ, сообщилъ мнѣ между прочимъ что въ Добейкахъ, дескать, неблагополучно: обокрали волостное правленіе.

— Да когда жъ это было? Вѣдь я самъ недавно оттуда, сказалъ я.

— А вотъ какъ вы уѣхали, отвѣчалъ Лакида, — тамошнее волостное правленіе тотчасъ же опять созвало сходъ и стало собирать на слѣхъ оброки, подушныя, мірскія деньги. Слышно, крестьянъ очень принуждали... Да такъ-то за одинъ день насобирали слишкомъ двѣ тысячи рублей. А въ ночь эти самыя деньги и покрадены...

Я не хотѣлъ вѣрить такой новости. Изъ Добейскаго волостнаго правленія я никакого донесенія не имѣлъ; а между

тѣмъ, судя по разказу Лакиды, покража денегъ случилась назадъ тому съ недѣлю: уже повтому новость казалась мнѣ крайне сомнительною. Но Лакида разказалъ мнѣ далѣе такія подробности что уже приходилось поневолѣ повѣрить. По этимъ подробностямъ происшествіе сложилось въ слѣдующемъ видѣ: кража совершилась не въ позднее время ночи, а съ вечера, когда писарь и старшина уѣхали куда-то на мѣстечко, въ баню что ли, а въ волостномъ правленіи на ту пору оставались только сестра писаря, жившая всегда въ кухнѣ, да крестьянникъ-батракъ, въ ожиданіи разбирательства на волостномъ судѣ о какомъ-то его проступкѣ находившійся тутъ на такъ-называемомъ „вольномъ арестѣ“, сундукъ съ прежними и только-что собранными деньгами былъ вытащенъ прямо въ дверь и разбитъ въ полѣ, сзади племени и не подалеку отъ нея; какъ видно, тутъ слѣшили почему-то распорядиться съ сундукомъ: на другой день между разсыпанными по сѣнгу бумагами, что хранились въ сундукѣ, нашли двѣ лачки кредитныхъ билетовъ въ двѣсти рублей. Происшествіе, по разказу Лакиды, сопровождалось весьма замѣчательными обстоятельствами. Волостное правленіе залодозрило въ кражѣ сундука именно того батрака, „вольнаго арестанта“, да и распорядилось съ нимъ поистинѣ варварски: чтобы вынудить отъ него признаніе въ преступленіи, несчастнаго, связавъ за руки и за ноги, *подъшивали* будто бы къ потолку въ сборной горницѣ; и мало того: старшина будто бы хотѣлъ пытать его огнемъ, но раздумалъ, такъ какъ подобная мѣра могла оставить слѣды...

Изъ всего этого выходило, очевидно, дѣло чрезвычайно важное. Я тотчасъ же кинулся къ военному начальнику, къ исправнику, въ мировой сѣздъ. Немедленно командированы были съ разныхъ сторонъ чиновники для дознанія и разслѣдованій, и въ эту же ночь они выѣхали на мѣсто. Можетъ-быть эти быстро принятыя мѣры и поправили нѣсколько бѣду: по крайней мѣрѣ несчастный батракъ избавленъ былъ отъ дальнѣйшихъ истязаній, да и часть денегъ была найдена въ закрытой корчмѣ лана Гротковского. Она составляла ровно третью долю изъ всей похищенной суммы, почему можно предполагать что въ лохищеніи участвовало трое. Что раскрылось собственно о покражѣ денежнаго сундука изъ Добейскаго волостнаго правленія, а также подтверди-

лось ли по слѣдствію про истязанія батрака—я не знаю, потому что слѣдствіе почему-то очень затянулось, и я уѣхалъ изъ Вилкомирскаго уѣзда (въ іюнѣ 1866 года), а оно все еще не было окончено; впрочемъ, хоть и не знаю навѣрное, а какъ-то думается что писарь вышелъ цѣлехонекъ изъ этой исторіи... Но вотъ что хорошо мнѣ извѣстно: исторія съ сундукомъ послужила какъ бы воровскою закваской въ Добейской волости: мѣсяца чрезъ два послѣ того сторожъ при волостномъ правленіи вздумалъ собирать съ крестьянъ подушныя, но къ счастью повелѣ дѣло неловко и скорехонько попался.

Заканчивая разказъ о Добейской волости, я долженъ кончиться класса народонаселенія въ сѣверо-западномъ краѣ заслуживающаго особаго вниманія. Классъ этотъ—пришлые сюда люди, русскіе старообрядцы.

Въ моемъ участкѣ ихъ было немного, всего двѣсти съ чѣмъ-то душъ. Они проживали во всѣхъ волостяхъ, но по большей части держались въ Овантской, Уцянской, Оникшинской и особенно въ Добейской. Кстати замѣчу что въ этой послѣдней волости изстари жилъ ихъ главный уставщикъ, человѣкъ очень хорошій, но кажется не пользовавшійся среди нихъ большимъ вліяніемъ, можетъ-быть потому именно что недалеко оттуда имѣлъ постоянное мѣстожителство въ своемъ имѣніи тотъ богатый купецъ Холстовъ о которомъ я уже много говорилъ.

Извѣстно сколько претерпѣли старообрядцы во время послѣдняго польскаго мятежа за то что повсюду и всегда оставались истинно вѣрными, твердыми русскими людьми. Къ счастью имъ удалось сохранить за собою къ тому времени какъ смута начала замирать въ краѣ тѣ мѣста гдѣ они жили до мятежа. Фактъ объясняется особенною твердостью этихъ людей, ни за что не хотѣвшихъ покинуть свою осѣдлость созданную постояннымъ, тяжелымъ трудомъ. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ, они сами помогли себѣ; но и предусмотрительное вниманіе тогдашняго высшаго управленія въ краѣ пришло къ нимъ на помощь тоже вовремя. Въ 1864 году издано было отъ главнаго начальника края М. Н. Муравьева распоряженіе которымъ рѣшительно воспрещалось польскимъ помѣщикамъ прогонять старообрядцевъ съ земель на которыхъ жили они у нихъ до мятежа, а выѣстъ съ тѣмъ не позволялось возвышать и прежней арендной платы съ тѣхъ земель. Съ тѣхъ поръ положеніе старообряд-

цевъ въ сѣверо-западномъ краѣ если и не улучшилось значительно, то по крайней мѣрѣ должно было признаваться существенно прочнымъ. На бѣду вышеупомянутое распоряженіе оказывалось на практикѣ неопредѣленнымъ во многомъ.

Такъ, напримѣръ, въ немъ не указывалось: должны ли быть заключаемы, и на какихъ именно основаніяхъ, письменныя условія на наемъ земель старообрядцами у помѣщиковъ; при какихъ тоже случаяхъ возможны нѣкоторыя льготы въ уплатѣ арендныхъ денегъ; наконецъ какія послѣдствія могли возникать для сторонъ изъ-за нарушеній условій о наймѣ земель, если напримѣръ наниматель станетъ вовсе уклоняться отъ уплаты аренды.

Надо думать что эта неопредѣленность въ столь важномъ распоряженіи зависѣла отнюдь не отъ послѣдности въ принятіи мѣръ къ обезпеченію быта старообрядцевъ въ краѣ: такой администраторъ, каковъ былъ генераль Муравьевъ, конечно не на слѣхъ, не безъ обдуманной предусмотрительности, распоряжался въ этомъ отношеніи; а это зависѣло отъ того что, вопервыхъ, по всей вѣроятности, тогда были уже въ виду общія широкія мѣры по водворенію во всемъ сѣверо-западномъ краѣ русскаго землевладѣнія, причемъ предполагалось сдѣлать что-нибудь и для старообрядцевъ; а вовторыхъ можетъ-быть и то что на счетъ этихъ русскихъ людей имѣлись у тогдашней администраціи свѣдѣнія лишь о ихъ испытанной въ опасные моменты преданности правительству, о ихъ готовности жертвовать изъ-за этой преданности не только всѣмъ достояніемъ, но и жизнью, но не было хорошо извѣстно ихъ гражданское и экономическое положеніе въ краѣ, именно: на какихъ условіяхъ арендуются ими помѣщичьи земли, какъ устѣлись и живутъ они на этихъ земляхъ; да и собрать въ скоромъ времени такіа свѣдѣнія было крайне затруднительно. Впрочемъ, думается тоже что принятію рѣшительныхъ, во всемъ опредѣленныхъ мѣръ къ обезпеченію быта старообрядцевъ въ сѣверо-западномъ краѣ до нѣкоторой степени препятствовали тогда, пожалуй, и тѣ соображенія что старообрядцы явившіеся сюда въ качествѣ добровольныхъ изъ Россіи изгнанниковъ—не осѣдлый, а бродячій людъ въ краѣ; что ихъ не слѣдуетъ считать земледѣльческимъ классомъ мѣстнаго населенія, ибо всѣ они числятся мѣщанами разныхъ отдаленныхъ городовъ, по боль-

шей части прибалтійскаго края. Однако, рѣшаясь такимъ образомъ объяснять неопредѣленность вышеупомянутаго распоряженія, я говорю только предположительно, и на предположеніяхъ моихъ отнюдь не настаиваю.

Мнѣ неизвѣстно положительно какъ выразилась на практикѣ, во время управленія генераль-губернатора Муравьева, эта неопредѣленность его распоряженія. Впрочемъ можетъ-быть на первыхъ порахъ она не замѣчалась даже ни съ чьей стороны; а можетъ тогда было достаточно и того дабы повсюду польскіе помѣщики знали что они уже не могутъ произвольничать съ русскими арендаторами своихъ земель. Но въ промежутокъ между выбытіемъ изъ края генерала Муравьева и прибытіемъ туда новаго генераль-губернатора, оказались неожиданныя послѣдствія: слышно было что вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ польскихъ помѣщиковъ на старообрядцевъ распоряженіе Муравьева было приостановлено будто бы въ своемъ дѣйствіи, и что въ этотъ довольно короткий промежутокъ времени нѣкоторые старообрядцы лишились своихъ земельныхъ участковъ. Къ счастью, вскорѣ все пришло въ прежній порядокъ: новый начальникъ сѣверо-западнаго края уже въ началѣ мая 1865 года вполне подтвердилъ распоряженіе своего предшественника, безо всякихъ, впрочемъ, къ нему разъясненій, и такимъ образомъ прежняя его неопредѣленность ничуть не была устранена.

Дѣла по жалобамъ помѣщиковъ на старообрядцевъ, и также по жалобамъ послѣднихъ на первыхъ были предоставлены разбирательству мировыхъ посредниковъ. Надо правду сказать, обязанность эта была весьма не легкая и главнымъ образомъ благодаря старообрядцамъ. Почувствовавъ на дѣлѣ что въ настоящее время они состоятъ уже подъ сильнымъ покровительствомъ высшаго въ краѣ начальства, вникнувъ тоже, по всей вѣроятности, и въ самую неопредѣленность новыхъ своихъ отношеній къ помѣщикамъ, они часто стали уклоняться не только отъ своевременнаго взноса арендныхъ денегъ, но даже и совсѣмъ отъ уплаты аренды. Конечно, такіа уклоненія отзывались самоуправствомъ, хотя нельзя не признать и тутъ нѣкоторыхъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Волервыхъ, несомнѣнно что старообрядцы успѣлись первоначально на земляхъ здѣшнихъ помѣщиковъ при крайне стѣснительныхъ условіяхъ. Почти всегда имъ отводились для поселенія самыя худшія земли въ имѣніяхъ, именно тѣ дыр-

ваны, о которых мнѣ случилось упоминать. Выкорчевать дырванныя земли, сдѣлать ихъ удобными для земледѣльческаго издѣлыванія, это была работа по истинѣ египетская. Только крайняя нужда въ какой-нибудь оцѣдаости, только великая сила терпѣливаго русскаго человека могли браться за такой трудъ. Оцѣнка же этого труда, при первоначальной оцѣдѣ дырвановъ на выработку и подѣ поселеніе на нихъ, со стороны польскихъ помѣщиковъ была постоянно произвольна и несправедлива; да притомъ земли сдавались всегда безъ построекъ. Конечно, старообрядцы твердо помнили во что имъ обошлись и обработка земли, и возведенныя постройки; свою собственную оцѣнку всего этого они никакъ не могли согласить съ оцѣнкой помѣщичьею; конечно, еще тверже они помнили и про всѣ вытерпѣнныя ими утѣсненія; когда же стало имъ гораздо полегче, когда они увидали что русское въ край начальство дѣйствительно хочетъ имъ покровительствовать, — воспоминанія о прежнемъ горькомъ житьѣ-бытьѣ должны были пробудиться въ нихъ съ особенною силой: мнѣ думается что именно ото всего этого и стали они уклоняться отъ платежа аренды помѣщикамъ.

Ковенское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе по дѣламъ старообрядцевъ съ помѣщиками сначала строго придерживалось прямого смысла вышеупомянутыхъ генераль-губернаторскихъ распоряженій, то-есть ни въ какомъ случаѣ оно не допускало чтобы старообрядцы за неплатежъ аренды были смѣщаемы съ занимаемыхъ ими земель, но довольно скоро взглядъ его на эти дѣла существенно измѣнился: въ августѣ 1865 года оно издало общее постановленіе въ которомъ проводилась уже та мысль что старообрядцы упорно уклоняющіеся отъ платежа аренды могутъ быть удаляемы съ земель ими арендуемыхъ (разумѣется, по разборѣ дѣла и по постановленію мировыхъ посредниковъ). Должно-быть такое постановленіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія послѣдовало въ виду чрезвычайнаго накопленія помѣщичьихъ жалобъ, а пожалуй также и представленій отъ мировыхъ посредниковъ о томъ что они, посредники, не знаютъ какъ и быть со старообрядцами въ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Ужъ не знаю до какой степени было въ правѣ губернское по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіе дѣлать вышеозначенныя свои дополненія къ распоряженіямъ высшей власти въ край ка-

сающимся до обезпеченія быта цѣлаго класса народонаселенія; неизвѣстно мнѣ и то какъ практиковалось постановленіе Ковенскаго губернскаго присутствія въ разныхъ уѣздахъ этой губерніи, но врядь ли оно посодѣйствовало къ установкѣ правильныхъ отношеній между старообрядцами и помѣщиками.

У меня въ участкѣ по дѣламъ старообрядческимъ все обстоило благополучно. Правда, довольно много жалобъ отъ помѣщиковъ поступало и ко мнѣ, но все какъ-то скоро улаживалось. Только въ двухъ или трехъ случаяхъ я былъ въ немаломъ затрудненіи, но подъ конецъ и они разрѣшились удачно. Кстати замѣчу, всего болѣе дѣлъ по жалобамъ помѣщиковъ на старообрядцевъ я встрѣчалъ именно въ Добейской волости; тутъ одинъ помѣщикъ (бывшій предводитель дворянства въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, о чемъ онъ никогда не забывалъ упомянуть въ своихъ прошеніяхъ) давалъ мнѣ особенно много работы.

Живо помню, въ одномъ офиціальномъ собраніи бывшемъ въ Вилкомирѣ въ ноябрѣ 1865 года, лицо занимавшее значительный административный постъ въ Ковенской губерніи высказалось чрезвычайно рѣзко о старообрядцахъ всего сѣверо-западнаго края. Губернскій сановникъ самыми яркими красками обрисовалъ вредныя будто бы для общественнаго спокойствія свойства этихъ людей: ихъ сообщничество съ опасными бродягами же, которыхъ они принимаютъ и укрываютъ у себя съ большою охотой, ихъ постоянное стремленіе уклоняться во что бы то ни стало отъ исполненія своихъ обязанностей, ихъ часто дерзкое ослушаніе по отношенію къ требованіямъ и распоряженіямъ мѣстнаго начальства. Конечно тутъ было крайнее преувеличеніе во всемъ, а въ одномъ отношеніи и совершенная несправедливость: странно было въ высшей степени, напримѣръ, обвиненіе будто старообрядцы наклонны къ бродяжничеству; ужь въ чемъ нельзя было обвинять ихъ, такъ именно въ этомъ: напротивъ, они всегда чрезвычайно и во что бы то ни стало добивались имѣть осядлость; на дорого пріобрѣтенной и столь непрочной осядлости они всегда же держались изо всѣхъ силъ своихъ. Но губернскій сановникъ хотѣлъ построить всѣ свои обвиненія противъ старообрядцевъ главнымъ образомъ именно на склонности ихъ къ бродяжничеству. (Надо замѣтить что сановникъ этотъ былъ сильно предубѣжденъ противъ старо-

обрядцевъ вслѣдствіе такого случая, о которомъ мыъ разсказывали: однажды толпа этихъ русскихъ людей, выждавъ сановника у под'ѣзда его квартиры, подали ему какую-то просьбу, но онъ не принялъ ея; тогда просители довольно круто поговорили съ нимъ: „какъ же дескать это вотъ вы, русскій наибольшій чиновникъ въ губерніи, а приходимъ мы къ вамъ съ жалобой на обиды намъ великія, вы же ни выслушать насъ, ни принять нашей просьбы не хотите...“ Сановникъ до крайности разгнѣвался и даже распорядился о немедленномъ призывѣ воинской команды къ себѣ на помощь. Съ тѣхъ-то поръ онъ и не влюблялъ этихъ рѣчистыхъ людей.)

Мнѣ непріятно было слышать такой отзывъ о старообрядцахъ. Чрезвычайно хотѣлось возразить противъ него, хотя никакого права на то я не имѣлъ. Но вдругъ, къ удивленію моему, меня спросили: „какъ я думаю о старообрядцахъ сѣверо-западнаго края?“ И вотъ невзначай я сталъ въ положеніе защитника цѣлаго класса народонаселенія.

Я говорилъ довольно долго, горячо и, кажется, очень неосторожно. Но тутъ я уже не могъ не возразить противъ жестокаго отзыва о русскихъ людяхъ, которые еще такъ недавно много пострадали за свою вѣрность и преданность русскому дѣлу. А отзывъ былъ истинно жестокъ, и тѣмъ жесточе что въ немъ была-таки доля правды. Да! эти русскіе люди, съ великимъ горемъ переселившіеся въ край чужой имъ по всему, эти люди столь долго терпѣвшіе на чужбинѣ всяческое утѣсненіе, дѣйствительно иной разъ давали чувствовать что они озлоблены, ожесточены... Да развѣ можно было ждать отъ нихъ что они останутся всегда терпѣливыми, что бы съ ними ни творили, когда даже тѣ власти отъ которыхъ они могли надѣяться защиты будутъ чуть не травить ихъ на каждомъ шагу (напримѣръ, за перемѣну мѣстожителѣства для самыхъ мирныхъ цѣлей)?

На другой день, меня похвалили за горячую мою апологію. А не надо бы этихъ похвалъ. И безъ того было видно что я обмолвился...

Въ іюнѣ 1866 года я уже былъ переведенъ въ Гродненскую губернію. А незадолго до отъѣзда моего изъ Вилкомира пріѣзжалъ туда опять главный начальникъ края К. П. фонъ-Кауфманъ. О пріѣздѣ его было у насъ извѣстно еще заранее, и вотъ старообрядцы моего бывшего Вилкомирскаго участка попросили меня написать прошеніе для подачи ге-

пералъ-губернатору. Я, конечно, не уклонился отъ этого и постарался выразить, сколь возможно сжатѣе, все что надобилось для этихъ людей.

Привожу здѣсь цѣликомъ это прошеніе, благо оно коротко и достаточно ясно указываетъ на положеніе старообрядцевъ въ сѣверо-западномъ краѣ.

„Въ послѣдній мятежъ, писалъ я, многіе изъ старообрядцевъ, издавна живущихъ въ здѣшнемъ краѣ, пострадали всѣчески: польскіе мятежники, признавая въ нихъ русскихъ людей искренно и твердо преданныхъ великому государю и всероссійскому отечеству, преслѣдовали ихъ жестоко—разоряли, мучили, умерщвляли. Призналъ въ старообрядцахъ истыхъ русскихъ людей здѣсь полезныхъ и предмѣстникъ вашъ графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и защитивъ положилъ начало обезпеченію ихъ положенія. Ваше высокопревосходительство тоже благосклонно взглянули на старообрядцевъ и въ распоряженіи вашемъ 7го мая прошлаго года указали мѣры оставляющія ихъ на тѣхъ земляхъ которыя или отцами ихъ или же ими самими обращены изъ неудобныхъ, впустѣ лежавшихъ, въ удобныя, приносящія хорошій доходъ. Эту милость высоко дѣляютъ старообрядцы: она обезпечиваетъ въ настоящее время ихъ быть, ихъ земледѣльческій и сельско-промышленный трудъ.

„Но можно сказать что старообрядцы не угодны здѣшнимъ помѣщикамъ польскаго происхожденія. Подъ разными предлогами они стараются всегда, особенно же при великомъ наступленіи новаго экономическаго года (23 апрѣля), отдѣлываться отъ старообрядцевъ вовсе или же отягощать ихъ теперешнее положеніе. Вообще нельзя ожидать чтобъ эти помѣщики стали смотрѣть на нихъ благопріятно какъ на арендаторовъ трудомъ своимъ улучшающихъ земли ихъ и приносящихъ имъ возможную пользу.

„Обращаясь мыслію ко всему положенію своему, старообрядцы невольно предаются опасеніямъ что безъ особеннаго покровительства имъ со стороны правительственныхъ въ краѣ властей положеніе это съ теченіемъ времени ухудшится, и это тѣмъ легче можетъ быть что привыкшіе къ жизни, къ труду и промысламъ въ здѣшнемъ краѣ, они приписаны по большей части къ отдаленнымъ городамъ прибалтійскихъ губерній, куда могутъ высылать ихъ полицейскими мѣрами и гдѣ по разнымъ причинамъ невозможно будетъ имъ най-ти себѣ обезпеченный пріютъ.

„Все это побуждает нас нижеподписавшихся просить убедительнѣйше ваше высокопревосходительство объ особомъ вниманіи вашемъ къ нашему положенію и о возможномъ обезпеченіи этого положенія въ будущемъ: вопервыхъ, припискою насъ къ сельскимъ обществамъ крестьянъ-собственниковъ, чрезъ что войдя въ составъ здѣшняго сельского населенія, какъ и подобаетъ намъ по условіямъ нашей жизни и труда, мы будемъ пользоваться уже вполне покровительствомъ властей для сельского населенія установленныхъ; а вовторыхъ, точнѣйшимъ опредѣленіемъ отношеній къ помѣщикамъ по арендованію у нихъ земель, каковое опредѣленіе устранить отъ насъ всякій ихъ произволъ, указавъ и намъ самимъ чего именно можемъ мы ожидать для совершеннаго нашего здѣсь обезпеченія.“

Дальнѣйшая судьба этого прошенія мнѣ не извѣстна. Не знаю даже было ли оно подано.

IX.

Отъ Добсекъ до мѣстечка Вижуны не болѣе восьми верстъ; разстояніе вовсе недалекое, особенно же по хорошей дорогѣ, но оно показалось мнѣ тогда длиннымъ и утомительнымъ. Я слышалъ чрезвычайно оттого что былъ взволнованъ. Съ чего-то вздумалось мнѣ что по поводу удаленія отъ должности и ссылки старшины Рафаила Шалаки должны произойти большіе безпорядки въ Вижунской волости. Теперь даже непріятно вспомнить объ этомъ и сознаться самому себѣ, какъ мало я еще зналъ въ то время крестьянъ моего участка. Я не хочу извинить свое тогдашнее малодушіе и тѣмъ сообщеніемъ что, дескать, вдали всякій признакъ опасности легко можетъ представиться не въ надлежащемъ видѣ.

Пріѣхавъ въ мѣстечко Вижуны, я даже не нашелъ волостнаго схода; онъ долженъ былъ собраться только на завтрашній день. Успокоительное подѣйствовало на меня и то что въ волостномъ правленіи никого не было, кромѣ писаря Гринцевича. Впрочемъ скорехонько откуда-то явился столь уже хорошо мнѣ знакомый Лудвигъ Нарбутисъ, заклятый врагъ Рафаила Шалаки. Разговоръ мой съ нимъ окончательно меня успокоилъ.

Отъ Нарбутиса, а также и отъ мѣстнаго писаря я узналъ что распрояженіе насчетъ Шалаки уже извѣстно по всей

волости, что крестьяне не только не взволнованы имъ, но даже очень рады такому событію. Я не совсѣмъ-то повѣрилъ этому: прежде съ разныхъ сторонъ мнѣ говорили что Шалаки имѣютъ чрезвычайно сильное вліяніе на Вижунцевъ.

Нарбутисъ все-таки не хотѣлъ оставить своей борьбы съ бывшимъ старшиной: у него, къ моему пріѣзду, уже была готова новая жалоба на Шалаку. Я объявилъ ему что теперь, когда Шалака уже не старшина, когда онъ даже ссылается въ Сибирь, жалобы на него собственно безцѣльны, ненужны; но что впрочемъ если онъ, Нарбутисъ, настаиваетъ на подачѣ жалобы, то я разберу ее, а главное—растолкую волостному сходу какъ надо будетъ ему самому повѣрить правильнымъ учетомъ дѣйствія своего волостнаго начальства по сбору съ крестьянъ всякихъ суммъ и по употребленію ихъ. Однако, Нарбутисъ, повидимому, остался недоволенъ моимъ объявленіемъ. Онъ все твердилъ что ему никакъ нельзя не жаловаться, что ему волость довѣрила хлопотать о раскрытіи всякихъ злоупотребленій: ему очень хотѣлось показать мнѣ что онъ пользуется особымъ довѣріемъ крестьянъ.

Отпустивъ говорливаго волостнаго ходатая, я принялся на досугѣ за осмотръ дѣлопроизводства. Оно было въ большемъ безпорядкѣ. По всему замѣчалось что писарь не только неопытенъ и малограмотенъ, но и несообразителенъ, а притомъ очень лѣнивъ. Впрочемъ, писарь этотъ,—какъ водится, шляхтичъ польскаго происхожденія,—имѣлъ физіономію пресмирную и добродушную. Что онъ точно былъ смиренъ и простодушенъ, я вполне удостовѣрился въ послѣдствіи, почему и терпѣлъ его малограмотность, его плохую сообразительность. Да и то сказать, если онъ,—уже отнюдь не новичокъ между писарями—былъ неопытенъ по своей должности, то тутъ, конечно, причиной было малое наблюденіе за нимъ какъ за писаремъ.

Вижунское волостное правленіе, расположенное посреди мѣстечка, подлѣ еврейскихъ хатокъ, весьма походило на корчму, да еще и плохую. Комнатокъ въ немъ было не мало, но крайне тѣсныхъ и темныхъ. Вижунская волость была довольно большая, а горница для схода едва могла вмѣщать человѣкъ двадцать пять или тридцать. Горница же для школы и совсѣмъ была не годна: въ ней съ трудомъ помѣщалось 15 — 20 учениковъ. Кстати о Вижунской сельской

школы. Въ послѣдствіи, съ большимъ удовольствіемъ, я видѣлъ что въ ней учатся трое еврейскихъ мальчиковъ. Это былъ, впрочемъ, единственный примѣръ не только въ моемъ участкѣ, но и во всемъ Вилкомирскомъ уѣздѣ.

Мѣстечко Вижуны, по величинѣ своей, пожалуй, имѣло право на названіе мѣстечка; за то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оно въ высшей степени было непріглядно. По срединѣ его тѣсно жались одна къ другой еврейскія хатки, выстроенныя изъ самаго плохаго дерева, по виду чрезвычайно неуклюжія и грязныя, а внутри темныя и тѣсныя; по окраинамъ же мѣстечка тянулись хаты крестьянъ-домохозяевъ, нѣсколько лучше еврейскихъ, но тоже дурно выстроенныя, а главное, опять-таки тѣсныя и темныя. Все мѣстечко представлялось селеніемъ довольно большимъ, и чрезвычайно бѣднымъ. Но заключать по виду мѣстечка о бѣдности его населенія отнюдь не слѣдовало. Послѣ я узналъ что между крестьянами жившими собственно въ Вижунахъ, какъ и между мѣстными Евреями, было не мало людей очень зажиточныхъ. Конечно, они могли бы размѣститься, выстроиться и обзавестись на своихъ усадьбахъ гораздо шире, удобнѣе, лучше. Но причина по которой была такъ дурна и бѣдна вся внѣшняя обстановка жилыхъ и не жилыхъ помѣщеній у Вижунецъ заключалась именно въ томъ, какъ объясняли мнѣ нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, что слишкомъ близко отъ мѣстечка жилъ богатый и „бардзо“ сильный панъ. И въ самомъ дѣлѣ, менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ Вижуны находилась широко раскинувшаяся панская усадьба. То была усадьба бывшаго Вижунскаго помѣщика, графа Эдуарда Ч—скаго, сосланнаго въ Сибирь за слишкомъ дѣятельное участіе въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ. Но объ этой замѣчательной усадьбѣ я еще буду говорить подробно.

На другой день вижунскій волостной сходъ собрался рано и я рано же занялся дѣломъ. На ту пору я былъ уже совершенно спокоенъ; пустая тревога моя изъ-за опасеній какихъ-то безпорядковъ исчезла, какъ-будто ея и не было; я даже радовался что устраненіе Рафаила Шалаки отъ должности старшины разомъ прекращаетъ всѣ затрудненія по волости, а главное, уничтожаетъ особое вліяніе этого человека на крестьянъ, про которое мнѣ что-то таинственно намекали. Однако, понапрасну я такъ радовался. Вижунская волость на самыхъ же первыхъ порахъ представила мнѣ не

мало затрудненій. Вижуны, собравшіеся на первый при мѣ сходѣ въ большомъ числѣ, чуть ли не поголовно, какъ разъ показали что у нихъ есть какая-то закваска къ тому чтобы дѣла по волости не улаживались добрымъ порядкомъ.

Начать съ того что въ этой Вижунской волости, находившейся отъ шоссе всего только въ десяти верстахъ, оказывалось не очень-то много и говорящихъ по-русски, и понимающихъ русскую рѣчь. Такое обстоятельство противорѣчило моему заключенію, что чѣмъ ближе волость къ шоссе, тѣмъ больше въ ней понимающихъ и говорящихъ по-русски. Въ послѣдствіи, причина этого мнѣ уяснилась: тутъ опять-таки отразилось вліяніе слишкомъ близкаго сосѣдства богатой панской усадьбы. И вотъ изъ-за этого-то именно проявились, на первыхъ же порахъ, оппозиціонныя отношенія ко мнѣ Вижуновъ, которые и остались такими вплоть до моего выѣзда изъ Вилкомирскаго уѣзда.

Я разъяснилъ Вижунамъ подробно какъ нужно для нихъ выбрать себѣ новымъ старшиной человека не только вполне преданнаго правительству, не только добросовѣстнаго, разумнаго и твердаго характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо понимающаго русскую рѣчь и могущаго свободно объясняться по-русски. А они какъ нарочно выбрали крестьянина ни слова по-русски не разумѣющаго. Притомъ этотъ новый старшина (по прозвищу Антоновичъ) съ виду былъ очень простоватъ, да и въ послѣдствіи онъ оказался чрезвычайно вялымъ, не пользующимся никакимъ уваженіемъ у своихъ волостянъ, хотя надо правду сказать что онъ былъ вполне честный человекъ. Но дѣлать было нечего: какъ ни досадовалъ я про себя на такой оппозиціонный выборъ, я тутъ же утвердилъ крестьянина Антоновича въ званіи волостнаго старшины.

Но и волостянами вижунскими я не могъ быть доволенъ, какъ и они должно-быть были недовольны мною; словомъ, ладу между нами не было. Вижуны постоянно и настойчиво уклонялись отъ всего что могло водворить у нихъ лучшіе порядки, большую справедливость въ отношеніяхъ между ними. Такъ съ немалымъ трудомъ удалось мнѣ заставить вижунскій волостной сходъ произвести хоть одинъ учетъ въ употребленіи всякихъ мірскихъ сборовъ. То же было относительно составленія и проверки семейнаго списка. Еще сильнѣйшее противодействие оказали они предложенію

облегчить батраковъ въ нѣкоторыхъ повинностяхъ; а на предложеніе обезпечить быть отставныхъ солдатъ проживавшихъ у нихъ въ волости отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Впрочемъ въ одномъ отношеніи Вижуны какъ-будто съ охотой исполнили мое требованіе: то было по поводу присылки дѣтей въ сельскую школу; но и тутъ сговорчивость ихъ зависть кажется отъ того болѣе что школа-то была ужь слишкомъ мала, могла вмѣщать въ себѣ только 15—20 учениковъ. Подмѣтилъ я тоже у Вижуновъ еще одно обстоятельство, которое мнѣ особенно не нравилось: они какъ-будто были недовольны своимъ земельнымъ надѣломъ, несмотря на то что этотъ надѣлъ произведся широко и выгодно для нихъ, по крайней мѣрѣ такъ было въ конфискованномъ имѣніи графа Эдуарда Ч—скаго. *

Такое направленіе крестьянъ Вижунской волости заставляло меня невольно думать что они мѣнѣе всѣхъ прочихъ въ моемъ участкѣ склонны къ принятію русскихъ порядковъ и, мало того, что они можетъ-быть вслѣдствіе прежнихъ на нихъ вліяній наимѣнѣ способны понимать что сдѣлано для нихъ русскимъ закономъ.... Но мнѣ отраднѣе вспомнить что и тутъ я вполне ошибся. Подъ конецъ моего пребыванія въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, одинъ случай съ разительною силой убѣдилъ меня что эти упрямые Вижуны—истинно добрые крестьяне, что всѣ они совершенно преданы Русскому правительству, живо помнятъ всѣ благодѣянія полученныя отъ него народомъ, что преданность свою готовы они доказать даже пожертвованіемъ жизни. Объ этомъ случаѣ разкажу въ концѣ главы.

Думается мнѣ и теперь что узорная оппозиція Вижуновъ въ отношеніи собственно ко мнѣ зависть въ большей части отъ какихъ-то постороннихъ вліяній, и въ особенности видимому отъ темныхъ продѣлокъ бывшаго старшины.

Съ Вижунскою волостью я ознакомился гораздо ближе чѣмъ съ какою-нибудь другою изъ волостей моего участка. Мнѣ довелось прожить въ ней около трехъ мѣсяцевъ, и вотъ по какому случаю.

Высшее управленіе въ сѣверо-западномъ краѣ всегда желало чтобы русскіе мировые посредники жили какъ можно ближе къ крестьянамъ своихъ участковъ; поэтому позволя-

* Въ конфискованныхъ имѣніяхъ надѣлы и вообще дѣлались съ наибольшою выгодой для крестьянъ.

лось посредникамъ поселяться въ конфискованныхъ имѣніяхъ, и даже иногда требовалось это; а въ началѣ 1866 года, конечно съ тою же цѣлю, было предложено членамъ повѣрочныхъ комиссій, мировымъ посредникамъ и еще нѣкоторымъ русскимъ чиновникамъ арендовать конфискованныя и секвестрованные имѣнія за исчисленный вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ ежегодный доходъ съ тѣхъ имѣній. Арендованіе это не было обязательнымъ, но, сколько мнѣ извѣстно, всѣ выше названные чиновники не уклонились отъ него. Не уклонился и я. И говорю по совѣсти, не уклонился не потому что рассчитывалъ получить выгоду отъ моего арендаторства, а въ тѣхъ именно видахъ что такимъ образомъ дѣйствительно я еще лучше узнаю бытъ крестьянъ литовскихъ, а притомъ, ознакомившись на собственной сельскохозяйственной практикѣ со всеми приемами дѣльнаго земледѣлія, хорошо подготовлюсь къ постоянной деревенской жизни въ краѣ, о чемъ я уже серьезно тогда задумалъ. И вотъ я заарендовалъ изъ имѣнія графа Эдуарда Ч—скаго два отдѣльные фольварка: Вижуны, при которомъ находилась панская усадьба, и Добра-Волю. Въ обоихъ этихъ фольваркахъ было шестьсотъ съ чѣмъ-то десятинъ; арендный платежъ за нихъ опредѣлялся въ полторы тысячи рублей, такъ что на каждую десятину обрабатываемой и необрабатываемой земли приходилось аренднаго платежа около двухъ рублей пятидесяти копѣекъ: конечно, уже поэтому нельзя было рассчитывать на полученіе выгодъ отъ моей аренды.

Принявъ отъ чиновника завѣдывавшаго конфискованными имѣніями заарендованные мною фольварки, я въ концѣ марта 1866 года переселился на житье въ Вижунскую панскую усадьбу.

Усадьба графа Эдуарда Ч—скаго, какъ я уже замѣтилъ мелькомъ, была построена на широкую ногу. Въ самомъ расположеніи ея крупными чертами выражались тѣ характеристическія особенности какія почти вездѣ можно замѣтить въ панскихъ усадьбахъ: и раскиданность всѣхъ построекъ, и общая странная безпорядочность. Но Вижунская помѣщичья усадьба имѣла и свои характерныя особенности, а именно—панскій домъ и зданіе для колченья окороковъ и колбасъ. Впрочемъ я не правъ, поставивъ на второмъ планѣ послѣднее зданіе: не столь обширное какъ панскій лапацъ, оно было гораздо

выше и величественнѣе его; оно имѣло въ себѣ нѣчто такъ-скиззатъ монументальное. Бывало дивился я глядя на это зданіе, выстроенное такъ затѣйливо для такой простой цѣли: право, оно походило на какой-то замокъ. Какъ видно, графъ былъ большой охотникъ до колченой ветчины.

Но и ланскій палацъ представлялъ изъ себя во всемъ замѣчательное зданіе. Длинно, длинно тянулся онъ по высокому берегу, довольно круто скатывавшемуся отъ самаго фундамента прямо къ рѣкѣ Вижункѣ, и въ своей продольной линіи шелъ то широко и въ двѣ комнаты, то узко и лишь въ одну комнату, отчего весь наружный фасадъ былъ очень странный, даже безобразный. Затѣмъ и высота палаца совершенно не соответствовала его длинѣ: она была столь незначительна что все зданіе казалось чрезвычайно низкимъ, имѣло видъ простаго и крайне безпорядочно выстроеннаго сарая. Впрочемъ и въ самомъ дѣлѣ этотъ странный палацъ, какъ говорили мнѣ, возникъ изъ конюшни; графъ Ч—скій будто бы не захотѣлъ тратить на выстройку себѣ особаго дома, а обратилъ въ домъ свои конюшни: приспособивъ зданіе сколь возможно удобнѣе къ жилью. Но мнѣ не вѣрилось чтобы тутъ дѣйствовалъ именно денежный расчетъ: графъ былъ богатъ и очень торопавъ, что замѣчалось напримѣръ внутри палаца по дорогимъ обоямъ во всѣхъ комнатахъ, по паркетнымъ поламъ, по другимъ тоже принадлежностямъ, какія тогда оставались еще въ домѣ, не говоря уже о монументальномъ зданіи для конченья око-роковъ. Не думаю тоже чтобы и при лышной обстановкѣ внутри палаца графу было удобно жить въ немъ. Уже одно то что всѣ комнаты, счетовъ помнится до тридцати, кромѣ трехъ или четырехъ, были проходныя, не представляло никакой возможности покойно размѣститься. Наконецъ, и опять-таки странность: полы въ комнатахъ во многихъ мѣстахъ были неровные; двѣ-три комнаты, и это въ самой срединѣ зданія, имѣли полы одинаково ровной поверхности, и вдругъ приходилось спускаться по ступенямъ, а тамъ и опять ступени ведущія въ комнаты съ болѣе высокимъ поломъ. Почему именно угодно было графу Ч—скому устроить-ся такъ странно внутри своего палаца, я и догадаться никакъ не могъ. Полагаю что прежнее назначеніе зданія, превращеннаго въ палацъ, отнюдь не обуславливало напримѣръ этой неровности половъ. Итакъ, можетъ-быть тутъ сказалась просто-на-просто ланская „фацеція“.

Я засталъ Вижунскій палацъ въ совершенно неприбранномъ видѣ. Ни малѣйшей мебели въ немъ уже не было; многія двери едва держались на петляхъ; во многихъ комнатахъ стекла въ окнахъ были разбиты; вездѣ почти дорогіе обои или отстали отъ стѣнъ, или висѣли клочьями; полы тоже были испорчены. Я занялъ четыре комнаты, очень большія, очень мрачныя, но удобныя для жилья, потому что въ нихъ были цѣлы оконницы, стекла, двери и печи, и омеблировалъ ихъ кое-какъ, конечно, ужъ никакъ не соответственно прежнему ихъ великолѣлію.

И какъ тяжело, даже жутко было мнѣ жить въ этомъ полуразрушенномъ домѣ. Право, иногда казалось, нѣчто таинственное ютится въ его лустыхъ, темныхъ углахъ и по ночамъ двигается, жалобно стонетъ. Нерѣдко цѣлыя ночи я просиживалъ предъ едва тлѣющимъ каминомъ, все прислушиваясь; постоянный шумъ въ нежилыхъ комнатахъ, отъ бѣготни ли крысъ, отъ стука ли разбитыхъ оконницъ и стеколъ, широкими, странными гулами перекатываясь по дому, достигалъ до меня въ звукахъ чрезвычайно рѣзкихъ, поражающихъ слухъ и волновавшихъ воображеніе.

Со мною людей въ домѣ было очень мало: жена моего сына, переведенная уже тогда въ Тельшевскій уѣздъ, маленькій внукъ мой съ нянькой при немъ, да еще лакей, недавно навязавшійся ко мнѣ отъ польскаго ломѣщика; писмоводитель же У—скій и вся остальная прислуга размѣщались въ другихъ жилыхъ строеніяхъ обширной усадьбы.

Но я отнюдь не желалъ чтобы сторожъ находился при домѣ, чтобы лишніе люди были со мною, и не изъ-за того дабы не подумали что я опасюсь жить здѣсь, а какъ-то нравилось мнѣ проводить одинокія, бессонныя ночи среди этого ланскаго дома, гдѣ еще такъ недавно килѣла широкая, лынная жизнь и гдѣ все вдругъ смѣнилось лустотой и разрушеніемъ: такъ былъ настроенъ я въ то время, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, тяжело сжимавшихъ меня съ разныхъ сторонъ. Впрочемъ, кромѣ частыхъ разъѣздовъ по волостямъ и служебныхъ занятій, кромѣ также и заботъ о хозяйствѣ по арендѣ, были у меня и развлеченія, благодаря сосѣдству съ мѣстечкомъ Уцянами, гдѣ стояла тогда батарея подполковника П. Я. Лемана. А то представился случай, сильно меня заинтересовавшій, познакомившій съ нѣкоторыми тайнами графскаго палаца.

На правой сторонѣ палаца было нѣсколько комнатъ, гдѣ обыкновенно жилъ самъ графъ Ч—скій, гдѣ находился и его кабинетъ. И вотъ мнѣ сказали что гдѣ-то въ этихъ комнатахъ есть тайникъ въ стѣнѣ, въ которомъ будто бы хранились какія-то драгоценности, принадлежавшія какъ самому графу, такъ и еще какимъ-то лицамъ изъ его друзей, что весь складъ этихъ драгоценностей, находившійся еще въ домѣ при его конфискаціи, въ послѣдствіи исчезъ куда-то и попалъ опять-таки въ польскія руки, и что будто бы при этомъ случаѣ оказывалъ какое-то содѣйствіе бывший вижунскій старшина Рафаиль Шапака. Въ бытность мою на мировомъ сѣздѣ въ Виакмірѣ я передалъ о дошедшихъ до меня слухахъ относительно тайника заведывавшему конфискованными и секвестрованными имѣніями чиновнику Ждановскому. Чиновникъ этотъ счелъ нужнымъ удостовѣриться на мѣстѣ о тайникѣ. Вскорѣ послѣ того, пріѣхавъ въ имѣніе Вижуны, онъ хотѣлъ было немедленно же приступить къ разсѣдованіямъ. Но я настойчиво посовѣтовалъ ему не производить ихъ единолично, или только въ моемъ присутствіи, но пригласить для того и понятыхъ, и мѣстнаго станового пристава, или же за отсутствіемъ его жандармскаго унтеръ-офицера, проживавшаго постоянно въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Уцянахъ. Г. Ждановскій послушался меня, и при понятыхъ, а также при жандармскомъ унтеръ-офицерѣ приступлено было къ разысканіямъ.

И точно, оказалось что слухъ о тайникѣ былъ вѣренъ. Въ правой стѣнѣ комнаты служившей графу кабинетомъ (а надо еще замѣтить что каменные стѣны палаца были значительной толщины) находилось квадратное отверстіе, шириною, помнится, до аршина; оно было задѣлано деревянными дощечками и закрыто обоями. Разумѣется, въ немъ ровно ничего не оказалось, хотя конечно тайникъ этотъ существовалъ не даромъ и по всей вѣроятности въ немъ хранились когда-то цѣнныя вещи. Но поиски г. Ждановскаго не ограничились открытіемъ тайника въ стѣнѣ кабинета. Ужъ не помню кому именно, самому ли г. Ждановскому, или жандарму, вздумалось попробовать нѣтъ ли тутъ гдѣ-нибудь и еще тайниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, по особенному звуку въ одной стѣнѣ сосѣдней съ кабинетомъ комнаты можно было догадываться что и тутъ есть пустота, стало-быть опять тайникъ. Г. Ждановскій приказалъ снять съ подо-

зрительной стѣны кусокъ обоевъ; но подѣ нимъ не было никакой задѣлки, подобной въ стѣнѣ кабинета; пришлось пробивать стѣну въ томъ мѣстѣ гдѣ слышалась пустота. Стѣну проломали, пустое пространство въ ней, узкое и небольшое, обнаружилось, но и въ немъ ничего не было найдено, да кажется и нельзя было найти: должно-быть то былъ не тайникъ, а просто случайно выдававшаяся пустота между камнями (а не кирпичами), изъ которыхъ сложены стѣны этой части палаца.

Носились тоже слухи, скрывать не стану и ихъ, что гдѣ-то въ Вижунской помѣщичьей усадьбѣ зарыты будто-бы склады оружія. Дѣло возможное. Но конечно не мнѣ же, мировому посреднику, слѣдовало пускаться тутъ въ розысканія.

Заканчивая мои воспоминанія о Вижунской волости, разкажу теперь о чрезвычайно-знаменательномъ фактѣ, который доказалъ мнѣ окончательно что вижунскіе крестьяне, эти самые упрямые изъ всѣхъ Жмогусовъ моего участка, наиболѣе и при всякомъ случаѣ выбивавшіеся изъ-подъ моего вліянія, были людьми глубоко и истинно преданными правительству, Русскому великому Государю, даровавшему имъ свободу отъ крѣпостной зависимости.

Дѣло было въ апрѣлѣ 1866 года.

Я пріѣхалъ изъ Вилкомира нарочно въ Вижунскую волость. Полный сходъ былъ собранъ въ волостномъ правленіи. Онъ долженъ былъ идти въ костелъ къ обѣднѣ и на молебствіе. Но до молебствія оставалось еще довольно много времени. Я успѣлъ поразговориться съ Вижунцами. Они горячо меня разспрашивали. По всему было замѣтно что ихъ чрезвычайно интересовалъ случай по поводу котораго назначалось молебствіе. На разспросы я не могъ сообщить никакихъ подробностей уже и потому что онѣ еще нигдѣ не были извѣстны. А любопытство Вижунцевъ было крайне-настоячиво: оно даже нѣсколько безлокоило меня, и чтобы прекратить его, я сказалъ крестьянамъ что теперь-то именно я желалъ бы знать повѣрнѣе: до какой степени они разумѣютъ чѣмъ обязаны великому Государю, насколько преданы ему. И вотъ на перерывѣ другъ предъ другомъ, слѣшно и чрезвычайно горячо, эти истинно-добрые, простые люди выразили мнѣ что они твердо помнятъ какъ благодѣтельствованы Государемъ чрезъ освобожденіе отъ панской неволи, что всегда были преданы они Государю, что готовы пожертвовать за него всѣмъ, даже самою жизнью.

И вскорѣ затѣмъ я услышалъ совершенно достоверный разказъ о случаѣ въ которомъ искренняя преданность вижунскихъ крестьянъ выразилась не въ однихъ добрыхъ словахъ, а на дѣлѣ.

Предъ самымъ разгаромъ послѣдняго польскаго мятежа, тогдашній писарь Вижунскаго волостнаго правленія, польскій шляхтичъ, а притомъ officialистъ во дворѣ графа Эдуарда Ч—скаго, въ послѣдствіи, сколько мнѣ извѣстно, за дѣятельное участіе въ мятежѣ сосланный въ Сибирь,—однажды долго толковалъ крестьянамъ находившимся тогда въ волостномъ правленіи въ числѣ до тридцати человекъ о польской оицизнѣ замученной Москалями, о предстоящей неминуемой борьбѣ съ „московскимъ жондомъ“, о непремѣнной необходимости и обязанности всѣмъ поголовно идти „до брони“, и вдругъ въ неистовой ярости своей схватилъ со стѣны портретъ на который крестьяне всегда смотрѣли съ особеннымъ уваженіемъ, кинулъ его на полъ и разбилъ въдребезги.

Крестьяне не успѣли оломниться отъ такого поступка какъ явился посланный съ панскаго двора съ приказаніемъ чтобы панъ писарь шелъ до пана-графа немедленно. Панъ писарь проворно ушелъ. Крестьяне остались.

И тотчасъ же между ними возникла мысль что надо спасти драгоценные остатки,—клочки изорванной бумаги, обломки деревянной рамки, куски разбитого стекла. Порѣшено было тутъ же бросить жеребій: кому собрать эти остатки, кому сохранить ихъ.

Тогда вдругъ выступилъ впередъ пожилой крестьянинъ Шаркисъ и сказалъ товарищамъ что онъ безъ жеребья беретъ на себя это дѣло, хоть можетъ-статься придется пострадать за него; что если и убьютъ его—Господь Богъ вознаградитъ его самого на томъ свѣтѣ и семью его спасетъ и помилуетъ.

Всѣ молча одобрили намѣреніе Шаркиса, всѣ сочли его поступокъ простымъ, естественнымъ, необходимымъ. Шаркисъ бережно собралъ остатки разбитого предмета въ чистый платокъ, унесъ ихъ къ себѣ домой и свято сохранилъ.

Разумѣется, изъ людей бывшихъ при той сценѣ не нашлось, не могло найтись измѣнника, который выдалъ бы Шаркиса на жертву мятежникамъ.

Вслѣдъ за выборомъ старшины Антоновича мнѣ уже нечего было дѣлать въ Вижунахъ и я хотѣлъ отправиться на

ночь въ сосѣднюю Судейскую волость, чтобы въ ожиданіи схода, долженствовавшего тамъ собраться на другой день, заблаговременно, на досугѣ, обозрѣть дѣлопроизводство въ волостномъ правленіи, и сообразиться на счетъ всякихъ тамошнихъ дѣлъ. Однако пришлось ночевать все-таки въ Вижунахъ.

Предъ самымъ выѣздомъ въ мѣстечко Судейки (находящееся отъ Вижуна въ 14-ти верстахъ) явилось ко мнѣ нѣсколько судейскихъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и тамошній волостной старшина, съ пренепріятнымъ, тревожнымъ извѣстіемъ. Крестьяне Судейскіе, собравшись самовольно на волостной сходъ, смѣнили старшину и выбрали на мѣсто его другаго. Все это совершенно было съ крайнимъ самоуправствомъ. Надо удивляться какъ еще уцѣлѣлъ старшина. Ему грозила явная опасность отъ буйства крестьянъ. Онъ едва успѣлъ скрыться со схода въ свою деревню. Но и тамъ его не оставили въ покоѣ: къ нему явилась большая толпа, воюмилась въ домъ и отобрала отъ него должностной его знакъ и печать.

Выслушавъ несвязный разказъ старшины про всю эту исторію, я немедленно же хотѣлъ ѣхать въ Судейки для должныхъ распоряженій. Но лисьмоводитель У—скій сталъ усиленно уговаривать меня отложить поѣздку, хотъ только до завтра, такъ-какъ днемъ быть въ Судейкахъ гораздо безопаснѣе чѣмъ ночью.

Сообразивъ что во всякомъ случаѣ я могу увидать Судейскій волостной сходъ не ранѣе завтрашняго дня, я остался ночевать въ Вижунахъ.

X.

На Судейскую волость предмѣстникъ мой, а также и мои товарищи, мировые дѣятели, указывали мнѣ какъ на самую безпокойную изъ всѣхъ волостей въ Вилкомирскомъ уѣздѣ. Но указанія эти были весьма неопредѣленнаго свойства: ни какихъ фактовъ не выставляли, а говорили только что Судейскіе крестьяне, самый непослушный и даже буйный народъ. По правдѣ сказать и съ самаго начала я не очень вѣрилъ подобнымъ слишкомъ общимъ и смутнымъ отзывамъ о характерѣ крестьянъ въ волостяхъ моего участка; иной разъ даже невольно думалось: ужъ не хотятъ ли нѣсколько мистифицировать меня, не хотятъ ли, какъ новичка, полугать,

дабы потомъ потѣшиться на мой счетъ. Затѣмъ, побывавъ въ восьми волостяхъ, я не встрѣтилъ ничего что подтверждало бы отзывъ о безпокойномъ характерѣ Жмогусовъ. Правда, на Овинтскомъ волостномъ сходѣ представилось нѣчто тревожное, но въ самой слабой степени, и лишь у ничтожнаго меньшинства „міра“. Пожалуй, еще Оникштинцевъ нашелъ я черезчуръ пасмурными, но очевидна была и причина пасмурнаго ихъ настроенія. Наконецъ, самые Вижунцы, столь рѣзко, на первыхъ же порахъ, не послушавшіе меня при выборѣ новаго старшины, показались тогда не столько упрямыми сколько недовѣрчивыми ко мнѣ, какъ мировому посреднику для нихъ еще совершенно незнакомому.

Но поступокъ Судейскихъ крестьянъ со старшиной и разказы о нихъ письмоводителя У-скаго удостовѣрили положительно что крестьяне эти дѣйствительно народъ крайне нехорошій.

Во время рекрутскаго набора предмѣстникъ мой, находя нужнымъ ускорить назначеніе рекрутъ по Судейской волости, но не рѣшаясь отправиться для этого лично на мѣсто, послалъ туда У-скаго. Письмоводитель объявилъ крестьянамъ на сходѣ за чѣмъ онъ присланъ отъ мирового посредника, но они выслушали его не охотно, безтолково и дерзко шумѣли и нисколько не обѣщались исполнить что имъ приказывалось. Когда же У-скій сталъ собираться въ обратный путь, ему не дали даже подводы до слѣдующей волости, и онъ принужденъ былъ, въ холодное зимнее время, въ ночную пору, лѣшкомъ пробираться до мѣстечка Вижунъ, которое, какъ я уже упоминалъ, находится отъ Судеекъ въ 14-ти верстахъ.

Итакъ, несомнѣнно было что на завтрашній день предстоитъ мнѣ трудъ значительный: разслѣдовать дѣло о самовольной смѣнѣ старшины, разузнать въ точности причины побудившія крестьянъ къ подобному поступку, принять мѣры къ немедленному прекращенію безпорядковъ, и наконецъ, если можно, навсегда успокоить Судейцевъ. Крѣпко раздумался было я обо всемъ этомъ, но хорошо что пришлось думать одному. Я скоро пришелъ къ тому простому заключенію что въ настоящемъ дѣлѣ нельзя предусмотрѣть всякихъ случайностей и слѣдуетъ къ нимъ подготовиться лишь твердою рѣшимостью быть какъ можно спокойнѣе среди безпокойныхъ людей. И, слава Богу, я былъ на мѣстѣ въ самомъ спокойномъ, даже веселомъ расположеніи духа.

У волостнаго правленія (чрезвычайно плохаго: то была просто избушка, не ухоненная снаружи, не прибранная внутри, ветхая, тѣсная и темная) встрѣтилъ меня сходъ весьма многолюдный, хотя волость была и небольшая, въ ней считалось только до тысячи душъ: очевидно было что на сходъ собрались чуть ли не все Судейцы, и домохозяева полныхъ участковъ, и трехдесятинники, и огородники, и можетъ-быть даже батраки.

Слѣзши объясненіями съ крестьянами не слѣдовало, и сначала я прошелъ прямо въ волостное правленіе. Сходъ я не позвалъ, а велѣлъ только войти за собою старшинѣ, сельскимъ старостамъ и волостному писарю. Послѣдній, Полякъ, и самый жалкій писарекъ изъ всехъ что я видѣлъ до сихъ поръ, когда я сталъ ревизовать дѣлопроизводство, съ чего-то лишился всякой способности отвѣчать.

Дѣлопроизводство было въ крайнемъ запущеніи и безпорядкѣ. Въ волостномъ правленіи все дѣлалось кое-какъ, или лучше сказать, ровно ничего не дѣлалось.

Черезъ часъ я вышелъ къ сходу и началъ говорить съ нимъ довольно строго.

Я сказалъ что на первыхъ же порахъ, мнѣ, новому мировому посреднику, обязанному твердо охранять вездѣ по участку законные порядки, приходится видѣть только въ одной Судейской волости чрезвычайный безпорядокъ, чуть не бунтъ; что о Судейцахъ я уже слышалъ отъ моего предметника, отъ моихъ товарищей по службѣ, самые дурные отзывы, какъ о людяхъ непослушныхъ начальству, безпкойныхъ, даже буйныхъ; что послѣдній ихъ поступокъ со старшиной въ высшей степени незаконенъ: ибо если старшина виновенъ въ чемъ-нибудь по отправленію своей должности, то они, крестьяне, не имѣютъ все-таки ни малѣйшаго права смѣнить его самовольно, а должны о своихъ на него претензіяхъ обратиться съ жалобой прежде всего къ мировому посреднику, а потомъ могутъ, пожалуй, жаловаться и далѣе; что ни въ какомъ случаѣ я не позволю имъ совершать подобные безпорядки по волости; что, наконецъ, всегда легко найду средства усмирить ихъ, а о томъ кто изъ нихъ особенно виновенъ въ самоуправствѣ со старшиной разслѣдую и предамъ виновныхъ суду. Я зналъ что въ Судейской волости, какъ очень близкой къ шоссе, чуть ли не все крестьяне понимаютъ русскую рѣчь и говорятъ по-русски: стало-быть они должны были хорошо понять все что

я говорилъ имъ. Я спросилъ ихъ, поняли ли они меня? Но они ничего не отвѣтили.

Тогда я вызвалъ крестьянина Араминаса, самоуправствомъ крестьянъ избраннаго въ старшины. Онъ проворно выдвинулся изъ толпы, и, по правдѣ сказать, съ перваго же взгляда очень понравился мнѣ: то былъ Литвинъ съ лицомъ умнымъ, спокойнымъ и красивымъ, а притомъ онъ былъ и одѣтъ съ какою-то особенною щеголеватостью.

— Ну, какъ же, Араминасъ, спросилъ я:—ты тоже считаешь себя старшиной?

— Нѣтъ, ихняго глупаго выбора я не признаю, отвѣчалъ онъ спокойно и твердо:—да я жъ и не взялъ отъ нихъ ни медали, ни печати старшинскихъ... Мнѣ и въ голову не приходило добиваться старшинства. А вотъ есть у насъ галгане что мутать по волости...

Я обратился опять къ сходу.

— Вотъ, видите сами, сказалъ я:—человѣкъ вами выбранный въ старшины отнюдь не хочетъ принять вашего выбора, и конечно потому что хорошо понимаетъ всю незаконность самовольной смѣны прежняго старшины и самовольнаго выбора на его мѣсто. Скажите же теперь что именно заставило васъ произвести такой беспорядокъ? По какимъ, напримѣръ, причинамъ не захотѣли вы имѣть старшиной человѣка вами же и законно избраннаго?

Но несмотря на то что я два раза повторилъ эти вопросы, Судейцы опять-таки ничего не отвѣтили. Я спросилъ Араминаса: не можетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, сказать мнѣ, съ полною откровенностью, за что надумались крестьяне смѣнить прежняго старшину.

— А кто ихъ знаетъ, отвѣчалъ Араминасъ:—старшина-то, може, смиренъ очень... А и то, такъ не захотѣли, а захотѣли побунить... Да и галгане есть...

Затѣмъ, объявивъ сходу что даю ему нѣсколько времени на то чтобы подумать хорошенько обо всѣхъ моихъ разъясненіяхъ насчетъ ихъ поступка, даю и для того чтобы они сами указали потомъ на зачинщиковъ беспорядка, о которыхъ мнѣ надо непременно узнать, я опять ушелъ въ волостное правленіе.

Слышно было мнѣ: крестьяне, съ большимъ жаромъ, го много голосовъ, толкуютъ промежъ себя, но не безцинно и даже безо всякой раздражительности. Впрочемъ и съ самаго

начала, ужь право не знаю почему, я не сомнѣвался что все обойдется благополучно. Такъ оно и вышло.

Когда я воротился къ сходу, крестьяне прямо объявили что они сами теперь сознаютъ какъ не хорошо поступили и что никогда больше ничего подобнаго себѣ не дозволятъ. Затѣмъ легко обозначились тѣ люди которые наиболѣе сбивали съ толку Судейскихъ волостянъ и побудили ихъ къ безпорядку. Ихъ было, однако, немного, всего четверо.

Эти зачинщики лолали подъ слѣдствіе, но дѣло обошлось для нихъ безъ особенныхъ непріятностей: по дознанію все объяснилось недоразумѣніями крестьянъ, тѣмъ именно что они весьма слабо понимали о своей подчиненности волостному начальству.

Но въ послѣдствіи я увѣрился что тутъ были не одни недоразумѣнія. Впрочемъ, напередъ, одно ужь къ одному, надо будетъ разказать еще о двухъ случаяхъ въ которыхъ не хорошо выразился характеръ Судейцевъ.

Наклонность къ самоуправству, къ дерзости у этихъ крестьянъ были несомнѣнно. Такъ чрезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ описаннаго происшествія, они опять провинились немаловажно, хотя и не цѣлою волостью.

Какъ только настала пора уборки хлѣбовъ, пятеро крестьянъ-дворохозяевъ, и въ томъ числѣ волостной судья, открыто отправились на озимое поле своего бывшего помѣщика Д—скаго, сжали всю рожь его и свезли ее въ свои гумна. Г. Д—скій обратился ко мнѣ съ жалобой. Дѣло это по сущности своей не подлежало моему разбирательству: по настоящему я долженъ былъ объявить г. Д—скому что ему слѣдуетъ принести жалобу на поступокъ крестьянъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ. Но помѣщикъ этотъ настойчиво просилъ моего распоряженія, да и мнѣ самому, по правдѣ сказать, очень не хотѣлось чтобъ изъ-за этой исторіи виновные крестьяне подверглись продолжительнымъ мытарствамъ. Я тотчасъ же отправился на мѣсто. Жалоба г. Д—скаго оказалась совершенно справедливою. Крестьяне сразу повинились въ своемъ самоуправномъ поступкѣ, и, по настоянію моему, немедленно возвратили помѣщику весь его хлѣбъ. Помѣщикъ счелъ себя вполне удовлетвореннымъ, а крестьяне были наказаны и тѣмъ уже что ихъ трудъ по уборкѣ хлѣба, по свозкѣ его въ свои гумна, и затѣмъ по возвращеніи его въ гумно помѣщичье, конечно, остался безъ вознагражденія. Мнѣ оставалось распорядиться съ волостнымъ судьей, уча-

ствовавшимъ въ самовольномъ поступкѣ своихъ односельчанъ. Я очень задумывался насчетъ того, не слѣдуетъ ли предать его суду, какъ лицо должностное, подобнымъ своимъ дѣйствіемъ оказывавшее вредный примѣръ для крестьянъ всей волости. Но преданіе суду виновнаго должно было бы дать новый ходъ дѣлу, прекращенному уже самимъ г. Д—скимъ; да притомъ Шимонеаисъ, человѣкъ догадливый, вовремя спохватился и еще до моихъ распоряженій самъ свезъ къ помѣщику доставшійся на его долю хлѣбъ. Я и порѣшилъ ограничиться въ отношеніи волостнаго судьи однимъ денежнымъ оштрафованіемъ его въ высшемъ размѣрѣ.

Случай осенью 1865 года коснулся уже и меня самого.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ я получалъ отъ Ковенскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія предложеніе, волевыхъ, потребовать отъ шестидесяти семи трехдесятичниковъ Судейской волости, все недовольныхъ своимъ земельнымъ надѣломъ и уклонявшихся отъ взноса за него выкупныхъ платежей, рѣшительнаго заявленія, принимаютъ ли они окончательно свой надѣлъ и будутъ ли вносить за него установленные платежи, или же совсѣмъ отъ надѣла отказываются; а въ противномъ случаѣ отказа этихъ людей, распорядиться насчетъ передачи надѣленной имъ земли въ сельскія общества.

Я пріѣхалъ въ мѣстечко Судейки довольно рано и при полномъ волостномъ сходѣ предъявилъ всѣмъ трехдесятиникамъ требованіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Долго и много я разъяснялъ имъ что дѣло о надѣленной имъ повѣрочною комиссіей земель уже рассмотрѣно во всѣхъ учрежденіяхъ и надѣлъ этотъ окончательно утвержденъ; что затѣмъ никакого измѣненія въ надѣлѣ уже не будетъ, и что если теперь, на рѣшительное требованіе отъ нихъ отвѣта они отвѣтятъ отказомъ, то, разумѣется, надѣленную имъ землю отберутъ отъ нихъ и она поступитъ въ сельскія общества, а они, трехдесятичники, останутся попрежнему безземельными и бездомными батраками. Но мои разъясненія, уговариванія нисколько не подѣйствовали на этихъ несчастныхъ упрямцевъ. Они даже не хотѣли никакъ отозваться: желаютъ или не желаютъ принять свой трехдесятичный надѣлъ.

Такъ протянулось время до самыхъ сумерокъ. Я разчитывалъ было еще засвѣтло уѣхать въ имѣніе Вижуны, гдѣ я

долженъ былъ присутствовать въ особой комиссіи по раздѣлу этого имѣнія между казеннымъ вѣдомствомъ и женой графа Эдуарда Ч—скаго; а приходилось пуститься въ дорогу уже при наступленіи осенней темной ночи. Скрѣпя сердце, я распустилъ волостной сходъ, объявивъ трехдесятиникамъ что болѣе уже не могу говорить съ ними, такъ какъ долженъ сейчасъ же уѣхать, но что, пожалуй, дамъ имъ еще малый срокъ обдумать про свое дѣло, окончательно сообразиться насчетъ требованія губернскаго присутствія, и при томъ предупреждаю ихъ что если по прошествіи даннаго имъ срока они все-таки, какъ и въ нынѣшній разъ, не дадутъ положительнаго отвѣта, то я представляю уже прямо о нежеланіи ихъ принять назначенный для нихъ надѣлъ.

Сходъ началъ расходиться; двинулись толпою и трехдесятиники, и вдругъ человека два изъ нихъ, а можетъ и поболѣе, въ сумятицѣ нельзя было разобрать, обратились въ мою сторону и съ явною по тону рѣчи угрозой что-то крикнули по-литовски.

— Чтѣ такое кричать они? спросилъ я старшину.

Онъ сначала позамаялся въ отвѣтъ, но по настоятельному моему требованію сказалъ откровенно что эти люди крѣпко выругали меня.

— А не замѣтили ли кто именно выругалъ? олять спросилъ я.

— Нѣтъ, не замѣтилъ, только слышалъ, отвѣчалъ онъ.

И проворно онъ кинулся въ толпу расходившихся крестьянъ, все разспрашивая: кто это обругалъ мирового посредника? Но всѣ отвѣтили что брань слышали, а ругателей не замѣтили.

Случай выходилъ, пожалуй, и забавный, но по соображенію обстановки при которой онъ произошелъ весьма не-пріятный. Я тотчасъ же рѣшился остаться на ночлегъ въ Судейскомъ волостномъ правленіи, о чемъ и приказалъ объявить крестьянамъ, которые еще не успѣли разойтись; затѣмъ я велѣлъ старшинѣ чтобы на завтра, съ раннаго же утра, полный волостной сходъ опять былъ собранъ, чтобы на сходѣ находились непременно и всѣ трехдесятиники.

Такого случая я не могъ оставить безо всякихъ послѣдствій. Конечно, я отнюдь не оскорбился тѣмъ что какіе-то безтолковые упрямцы выругали меня на незнакомомъ мнѣ языкѣ, но нельзя же было допустить чтобы ругатели эти, дозволившіе себѣ свой поступокъ при цѣломъ сходѣ, оста-

лись и неоткрытыми и безо всякаго взысканія: я считалъ совершенно необходимымъ строго охранять достоинство моего званія, при уваженіи къ которому только и можно было имѣть вліяніе на народъ, получившій при крѣпостной зависимости извѣстнаго рода воспитаніе; я считалъ это тѣмъ болѣе необходимымъ именно въ Судейской волости, гдѣ уже было столько проявленій безпокойнаго характера тимошнихъ крестьянъ.

На другой день ранымъ-рано волостной сходъ и всѣ трехдесятинники были уже въ сборѣ. Я тоже очень рано былъ готовъ заняться дѣломъ: плохо спалось мнѣ въ эту ночь.

Я вышелъ со сходомъ предъ волостное правленіе. Утро было прекрасное, а мысли тяжелыя, печальныя смущали и тревожили меня. Богъ знаетъ какъ непріятно было думать что эти горемычныя трехдесятинники, о которыхъ я много хлопоталъ, которымъ я истинно желалъ всяческаго добра, безтолково ожесточились противъ меня, а можетъ-статься послѣ розысковъ о вчерашнихъ ручателяхъ, и еще больше ожесточатся.

Впрочемъ я началъ говорить сходу спокойно, хотя и съ довольною строгостью. Я старался какъ можно лучше объяснить что вотъ до чего дошло наконецъ въ Судейской волости. Вчера я пріѣхалъ въ Судейку по порученію губернскаго присутствія, для того чтобъ объявить трехдесятинникамъ распоряженіе присутствія, и распоряженіе совершенно необходимое: ибо если трехдесятинники не хотятъ вносить выкупныхъ платежей за назначенный имъ надѣлъ, за который правительство уже заплатило помѣщикамъ, то значитъ они вовсе не хотятъ имѣть его, а въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть переданъ сельскимъ обществамъ, которыя уже конечно не станутъ уклоняться отъ выкупа его установленнымъ порядкомъ; стало-быть, а ли тутъ причиной что дѣло трехдесятинниковъ приняло такой оборотъ? Да и всякій разъ я пріѣзжаю въ Судейскую волость не для удовольствія же моего, а по обязанностямъ службы: разбираю тутъ на основаніи предоставленной мнѣ закономъ власти дѣла касающіяся до крестьянъ, стараюсь установить въ волостныхъ привленіяхъ и въ сельскихъ обществахъ законные порядки, стараюсь удовлетворить правильнымъ потребностямъ крестьянъ; а вѣжу я всегда только съ писемоводителемъ, да иногда съ однимъ служителемъ и, разумеется, надо мною очень

легко совершить всякое самоуправство и насилие, но я ѣзжу повсюду безбоязненно именно потому что вполне надѣюсь на охрану меня закономъ, на уваженіе народа къ моему званію, на то наконецъ что всѣ знаютъ хорошо что если приключится со мною бѣда отъ самоуправства и насилія, то виновные въ этомъ подвергнутся строжайшему наказанію. Въ заключеніе я сказалъ сходу что вотъ вчера, какъ стали расходиться крестьяне по домамъ, кто-то изъ трехдесятиниковъ выругалъ меня, а такъ-какъ тогда ругателей никто не запримѣтилъ, то я поручаю цѣлой волости разыскать ихъ.

По общему движенію на сходѣ было видно что рѣчь мою всѣ поняли хорошо, что поступкомъ держкихъ ругателей сходъ сильно возмущенъ.

Затѣмъ я отправился въ мѣстечко Вижуны. И на другой же день депутація отъ Судейскаго схода привезла ко мнѣ двухъ трехдесятиниковъ обругавшихъ меня. Бѣдняки были очень перепуганы, очень жалки. Слезно просили они прощенія. Но я не считалъ возможнымъ простить и отдалъ ихъ на волостной судъ за произведенный на сходѣ безпорядокъ. Судъ присудилъ ихъ къ тѣлесному наказанію.

Съ этихъ поръ Судейская волость была въ числѣ самыхъ спокойныхъ по всему моему участку.

Уцянская волость, въ которой приходилось мнѣ побывать напоследокъ, соседняя съ Судейскою. Мѣстечко Уцяны отъ Судеекъ въ четырнадцать, а отъ Вилкомира ровно въ шестьдесятъ верстахъ.

Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю объ Уцянской волости, между прочимъ и о первомъ моемъ посѣщеніи ея.

Начать съ того что дорога отъ Судеекъ до Уцяны замѣчательно хороша по видамъ на каждомъ шагу появляющимся: небольшіе живописные холмы, небольшіе, какъ-то стройно расположенные лѣса, свѣтлыя рѣчки, яркая зелень луговъ чрезвычайно оживляли всю эту мѣстность. Да и весело было мнѣ ѣхать тогда, послѣ благополучнаго окончанія безпорядковъ изъ-за смѣны старшины Ковалелуса.

Уцяны—довольно большое и торговое мѣстечко. Обстроено очень недурно, по крайней мѣрѣ гораздо лучше чѣмъ гдѣ-нибудь въ моемъ участкѣ. Замѣтно было по всему что жители его, и крестьяне, и Евреи, были зажиточны и не осласались что по ихъ житью-бытью замѣтять ихъ зажиточность.

Но Уцянское волостное правленіе совсѣмъ не соответ-

ствовало торговому, довольно красному мѣстечку, да и волости самой большой въ моемъ участкѣ: оно помѣщалось въ весьма ветхомъ, тѣсномъ и темномъ строеніи, которое, очевидно, было когда-то корчмою. Но такъ распорядился бывшій мировой посредникъ, графъ Эдуардъ Ч—скій. Во всѣхъ волостяхъ его участки волостныя правленія какъ нарочно были совершенно негодны.

Встрѣча мнѣ отъ Уцянскаго волостнаго схода была весьма пріятная. Да и то было пріятно что почти всѣ крестьяне могли свободно объясняться со мною по-русски. Въ Уцянской волости уже совершенно подтверждалось мое заключеніе о вліяніи шоссе на обрусеніе Литовцевъ.

Волостной старшина, волостной писарь (какъ водится, польскій шляхтичъ) показались мнѣ людьми хорошими, умными и довольно твердо знающими дѣло. Особенно понравился мнѣ старшина. На всѣ мои вопросы о положеніи волости онъ не только отвѣчалъ обстоятельно, но, повидимому, ему даже пріятно было отвѣчать объ этомъ. У писаря дѣлопроизводство оказывалось въ порядкѣ; только рѣшенія волостнаго суда были не хороши; но это и вездѣ замѣчалось,—тутъ ужъ нельзя было винить писаря.

Еще одно обстоятельство порадовало меня: крестьяне Уцянской волости, куда еще не появлялась повѣрочная коммиссія, платили оброкъ опредѣленный по уставнымъ грамотамъ довольно исправно и недоимки у нихъ особенно не накапливались.

Однимъ словомъ, Уцянская волость во всѣхъ отношеніяхъ (за исключеніемъ только зданія гдѣ помѣщалось волостное правленіе) представлялась на первыхъ же порахъ въ самомъ хорошемъ видѣ. Но и въ послѣдствіи она ничѣмъ не потренировала меня. Уцянскіе крестьяне ни разу напрямѣмъ не нарушили помѣщичью собственность ни лорубками, ни потравками. Правда, владѣлецъ Уцянь жаловался что крестьяне принадлежавшіе къ его имѣнію неправильно присваиваютъ себѣ нѣкоторыя луговые и пастбищныя пространства въ лѣсу; но то былъ споръ о правахъ на владѣніе, который могъ разрѣшиться окончательно только при дѣйствіяхъ повѣрочной коммиссіи. Онъ и разрѣшился тогда безъ особенныхъ затрудненій. Кстати замѣчу что повѣрочная коммиссія (подъ предсѣдательствомъ полковника Носовича) нигдѣ не дѣйствовала такъ успѣшно какъ именно въ Уцянской волости, и эта успѣшность во многомъ зависѣла отъ спокойствія и разсудительности здѣшнихъ крестьянъ.

XI

Собственно о волостях моего первого участка я уже все разказалъ. Но мнѣ не хочется кончить на этомъ. Я желалъ бы на послѣдокъ еще добромъ помянуть и природу сѣверо-западнаго края, и тамошній простой народъ.

Я полюбилъ прекрасныя литовскія мѣста. Часто я вспоминаю о той, далекой теперь отъ меня странѣ, можетъ-быть, изстари мнѣ не чужой *. Живописные холмы ея, свѣтлыя рѣки и озера, еще и нынѣ во многихъ мѣстахъ густые лѣса, яркозеленыя луговыя пространства, нивы превосходно воздѣланной земли, даже извилистыя, узкоколейныя дорожки, даже малыя и неприглядныя деревушки, отражаются прекрасными образами въ моемъ воображеніи. По истинѣ говорю что чрезвычайно хотѣлось бы и отдохнуть тамъ, и умереть.

Но еще болѣе полюбилъ я тамошній народъ, этихъ пасмурныхъ, суровыхъ Жмогусовъ.

Право, мнѣ думается что ни одинъ народъ не любитъ такъ своей родины какъ именно Литовцы, всѣ Литовцы, и старики, и молодежь, и мушны, и женщины, и зажиточные люди и бѣдняки. Литовецъ никогда и ни за что не рѣшается и не рѣшится покинуть свою родную сторону. Онъ непоколебимо убѣжденъ что ливольныѣ, краше ея нѣтъ нигдѣ на бѣломъ свѣтѣ. Какъ-бы ни тѣсно, какъ бы ни мучительно жилось ему на родинѣ, онъ ничего дурнаго не думаетъ, не вспоминаетъ собственно о ней: у него есть свое простое пониманіе тѣхъ условій по которымъ живетъ здѣсь тѣсно и мучительно, но оно ни чуть не задѣваетъ родины.

И какъ трудится Литовецъ на здѣшней почвѣ, не рѣдко весьма скудной, почти всегда крайне тяжелой для воздѣлыванія! По большей части она взята съ величайшими усиліями изъ-подъ болотъ, изъ-подъ срубленныхъ лѣсовъ, и даже теперь еще берется все съ такими же усиліями; вездѣ она камени-

* При разборѣ А. В. Рачинскимъ Виллановской, въ бывшемъ имѣніи Валуцкаго, бібліотеки, я нашелъ нѣсколько документовъ относящихся къ XV столѣтію, въ которыхъ упоминаются два землевладельца съ родовыми прозвищами очень близко подходящими къ моей фамиліи.

ста, отчего нерѣдко у вспахивающихъ, боронящихъ и заставляющихъ ее людей образуются и расширеніе жилъ на ногахъ, и неизбежны затѣмъ раны; безъ удобренія, и очень обильнаго, она не можетъ давать хоть сколько-нибудь вознаграждающихъ трудъ урожаевъ; поля же, по пересѣченности ихъ, раскиданы на далекихъ отъ жилья пространствахъ, отчего еще труднѣе обработка и удобреніе „загоновъ“: но Литовецъ вездѣ и всегда, на своей и на чужой полосѣ, трудится такъ какъ нигдѣ въ Россіи не трудятся, и это не по принужденію, а именно по страстной любви къ своей землѣ и по чувству инстинктивнаго, но глубокаго уваженія къ излюбленному своему труду.

Литовецъ ободряетъ себя въ тяжкомъ трудѣ своимъ чрезвычайною силой поэтическихъ представленій. Нѣтъ лѣса, луга, поля, озера, рѣки, ручья, болота, даже большаго камня, нѣтъ деревушки, односелья, придорожнаго креста, о которыхъ плодovitое воображеніе его не создало бы преданій, то мрачныхъ и печальныхъ, то заключающихъ въ себѣ какую-нибудь практически жизненную и строгую мысль, то (и это гораздо рѣже) свѣтаыхъ и радостныхъ, все-такихъ преданій въ которыхъ проявляется преимущественно любовь къ родной землѣ. Но и все окружающее его, все попадающее ему на глаза повседневно, какъ-бы нарочно говоритъ ему о родинѣ и о любимомъ его трудѣ. Не только трудолюбивая пчела, а и мрачный жукъ и безпечная, суетливая муха подаютъ ему странно-своеобразные жизненные уроки. Считаю что будетъ кстату разказать здѣсь литовскія преданія о жукѣ, о мухѣ, о пчелѣ: они чрезвычайно характеристичны.

„Чернаго, рогатаго, шумно-гудящаго жука литовскіе люди очень дичились и не любили. Да и было за что: часто залѣзалъ онъ въ хаты, запрятывался въ разныя кушанья и оттого выходили большія бѣды: кому бывало попадетъ жукъ ненарокомъ на зубы, тотъ ужъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ, немедленно же умираетъ. Вотъ за это именно не любили жука литовскіе люди, а онъ и самъ не влюбилъ ихъ за то что они всегда его дичились.

„Но ему было мало того что онъ лортилъ кушанье, даже причинялъ легко смерть: онъ захотѣлъ ненавистью своею нанести всѣмъ людямъ еще большее зло.

„Разъ забрался онъ къ какому-то господапису. Но тамъ были осторожны и никакъ не допустили чтобъ онъ запря-

тался въ кушанье. Тогда, подобравъ крошки отъ хлѣба, оброченныя на полъ семейными малолѣтками, злющій жукъ отправился къ Господу Богу показать Ему эти крошки, дабы видѣлъ Господь Богъ какъ пренебрегаютъ люди даромъ Его, хлѣбомъ, что родить родная земля: на полъ его роняютъ всякій разъ за обѣдомъ и за ужиномъ.

„Но дорога была дальняя. Несъ-несъ крошки злющій жукъ и захотѣлъ отдохнуть, а отдыхая заснулъ, такъ и остались онъ во рту у него. А тѣмъ временемъ налетѣла суетливая муха, отобрала крошки у спящаго жука и отнесла ихъ къ престолу Божію, ничего не сказавъ про то какъ обходятся иной разъ простые люди съ даромъ Божиимъ, хлѣбомъ.

„И съ тѣхъ поръ злющій жукъ утратилъ свою прежнюю силу вредить людямъ и люди перестали его бояться; а суетливой мухѣ дано Господомъ Богомъ быть всегда между людей и подбирать сколько хочетъ крошекъ отъ лица человеческой; а за то что она подбираетъ ихъ и чрезъ то не допускаетъ чтобы даръ Божій валялся на полу подъ ногами, муха не околеваешь въ концѣ своей жизни, а умираешь.“

„Безъ плода трудовъ работающей пчелы ксендзъ обѣдни не служить, безъ плода трудовъ пчелы не обходится человекъ и при кончинѣ своей: восковыя свѣчи горятъ и при служеніи обѣдни, и при одрѣ покойника, покуда еще не схоронили его. Возгордилась всѣмъ этимъ работающая пчела и стала считать себя выше всѣхъ тварей земныхъ. А притомъ вздумалось ей что человекъ, всегда работающій на землѣ, плохо, слишкомъ мало почитаетъ ея, пчелу.

„И вотъ летитъ она ко Господу Богу и молитъ Его, дабы далъ ей такую силу что какъ ужалишь она человека тотчасъ же приключалась бы ему неминуемая смерть.

„Нѣтъ, сказалъ въ отвѣтъ пчелѣ Господь Богъ: а такъ будетъ: какъ ужалишь человека, онъ не умретъ, а ты сама околѣешь.

„Съ того времени, такъ и бываетъ всегда: пчела, работница трудолюбивая, но не могущая по праву своему осилить свою злобу, не умираетъ, а околѣваетъ.“

Но и кромѣ этой сильной любви къ родной землѣ, кромѣ постоянно дѣйствующаго расположенія къ земледѣльческому упорному труду, кромѣ, наконецъ, столь замѣчательной способности подкрѣплять себя для жизни повѣческими представленіями, у народа литовскаго есть и еще истинно доб-

рыя качества, которыя можно и должно признать основными чертами въ его характерѣ.

Литвины глубоко и искренно религіозны. Литвинъ способенъ сдѣлаться даже фанатикомъ въ религіозномъ отношеніи. Живю помню какъ шелохнулись вдругъ Жмогусы въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, да и вездѣ въ Ковенской губерніи, вслѣдствіе зловердно раслученныхъ слуховъ будто русское начальство сѣверо-западнаго края хочетъ непременно обращать въ православіе всѣхъ тѣхъ католиковъ которые еще не „биржмованы“ (то-есть не получили еще епископскаго миропомазанія). Мнѣ разказывали что тогда являлись въ Ковно огромныя народныя толпы, ежедневно тысячи по двѣ, по три и болѣе, и епископъ Волончевскій едва успѣвалъ „биржмовать“ всѣхъ къ нему обращавшихся. То было народное движеніе, которое могло привести къ весьма серіознымъ послѣдствіямъ. Но благодаря спокойствію въ распоряженіяхъ тогдашней администраціи все обошлось тихо и благополучно... Заговоривъ о религіозности Литвиновъ, припомню сцены которыя всегда производили на меня глубокое впечатлѣніе. Бывало, пробираясь литовскими узко-извивающимися между холмовъ дорожками, позднимъ вечеромъ, по прекращеніи работъ въ полѣ, я уже непременно навѣзжалъ гдѣ-нибудь на толпу мушницъ и женщинъ, колѣнопреклоненно окружающую высокій крестъ у дорожнаго перекрестка и тихо, стройно поющую молитвы. Общенародная эта молитва, подъ открытымъ небомъ, при закатѣ солнечномъ, среди тишины полей, чрезвычайно умиротворяла мнѣ душу, а вмѣстѣ съ тѣмъ внушала высокое понятіе о народѣ такъ заканчивающемъ свой дневной трудъ.

Религіозностью Литвиновъ обуславливаются еще два его качества, конечно хорошія, хотя и далеко не въ одинакой степени.

Литвинъ, столь охотно сторонящійся со своимъ жильемъ не только отъ чужихъ людей, но и отъ земляковъ, а тѣмъ несомнѣнно обнаруживающій особенную скрытность своего характера, тѣмъ не менѣе вполне правдивый человекъ. Эта правдивость такъ вкоренена въ него что я напримѣръ не помню ни одного случая въ которомъ литовскій крестьянинъ о чемъ-нибудь спрощенный, хотя бы то касалось его собственнаго дурнаго поступка, сказалъ бы неправду. Такое уваженіе къ истинѣ не можетъ не возвышать народнаго характера.

Другое качество Литвина обуславливаемое его религиозностью, — та особенная его серьезность, которая выражается во всех жизненных отношеніях как-то чересчур угловато, чтобы быть вполне хорошим качеством. Серьезность эта почти во всем доведена до чрезвычайно преувеличенной суровости, и оттого крайне сумрачна жизнь Литвина, каким-то мутным потоком она течет: есть тутъ что-то неладное, какъ бы неестественно сложившееся, даже какъ бы противорѣчащее правдивости народного характера.

Замѣчу и еще хорошее качество, — чрезвычайную умѣренность во всемъ домашнемъ бытѣ Литвиновъ (впрочемъ часто переходящую въ крайнюю же скудость). Литвинъ, волею котораго живетъ и безпрестанно суетится Еврей-корчмарь, такой великій мастеръ соблазнять водкой, трезвъ замѣчательно. Онъ, безо всякаго сравненія, трезвѣе Бѣлорусса, а также Поляка мелкаго шляхтича, Поляка мѣщанина и ремесленника. И оттого что литовскій крестьянинъ не поддается въ этомъ отношеніи еврейскимъ соблазнамъ, Евреи, проживающіе по мѣстечкамъ и по деревнямъ въ Ковенской губерніи, гораздо бѣднѣе, даже умственно неразвитѣе чѣмъ тѣ ихъ единоплеменники которые живутъ и промышляютъ по другимъ губерніямъ сѣверо-западнаго края. Я помню, говорили и писали будто трезвость Литвиновъ проявилась очень недавно, что она подъ ксендзовской проповѣди, предъ началомъ послѣдняго польскаго мятежа. Проповѣдь о трезвости точно была, да затѣянато она вовсе не съ цѣлю обратить народъ къ воздержанію: она просто-на-просто служила прикрытіемъ прямой мятежнической пропаганды.

Я перебралъ всѣ главнѣйшія хорошія черты въ характерѣ литовскаго крестьянина, и можетъ-быть не съ должною подробностью и ясностью указалъ на нихъ: но мнѣ пора кончить и весь мой разказъ; поэтому слегка же укажу теперь на иные стороны ихъ характера, стороны, по правдѣ сказать, крайне не симпатичныя.

Уже много говорилъ я о поземельныхъ отношеніяхъ въ сѣверо-западномъ краѣ и о томъ вліяніи какое имѣютъ они на жизнь тамошнихъ крестьянъ въ семьѣ и на „міру“; но приходится и олять вести рѣчь объ этомъ. Несомнѣнно что литовскій крестьянинъ, именно господарись, тутъ-то и про-

являетъ дурныя черты своего характера: чрезвычайную эгоистичность, доходящую до такой жестокости что при ней забываются всѣ родовыя связи и всякая справедливость, и полнѣйшую, въ высшей степени неразумную непредусмотрительность насчетъ положенія въ родной семьѣ и себя самого, и своего потомства. Литовскій крестьянинъ, какъ я уже приводилъ примѣры тому, нисколько не жалѣетъ самыхъ близкихъ своихъ родичей, прихотливо и произвольно выгоняя ихъ изъ дому, лишая ихъ всякаго участія въ родовомъ достояніи; столь мало уважаетъ отца роднаго, уступающаго ему добровольно свое господарство что и его выживаетъ изъ дому, да еще за дрянную хатку съ крошечнымъ огородомъ облагаетъ барщиной; не хочетъ предусматривать что станется съ прочими его дѣтьми, даже съ нимъ самимъ, по передачѣ одному сыну господарскихъ своихъ правъ, не предусматриваетъ насколько черезъ все это семья его утрачиваетъ вообще силы и нравственной, и матеріальной. Такимъ образомъ понятіе о родѣ, о семьѣ, какъ единицѣ для совмѣстной жизни и общаго труда, у литовскаго крестьянина уничтожилось совершенно или, пожалуй, замѣнилось чѣмъ-то крайне неопредѣленнымъ и, скажу прямо, безтолковымъ.

Но несомнѣнно и то что все это развилось не изъ природнаго характера Литвиновъ; тутъ выразились постороннія вліянія, то особенное воспитаніе какое дала народу крѣпостная практика. Говорятъ, и я готовъ съ этимъ согласиться, что крестьянинъ, дѣятельность котораго всегда односторонняя, а понятія объ обязанностяхъ къ обществу, къ ближнему мало развиты, и вообще слишкомъ склоненъ къ эгоизму самому узкому и жесткому; но я увѣренъ въ томъ что никогда прирожденный эгоизмъ литовскаго крестьянина не достигъ бы той степени жестокости и неразумія, на какой онъ теперь стоитъ, еслибы не была ему навязана при крѣпостномъ правѣ система участковаго пользованія землею, еслибы характеръ его не сложился подъ вліяніемъ панскаго произвола...

Заговоривъ объ этомъ, не могу не перейти опять къ литовскому батрачеству.

Положеніе батраковъ сѣверо-западнаго края, особенно же въ Ковенской губерніи, гдѣ батрачество наиболѣе развито, повторяю и готовъ повторять безпрестанно, въ выс-

шей степени тяжело и безотраднo для нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вредно, даже опасно для общества и государства.

И вотъ что надо твердо замѣтить: батрачество, порожденное прежними условіями жизни здѣшняго народа, должно будетъ неменее развиваться и усиливаться все болѣе и болѣе, если народная жизнь не получитъ здѣсь иного направленія.

Объ этомъ одно время много думали. Но не вышло тутъ результатовъ какихъ слѣдовало бы ожидать.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ теперешняго моего разказа я упоминалъ мелькомъ о томъ что когда я былъ мировымъ посредникомъ въ Ковенской губерніи, вопросъ объ обезпеченіи быта здѣшнихъ батраковъ обсуждался сначала въ Ковнѣ, потомъ въ Вильнѣ, и что въ оба эти раза меня призывали къ участию въ трудахъ особыхъ комиссій занимавшихся этимъ важнымъ дѣломъ. И первоначальный ходъ его былъ чрезвычайно интересенъ; но подробный разказъ о немъ, думается, еще неудобенъ для теперешняго времени. Я рѣшаюсь только привести здѣсь записку поданную мною въ началѣ ноября 1865 года тогдашнему генералъ-губернатору сѣверо-западнаго края, вслѣдствіе которой и была образована вторая коммиссія по вопросу о батракахъ.

Вотъ что писалъ я:

„Положенія 19 февраля 1861 года и послѣдовавшія затѣмъ правительственныя распоряженія изданныя въ облегченіе и обезпеченіе быта крѣпостныхъ крестьянъ имѣли въ сѣверо-западномъ краѣ примѣненіе только къ лицамъ крестьянскаго сословія пользовавшимся отъ помѣщиковъ какими-либо земельными участками, и къ тѣмъ еще которые были обезземелены въ извѣстный періодъ времени (отъ составленія инвентарей или послѣ 1857 года). Но многочисленный классъ здѣшняго народа, батраки, не воспользовался благотвіями крестьянской реформы во всемъ ея размѣрѣ. Бытъ батраковъ остается попрежнему крайне стѣсненнымъ и безотраднымъ: они въ той же въ какой были прежде зависимости отъ помѣщиковъ и отъ крестьянъ-дворохозяевъ (господарей), а эта зависимость особенно тяжела, потому что батраки-земледѣльцы по преимуществу и инымъ трудомъ, кромѣ земледѣльческаго, по многимъ причинамъ обуславливающимъ все экономическое положеніе здѣшняго края, заниматься не могутъ. Правда, законъ 19 февраля 1861 года даровалъ батра-

камъ общія гражданскія права, стало-быть даровалъ имъ и нравственныя средства для борьбы съ эксплуатаціей помѣщиковъ и господарей, и, конечно, въ полную крѣпостную зависимость на всѣхъ прежнихъ ея основаніяхъ они не впадаютъ; но все-таки по неимѣнію вообще нравственныхъ силъ, зависящему отъ матеріальнаго ихъ состоянія, они не могутъ идти самостоятельно къ какому-либо улучшенію, а тѣмъ мѣнѣе къ обезпеченію своего быта, и въ настоящемъ своемъ видѣ представляютъ изъ себя полный пролетаріатъ, вредный для края въ экономическомъ отношеніи и не безопасный для государства въ отношеніи политическомъ.

„Можно утвердительно сказать что если не будутъ приняты мѣры къ тому чтобы теперешнее положеніе батраковъ измѣнилось существенно и именно на основаніяхъ какія были указаны при крестьянской реформѣ Высочайшею волей для всего народа Русскаго, то положеніе это представится совершенно безысходнымъ. Посему вопросъ объ улучшеніи и обезпеченіи быта батраковъ стоитъ на очереди для разрѣшенія, безъ котораго была бы и неполна крестьянская реформа въ здѣшнемъ краѣ.

„Мѣстное высшее начальство уже обратило вниманіе на батраковъ; въ виду его имѣются многіе факты о теперешнемъ ихъ положеніи; но можно сомнѣваться чтобы для вѣрнаго разрѣшенія вопроса достаточно было этихъ фактовъ: они слишкомъ отрывочны, слишкомъ неполны, не обнимаютъ собою всѣхъ жизненныхъ отношеній отъ которыхъ зависитъ батрачество со всѣми его послѣдствіями.

„Въ-прежнее время ряды батраковъ пополнялись преимущественно произволомъ помѣщиковъ; но нынѣ нѣтъ уже ему мѣста, и число батраковъ можетъ расти нескончаемо: сама народная жизнь казнитъ язвой батрачества младшихъ членовъ семействъ, лишая ихъ незаконно наслѣдственныхъ правъ на общее родовое достояніе и уничтожая тѣмъ силу и значеніе семьи какъ общественной единицы. Такъ дѣйствовала народная жизнь постоянно и въ-прежнее время при произволѣ помѣщичьемъ какъ бы помогая ему; но изъ-за него ея дѣйствія оставались незамѣтными. При крестьянской реформѣ для здѣшняго края какъ и для всей Россіи принималась въ разчетъ крѣпостная зависимость крестьянъ только отъ помѣщиковъ; другая же причина обуславливавшая крѣпостную зависимость значительной части народонаселе-

нія не отъ помѣщиковъ, а отъ господарей, вовсе была улучшена изъ виду: оттого батраки, да и всѣ младшіе члены семействъ не воспользовались благодареніями реформы 19 февраля 1861 года; оттого же всякія мѣры къ облегченію положенія батраковъ останутся неэффективными для настоящаго и особенно для будущаго времени, если только не будутъ онѣ основаны на твердомъ изученіи батрачества по отношенію къ дѣйствительной жизни.

„Позволяю себѣ думать что предварительно рѣшенія вопроса объ улучшеніи быта батраковъ надо было бы изслѣдовать этотъ бытъ во всѣхъ его отношеніяхъ, чрезъ особо для сего назначенную комиссію.

„Трудъ принадлежащій этой комиссіи чрезвычайно важенъ: она должна изслѣдовать съ величайшею подробностью всѣ причины производшія и производящія батрачество и затѣмъ всю жизнь батрака отъ начала и до конца со всеми ея условіями. Тогда можетъ раскрыться въ цѣльной и ясной картинѣ, насколько и какъ зависитъ батракъ отъ нанимателя пользующагося его трудомъ,—помѣщика и крестьянина-господаря; что даетъ ему постоянный земледѣльческій трудъ; насколько возможенъ для него самостоятельный выходъ вслѣдствіе усерднаго труда и бережливаго образа жизни изъ бездомнаго, безземельнаго и безсемейнаго батрачества въ иное, лучшее положеніе; насколько въ дѣйствительности улучшается его бытъ при такомъ выходѣ; возможна ли для него хоть сколько-нибудь обезпеченная семейная жизнь, и наконецъ, что такое вообще батракъ какъ членъ крестьянскаго общества и каковъ размѣръ его физическихъ и нравственныхъ силъ.

„Тогда только, мнѣ кажется, можно будетъ найти вѣрные способы къ рациональному улучшенію и обезпеченію быта батраковъ и младшихъ членовъ крестьянскихъ семействъ,— чѣмъ и довершится великое дѣло крестьянской реформы въ здѣшнемъ краѣ.“

На этомъ я и оканчиваю.

22 апрѣля 1879 года.

Острогжскъ.

